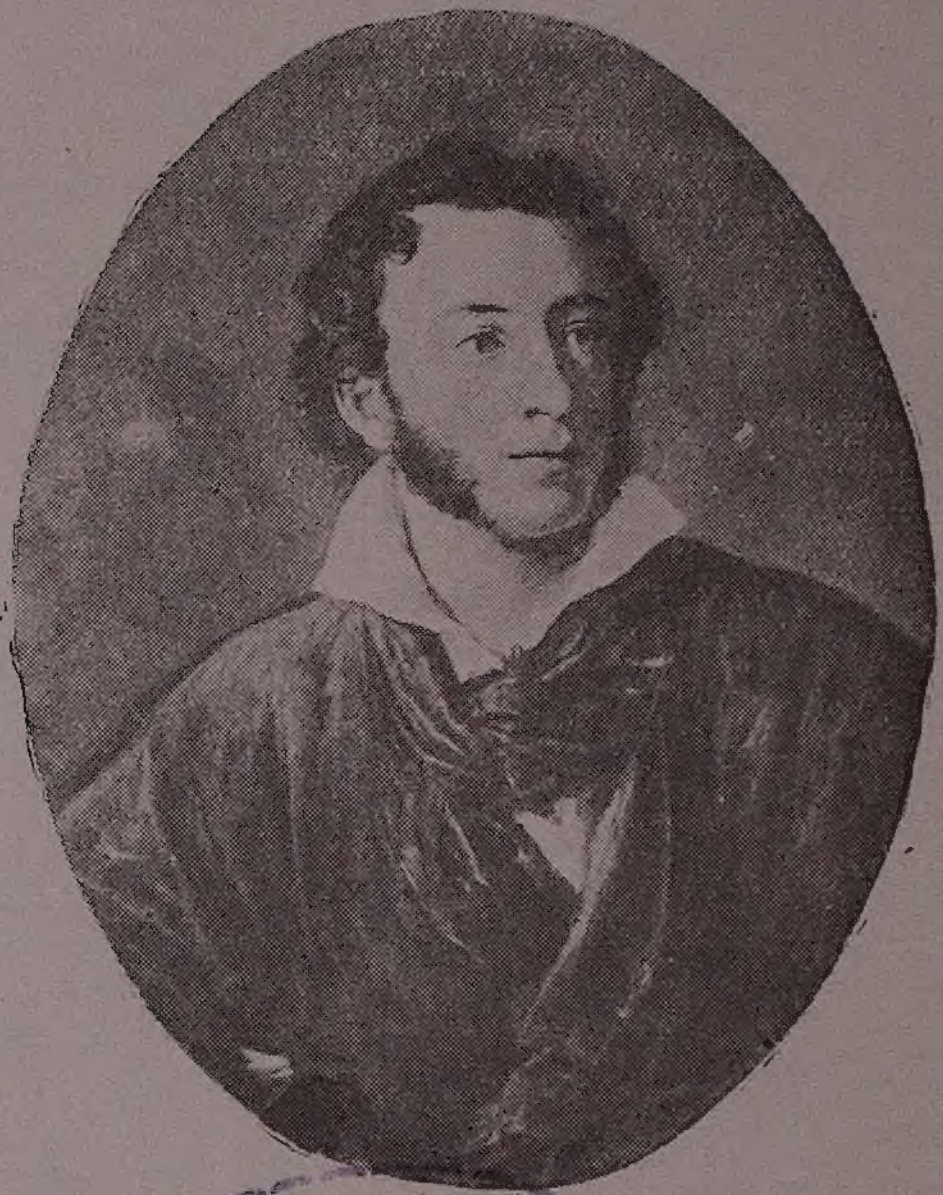
923(57)
17-91

А. С. ПУШКИН
И
СИБИРЬ

27408

PK



Библиотека им. А. С. Пушкина
№

923 (57)
П-91
87408

А. С. ПУШКИН
И
СИБИРЬ

ОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА
им. А. С. Пушкина
№

МОСКВА 1937 ИРКУТСК
ВОСТСИБОБЛГИЗ

Г. Ф. Кунгуров

ВЕЛИКИЙ ПОЭТ ВЕЛИКОГО НАРОДА

1

Великому русскому народу принадлежит честь иметь в своих рядах гениального поэта, непревзойденного художника слова, глубокого мыслителя, лучшего друга и выразителя дум и чаяний народных—Александра Сергеевича Пушкина.

Сто лет тому назад кровавая рука царского наймита поразила пламенное, свободолюбивое и благородное сердце гения. Царские жандармы украли ночью у народа тело великого Пушкина и зарыли его в землю, как зарывают отверженного, отщепенца, «государственного преступника».

Убить поэта и спрятать его тело легко удалось царю и жандармам. Но им не удалось закопать в землю, украсть у народа гениальные творения поэта, им не удалось закопать в землю живой образ Пушкина, заглушить живительное пламя его благородного сердца, гениальные мысли его светлого разума.

Народ заклеймил подлых убийц и гонителей Пушкина черным презрением, и это презрение народа к врагам будет из года в год, из века в век передаваться от поколения к поколению. Этот гнев народа прекрасно выразил М. Ю. Лермонтов в своем пламенном стихотворении «Смерть поэта».

„И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!“

Вскоре после смерти Пушкина царь Николай 1 убедился в том, как велик и неудержим гнев народный против убийц; и коронованный подлец принимает все меры к тому, чтобы замести следы и показать свое лицо в более привлекательном виде.

После известия о тяжелом ранении Пушкина, царь обещал обеспечить семью его в случае преждевременной смерти поэта, но лицемерный варвар тут же ставил ряд жестоких требований. Царь требовал, чтобы умирающий поэт выполнил все христианские обряды. Умирающего Пушкина едва убедили «позвать священника». Но требования царя далеко не ограничились этим; царь очень боялся, что бесстрашный Пушкин, порывая со всем земным, может перед смертью высказать, или (что было еще страшнее!) может оставить в записях что-либо окончательно разоблачающее царя. Он спешно поручает Жуковскому опечатать кабинет Пушкина и немедленно уничтожить все сомнительное и предосудительное, «как могущее повредить его (Пушкина—Г. К.) памяти».

Умирающий Пушкин хорошо знал характер самодержавного деспота, он чувствовал какая кара постигнет его семью, если он отвергнет «монаршее доверие».

Тяжело дыша он попросил вынуть из своего письменного стола какой-то исписанный листок и сжечь его при нем. Пушкин знал, что ему до последнего вздоха не удастся избавиться от душившей его царской руки. Единственно, что попросил Пушкин,—это похоронить его не в мундире, а во фраке. Царь и в этом увидел недопустимую демонстрацию.

Почти столетие шла борьба за подлинного Пушкина.

Придворные борзописцы, чиновники от пера, присяжные писаки и критики царской России из года в год «славили» Пушкина; они показывали великого поэта народу через хитросплетенную паутину, через паутину лжи, замалчиваний и фальсификаций. Из свободолюбивого, бичующего царизм, народного поэта, враги народа пытались сделать Пушкина поэтом чистой лирики, безмятежного бунтаря,

певца безвредной героики и даже борца за религию и престол.

Так проходило «освоение» Пушкина.

Русский народ знал, читал и любил своего Пушкина. Но надо было свершиться Октябрьской революции, чтобы советский народ сумел полностью отвоевать и вырвать Пушкина из цепких лап присяжных писак самодержавия и жалких толкователей либеральной прессы.

Пушкин—родоначальник русского литературного языка, отец подлинной реалистической литературы, пламенный, свободолюбивый певец народа, непримиримый враг самодержавия, крепостничества и дворянской придворной спеси,—шагает через века, шагает вместе с нами, как боец, как победитель!

И мы можем с гордостью повторить правдивые и искренние слова поэта:

„Но краски чуждые с летами
Спадают ветхой чешуей:
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой".

II

Пушкин—наша национальная гордость.

В. И. Ленин писал: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину...»[1]

В Пушкине, как в кристально-чистом зеркале, отразилась эта беззаветная, пламенная любовь к русскому народу, к русскому языку, любовь к родине. Пушкин бесконечно близок и дорог народу, Пушкин создан своим народом.

Великий русский критик Белинский писал, что пушкинский «Евгений Онегин»—глубоко народное произведение.

---

[1] В. И. Ленин, соч. т. XVIII, стр. 81. Разрядка наша

Действительно, все творчество Пушкина это живое полнокровное и ярко-художественное отображение жизни русского народа.

Вот почему так убедительно звучат слова поэта:

„И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа".

Еще в 1882 г. К. Маркс писал: «...Россия представляет собою передовой отряд революционного движения в Европе»,[1] и он предсказывал, что революция начнется с Востока. Это гениальное предсказание под руководством Ленина и Сталина осуществил великий русский народ вместе с трудящимися других народов России. Социалистические завоевания советского народа отражены в великой сталинской Конституции.

Мы горячо и самоотверженно любим свою социалистическую Родину, мы любим свой язык, язык гибкий, образный, живой и чрезвычайно богатый. Наш язык становится сейчас интернациональным. Трудящиеся всего мира, передовая интеллигенция всех стран стремятся изучить русский язык, чтобы читать по первоисточникам произведения Ленина и Сталина, чтобы следить за каждой строчкой советской прессы.

Известно, что К. Маркс и Ф. Энгельс с исключительной настойчивостью изучали русский язык, чтобы читать в подлинниках русскую литературу. К. Маркс и Ф. Энгельс чрезвычайно высоко ценили Пушкина и как мыслителя и как непревзойденного мастера художественного слова, как представителя подлинного русского литературного языка.

К. Маркс в книге «К критике политической экономии», где он доказывает порочность и несостоятельность теории Рикардо о значении золота, делает весьма характерное примечание со ссылкой на Пушкина». В поэме Пушкина,—пишет

---

[1] Цит. по „Правде" от 15 января 1937 г. ст. „Великий русский народ".

Карл Маркс,—отец героя никак не может понять, что товар—деньги. Но что деньги представляют собою товар, это русские поняли уже давно...»[1] К. Маркс имел в виду следующие строфы из «Евгения Онегина»:

„...Читал Адама Смита,
И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золото ему,
Когда простой продукт имеет.[2]
Отец понять его не мог
И землю отдавал в залог"...

Ф. Энгельс изучал русский язык в первую очередь по произведениям Пушкина. В институте Маркса-Энгельса-Ленина хранится характерный документ—записная книжка Энгельса, вся испещренная выписками на русском языке из поэмы «Евгений Онегин». По этим выпискам можно судить, как тщательно, с какой кропотливостью и любовью Энгельс делал выписки отдельных слов и выражений из «Евгения Онегина».

В 1891 году Ф. Энгельс писал своему русскому корреспонденту Даниэльсону: «...ошибочными и недостаточными кажутся нам рационалистические обобщения XVIII-го века,—хотя бы, например, доброго старого Адама Смита, который принял условия, господствовавшие в Эдинбурге и окрестных шотландских графствах, за нормальные для целой вселенной! Ваш Пушкин уже знал э́то...»[3]

К. Маркс и Ф. Энгельс очень высоко ценили и любили Пушкина, как классика русской поэзии. П. Лафарг пишет:

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения т. XII, ч. I, стр. 160 Партиздат, 1935 г.

[2] Разрядка наша.

[3] Цит. по „Правде" от 10 февраля 1937 г. Ст. „Великие современники". Разрядка наша.

«Когда Марксу было уже 50 лет, он принялся за изучение русского языка и, несмотря на трудность этого языка, овладел им через каких-нибудь шесть месяцев настолько, что мог с удовольствием читать русских поэтов и прозаиков, из которых особенно ценил Пушкина, Гоголя и Щедрина».

Таким образом наш народ по праву может гордиться тем, что его детище—национальный русский гений Пушкин—был любим и высоко ценим основоположниками марксизма.

Известно также, с какой любовью относился к творчеству Пушкина В. И. Ленин.

Ленин неоднократно с наслаждением перечитывал Пушкина. В своих воспоминаниях о Ленине Н. К. Крупская пишет: «Я привезла с собой в Сибирь Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Владимир Ильич положил их около своей кровати, рядом с Гегелем, и перечитывал их по вечерам вновь и вновь. Больше всего он любил Пушкина» (Н. К. Крупская. «Воспоминания о Ленине»). Об этом же говорит в своих воспоминаниях и П. Н. Лепешинский, он пишет: «Он (Ленин) никогда не прочь в очень редкие минуты отдыха заглянуть в какой-нибудь томик Шекспира, Шиллера, Байрона, Пушкина».

Ленин очень часто в своих произведениях, особенно в полемических, пользовался образами, созданными мировой и русской литературой. Из русских писателей он чаще всего берет образы, данные Салтыковым—Щедриным, но нередко у Ленина можно встретить и пушкинские тексты.

Ленинская трактовка пушкинских слов из «Бориса Годунова»—«народ безмолвствует», данная им в пламенной статье «Революционные дни», является образцом того, насколько этот пушкинский образ был продуман, прочувствован и использован Лениным.

Эта статья Ленина написана в бурные, революционные дни 1905 года. Ленин начинает статью словами «Бунт или

---

[1] П. Лафарг. „О Карле Марксе и Фридрихе Энгельсе". Партиздат. 1936 г., стр. 16.

революция?» и отвечает: «не даром некоторые заграничные газеты завели уже «дневник русской революции». Заведем такой дневник и мы»... «Мы должны... почерпать из опыта сегодняшней истории уроки, которые пригодятся завтра, в другом месте, где сегодня еще «безмолвствует народ» и где в ближайшем будущем в той или иной форме вспыхнет революционный пожар».[1]

Глубокое и исключительно верное толкование дано Лениным известного пушкинского обобщения, данное поэтом в словах о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном».

В «Проекте программы нашей партии» Ленин писал об отношении революционного рабочего класса к крестьянскому движению. Здесь и применил Ленин вышеприведенные пушкинские слова. Ленин писал: «Наличность революционных элементов в крестьянстве не подлежит, таким образом, ни малейшему сомнению. Мы нисколько не преувеличиваем силы этих элементов, не забываем политической неразвитости и темноты крестьян, нисколько не стираем разницы между «русским бунтом, бессмысленным и беспощадным» (разрядка наша.—Г. К.) и революционной борьбой...» и дальше: «Но из всего этого следует только то, что безрассудно было бы выставлять носителем революционного движения крестьянство»...[2]

Известно, что Ленин взял для заголовка к своей работе, изданной в 1907 г. и посвященной критике неправильной оценки политического положения в этот период, пушкинские слова «Услышишь суд глупца»...

Толкование и использование Лениным в своих произведениях образов и выражений Пушкина должно привлечь особенное внимание историков и пушкинистов.

Столетний юбилей Пушкина, проводимый в Советской стране, принял невиданный размах, размах общенародного торжества. Никогда в течение всего столетия в России не поднимался, да и не мог подниматься с такой глуби-

---

[1] Соч. Ленина, т. VII, стр. 82—83.
[2] Соч. Ленина, т. II, стр. 520. Разрядка наша.

ной и силой, интерес к Пушкину и его творчеству. Только в условиях Советского Союза, в условиях победившего социализма мог расцвести в новом ярчайшем свете и облик великого Пушкина и облик его гениальных творений. Во всем этом каждый из нас видит и чувствует мудрую и направляющую руку нашей партии и великого вождя народов тов. Сталина.

Вершина русской культуры—ленинизм—самое передовое и революционное учение в мире. Ленинизм—учение интернациональное, ибо оно стало революционным знаменем трудящихся и угнетенных всего мира. Мы с величайшей гордостью и любовью называем имена его творцов—Ленина и Сталина.

Ленинизм—вершина русской культуры, детище русского народа. Русскому народному характеру несвойственна национальная ограниченность, национальная нетерпимость, чувство расового превосходства и национальной злобы. В России густопсовые националисты, националисты-погромщики всегда были жалкой, ничтожной кучкой прохвостов господствующего класса.

Правда, эти прохвосты применяли все усилия к тому, чтобы разжечь национальную вражду, всюду натравливали русский народ на другие народы, как внутри России, так и вне ее. В борьбе за победу социализма пролетариат и русский народ шли в тесном содружестве с трудящимися других народов России. Русский народ никогда не выступал против национальной формы, национальных особенностей жизни любого народа. Наоборот, «период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме» (Сталин).

У национального гения Пушкина, как сына русского народа, никогда не было чувства превосходства, пренебрежения к другим национальностям. Он считает равноправными все народы и одинаково считает людьми всех, будь то: русский, узбек, француз, немец, калмык, цыган и др.

В пушкинское время такие взгляды были крайне смелыми, это было величайшим подвигом великого гуманиста

Пушкина. Пушкину удалось с исключительной любовью и теплотой дать образы героев, независимо от их национальностей. В этом—одна из сильнейших сторон творчества Пушкина, делающая его произведения общенародными, интернациональными.

Пушкин с гордостью и достоинством восклицает:

„Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степной калмык..“

Пушкин стал близким и родным для всех народов нашего Союза. Его столетний юбилей по праву является юбилеем и всесоюзным и всенародным.

Пророческие слова поэта сбылись: слух о нем неудержимой волной прокатился по «всей Руси великой».

III.

Пушкин жил и творил свои гениальные произведения в первой половине XIX столетия. Этот период истории характерен тем, что капитализм в Европе восторжествовал над феодализмом. В России же в это время поднимались силы, которые начинали развертывать борьбу с самодержавием и крепостничеством.

Революционные идеи передовых мыслителей Запада, развертывающаяся критика царизма и крепостничества в России оказали огромное влияние на Пушкина.

Пушкин, с детства владеющий французским языком, очень рано познакомился с идеями французских просветителей XVIII века—материалистов и атеистов. Детство поэта проходило в бурный период, когда:

„Метались смущенные народы:
И высились, и падали цари,
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари“.

Это было время, когда гром французской буржуазной революции прокатился по всей Европе, и Наполеон своей властной рукой окончательно добивал феодальную Германию. Это было время, когда освободительные идеи французских просветителей возбуждали передовые умы всех стран, в том числе и России.

Между тем, действительность, в которой жил и работал Пушкин, душная, грязная действительность—век «кочующего деспота» Александра I и Николая I,—повис над Россией черной тучей.

Это был век, когда «говорить было страшно, и молчать было бедственно». И Пушкин, оглядываясь в страхе на действительность, с горечью и отчаянием воскликнул: «Чорт догадал меня родиться в России с душою и талантом».

К этой мысли он возвращается очень часто, принимает все меры к тому, чтобы убежать из России за границу.

Пушкину удалось с потрясающей правдивостью дать картину крепостной России:

„Увы! Куда не брошу взор—
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор;
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела — рабство грозный гений
И славы роковая страсть".

Недавно обнаружен дневник Н. И. Долгорукова, он записал в нем свои впечатления и встречи с Пушкиным. Этот дневник проливает свет на отношение Пушкина к порядкам, царившим в России в его время. В дневнике мы читаем:

«Пушкин разгорался, бесился и выходил из терпения. Наконец, полетели ругательства на все сословия. Штатские—подлецы и воры, генералы—скоты большей частью, один класс земледельцев—почтенной. На дворян русских

особенно нападал Пушкин. Их надобно повесить, а если бы это было, то он с удовольствием затягивал бы петли».[1]

Этот разговор Пушкина происходил в 1822 г.

Пушкин не мирился с действительностью, не склонял голову перед деспотизмом. Вольнолюбивый, прямой и бесстрашный он бросал в лицо деспотам свои пламенные и бичующие слова, свои изумительные и колкие эпиграммы.

Пушкин смело глядел вперед, его до глубины души волновала судьба угнетенного народа.

Пушкин оказался на стороне декабристов, Пушкин воспел декабризм, он стал пламенным певцом свободы и братства народов.

Пушкин—дворянин; глупые вульгаризаторы и жалкие схематики немедленно объявили Пушкина и его творчество дворянским. Вульгаризаторы в своих «исследованиях» всеми силами пытались доказать, что Пушкин не сумел и не мог вырваться из цепких лап дворянского сословия и его идеологии, и что это наложило неизгладимую печать на все его творчество. Это—низкая клевета!

Пушкин сумел уйти от своего класса, подняться выше его на несколько голов. Пушкин находился в остром, непримиримом конфликте со своим классом.

Вместе с декабристами он внимательно следил за революционной борьбой в Европе и всем сердцем был на стороне борцов-революционеров.

В оде «Вольность» он писал:

„Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу!
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу.
Читают на твоем челе
Печать проклятия народы,
Ты—ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле...

---

[1] Цит. по „Правде" от 11 декабря 1936 г. Ст. „Ценный документ о Пушкине".

Он страстно призывал к восстанию:

„Тираны мира! Трепещите!
А вы мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!"

Освобождение крестьян от крепостного ига Пушкин считал самым главным условием для развития и процветания родины.

Он горячо верил, что революционные идеалы, его заветные, свободолюбивые мечты безусловно осуществятся. Но эти мечты, эти надежды оказались разбитыми. Революционные волны, революционный подъем 20-х годов был сломлен и в Европе и у нас в России. Наступила полоса черной реакции, полоса жестоких расправ. Поражение декабристов и расправа с ними глубоко потрясли Пушкина.

Такой расправы, какую устроил царь над декабристами, Пушкин никак не ожидал. Потрясенный этим событием, он ищет выхода.

Он не видит и не находит той силы, которая бы сумела сломить самодержавие, свалить ненавистный трон.

У Некрасова, в его стихотворении, посвященном декабристам, Пушкин говорит:

„Умрете, но ваших страданий рассказ
Поймется живыми сердцами"...

По утверждению Некрасова, Пушкин страстно мечтает после «Истории Пугачева» проехать за Урал, в Сибирь, где томятся декабристы, однако—

„Поэт написал „Пугачева",
Но в дальние наши снега не попал.
Как мог он сдержать это слово?"...

Пушкин думает, что единственным путем является изменение самого образа царствования, ему хотелось верить,

что Николай I станет таким же, как Петр I, и, хотя бы в малой степени, облегчит судьбу народа, будет заботиться о просвещении народа и бороться за самостоятельность и национальную независимость России.

Пушкин вскоре убедился в своей роковой ошибке. Царь—тупой и жестокий деспот—вызывает в нем новый прилив гнева и ненависти. Пушкин со всей силой своего таланта вновь и вновь бросается в неравный бой и атакует самодержавие.

В одном из своих писем жене о царе Пушкин писал: «На того я перестал сердиться; потому что... не он виноват в свинстве, его окружающем. А живя в нужнике, поневоле привыкнешь к г... и вонь его тебе не будет противна, даром что—джентльмен. Ух, кабы мне удрать на чистый воздух».[1]

Судьба России, судьба народа все глубже и глубже волнуют великого поэта. Он внимательно вглядывается в соотношение классовых сил. Отношения между помещиками и крестьянством становятся ведущим началом всего пушкинского творчества. И если мы внимательно взглянем на все творчество Пушкина, мы заметим, что центральной темой их является тема—самодержавие и народ. Примерами могут служить «Вольность», «Борис Годунов», «Капитанская дочка», «История Пугачева» и др. После выхода в свет «Бориса Годунова» Пушкин писал своему другу поэту и критику П. А. Вяземскому: «Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию—навряд, мой милый. Хотя она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого, торчат!»[2]

Пушкин упорно ищет пути к счастью народа. Атакуя и бичуя самодержавие и дворянство, Пушкин с исключительной любовью, тепло и ярко обрисовывает «класс земледельцев—почтенной», обрисовывает характер русского народа.

---

[1] Цит. по ж. „Большевик". № 3. 1937 г., стр. 72.
[2] Цит. по „Пушкинскому календарю" 1937 г., стр. 6.

Носителем положительных человеческих черт, носителем гуманизма во всем творчестве Пушкина выступает не дворянство, не аристократия и вельможная знать, а народ.

«К особенным свойствам его поэзии,—писал Белинский,—принадлежит ее способность развивать в людях чувство изящного и чувство гуманности, разумея под этим словом бесконечное уважение к достоинству человека, как человека... Придет время, когда он будет в России поэтом классическим, по творениям которого будут образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство...»[1]

Пушкин жадно всматривается в современные ему крестьянские волнения, упорно и глубоко изучает историю крестьянских бунтов. Пушкин не доверяет никаким, даже самым авторитетным, историкам того времени, а изучает историю бунтов по первоисточникам, по архивным материалам.

Пушкин с глубоким уважением относился к Карамзину, высоко ценил его труды по истории. Но это ни в коем случае не помешало Пушкину резко осуждать и критиковать реакционные взгляды Карамзина. Пушкин писал: «Многие забывали, что Карамзин печатал свою историю о России—государстве самодержавном, что государь, освободив его от цензуры, сим знаком доверенности налагал на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умеренности».[2]

В одной из своих эпиграмм на карамзинскую историю Пушкин писал:

„В его истории изящность, простота,
Доказывают нам без всякого пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута".

В противовес официальным историкам, которые изображали Пугачева вором, разбойником, извергом, Пушкин

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собр. соч. т. XII, стр. 218—219.
[2] Цит. по ж. „Исторический журнал", № 1, изд. 1937 г., стр. 18.

в «Капитанской дочке», в «Истории Пугачева» дал правдивый образ Пугачева, как борца за народную волю, как народного героя.

Пушкин, дав образ Пугачева, тут же спешит подчеркнуть народные интересы, любовь к своему герою и пишет: «Весь черный народ был за Пугачева».

В смелом и правдивом описании Пугачева ярко выделяется и лицо самого свободолюбивого Пушкина.

В рукописи «Путешествие в Арзрум» он с исключительной правдивостью и смелостью описывает жизнь заложников, черкесских мальчиков-аманатов.

«Они поминутно проказят и бегают по крепости. (Их держат в жалком положении. Они ходят в лохмотьях, полунагие, и в отвратительной нечистоте. На иных видел я деревянные колодки. Вероятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалеют о своем пребывании во Владикавказе)».[1]

Царь, при просмотре рукописи, с возмущением вычеркнул все те слова, которые заключены в скобки.

Работа Пушкина над историческими документами была сопряжена с невероятными трудностями. Царские чиновники не допускали Пушкина к архивным делам. Как известно, из 113 дел о Пугачеве Пушкину выдали лишь 8. В августе 1833 года, Пушкин, в письме к директору государственного архива Поленову, жаловался: «В осьми связках, доставленным мне из С. П-ого Сената, не нашел и главнейшего документа допроса, снятого с самого Пугачева...»

Пушкин близок и глубоко народен как в своем творчестве, так и в своих политических взглядах.

Это прекрасно выразил А. М. Горький: «От кого бы я не происходил,—говорит Пушкин,—образ мыслей моих от этого никак бы не зависел». Это слова человека,—добавляет Горький,—который чувствовал, что для него интересы всей нации выше интересов одного дворянства, а говорил он так потому, что его личный опыт был шире и глубже опыта дворянского класса». (А. М. Горький «О Пушкине»)

---

[1] Цит. по ж. „Исторический журнал" изд. 1937 г., стр. 32.

ОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
Инв. № 87478

Но было бы ошибкой преувеличивать революционные взгляды Пушкина. Он велик и дорог нам, как гений, как творец бессмертных произведений.

Пушкин гениален и бессмертен в первую очередь потому, что он отражал сокровенные думы и чаяния народа, он сумел ярко и убедительно показать характер русской жизни, потому что он был гражданином и человеком в самом высоком понимании этого слова.

Перед роковой дуэлью Пушкин, как бы подводя итоги своего творческого пути, указал на главные свои заслуги:

„И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал".

IV

Пушкин по праву является создателем русского литературного языка и отцом реализма.

Ленин с исключительной любовью относился к русскому языку, известна его заметка «Об очистке русского языка». заметка эта заканчивается конкретным предложением: «Не пора ли объявить войну коверканью русского языка». Ленин писал Литкенсу: «Забыл при свидании просить вас проверить, как стоит дело с Комиссией ученых, составляющих словарь (краткий) современного (от Пушкина до Горького) русского языка».[1]

Ленин очень часто возвращался к вопросу о составлении краткого русского словаря и всегда подчеркивал, что русский литературный язык начинается именно от Пушкина.

Царизм сумел быстро уничтожить свободолюбивого и непокорного поэта, но царизм оказался бессильным лишить русский народ пушкинского языка, потому что язык

---

[1] Ленинский сборник, XX. стр. 315.

Пушкина стал общепонятным, общепринятым русским литературным языком, а пушкинская литература стала новой русской литературой.

Язык—явление историческое и поэтому он живет и видоизменяется во времени.

Ко времени Пушкина Ломоносов уже сделал свое великое дело—основал «словесность своего отечества». Но ломоносовский язык в пушкинское время устарел настолько, что резко чувствовалось его несоответствие «образу мыслей и чувствований» русского народа.

Создание подлинного литературного русского языка Пушкин считал самой ответственной и важной задачей. Надо ясно представить себе то время, в которое Пушкину пришлось осуществлять это великое дело.

Язык Ломоносова, Карамзина, Сумарокова складывался не сразу. Спор шел вокруг исходных положений, решающих судьбу языка. Горячая борьба шла между западником Карамзиным и славянофилом Шишковым. Карамзин равнялся на французский язык, и умело использовал французские слова и выражения для создания новых слов и понятий на русском языке. Шишков, наоборот, строил новый язык, взяв в основу церковно-славянский язык. Как известно, победа была за Карамзиным.

Пушкин в раннем своем творчестве подражал Карамзину как в манере письма, так и в языке. Но Пушкин очень быстро почувствовал неудовлетворение карамзинским языком, отказался от него и смело пошел своим путем к реформе русского языка.

Пушкин резко выступил с тем, чтобы разбить старые языковые каноны. В 1820 г. выходит его «Руслан и Людмила». Поэма вызвала резкие нападки за грубость языка.

Борьба Пушкина за создание литературного русского языка проходила в жесточайшей борьбе с аристократической челядью. «Мужицкий» язык Пушкина вызвал бурю негодований и недовольства. Критика обрушилась на поэта, обвиняя его в грубости, в потере чувства изящного, чувства красоты. Поведение Пушкина было, действительно,

смелым и дерзким. Он влетел светящимся метеором в туманную мглу, установившейся языковой традиции дворянской литературы.

Дворянская литература тщательно оберегала свой салонный, аристократический язык, где перемешались французские, немецкие и церковно-славянские слова и выражения. Язык этот был привилегией аристократической знати, ее сословной гордостью. Немудрено, что пушкинский язык «общество», «свет», встретили в штыки. В «Вестнике Европы» № 11 за 1820 г. появилась пасквильная и злобная статейка. В ней автор обвинял Пушкина в издевательстве над «читательской публикой». Пушкина обвиняли в том, что он употребляет такие, недопустимые для поэзии, слова, как-то: «щекотит», «чихает», «удавлю», «щека», «рукавицы». Рифмы Пушкина автор статейки называет мужицкими и в заключение пишет:

„Я еду, еду, не свищу,
А как наеду, не спущу".

Потом витязь ударяет голову в щеку тяжелой рукавицей. Но увольте от подробностей, позвольте спросить: если в московское благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бородой, в армяке, в лаптях и закричал бы зычным голосом: „здорово, ребята! стали таким проказником любоваться?"...

Но Пушкин не отступил, он не ошибся. Основа, которую он взял для того, чтобы опереться при создании новых форм языка, оказалась единственно правильной. Основой был—русский народный язык.

Пушкин решительно выступил против вычурности и манерности вялого карамзинского языка, он считал его бледным, невыразительным и призывал изучать язык русского простонародия, его песни, сказки, его быт и историю.

Сам Пушкин относился с исключительной любовью к народному творчеству. Он систематически записывал народ-

ные сказки, поговорки, пословицы, песни и пр. и умел мастерски использовать их в своем творчестве.

Особенно Пушкин ценил народные сказки, он видел в них образное выражение подлинного народного духа, народной мудрости.

«Изучение,—писал он,—старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка. Критики наши напрасно ими презирают».[1] Пушкин неоднократно подчеркивал, что разговорный язык простого народа, язык, который не искажается на французский лад, достоин глубочайших исследований.

Пушкин проделал огромную работу; из народного разговорного языка он умел брать самое ценное, самое дорогое, но он не пренебрегал и тем, что было в книжном языке, что было уже накоплено до него и являлось неоспоримой ценностью. Это он прекрасно выразил в следующих словах: «Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным—значит не знать языка» (А. Пушкин—«Письмо к издателю», 1836 г.).[2]

Пушкину удалось установить в русской литературе общедоступный, широкий, простой и яркий литературный язык.

В этом его одна из величайших заслуг.

Вот почему произведения Пушкина так легко читаются, запоминаются, переводятся, перекладываются на музыку, так глубоко волнуют читателя.

Великий критик Белинский восклицал: «Из русского языка Пушкин сделал чудо».

Напряженная борьба Пушкина за создание русского литературного языка сочеталась с борьбой за реализм. Пушкин является первым подлинным реалистом. До Пушкина в

---

[1] Цит. по „Пушкинскому календарю", 1937 г., стр. 19.
[2] Цит. по „Пушкинскому календарю", 1937 г., стр. 105.

России господствовала литература, воспитанная на слепом подражании французской литературе XVIII столетия. В этом течении, так называемом ложноклассицизме, считалось основным: строго придерживаться установившихся форм и правил греческой и римской литератур.

Вместо одностороннего воспроизведения личности и ее характера, вместо поэтических форм, крепко скованных неестественными, книжными, схоластическими правилами, основанными на сусальном сентиментализме, Пушкин стал воспроизводить яркую, многообразную и полнокровную действительность.

Белинский так характеризовал творчество Пушкина. «Поэзия его чужда всего фантастического, мечтательного, ложного, призрачно-идеального; она вся проникнута насквозь действительностью; она не кладет на лицо жизни белил и румян, но показывает ее в естественной, истинной красоте» (Белинский, статьи о Пушкине).

Пушкин является основоположником критического реализма. В своих произведениях он сумел дать правдивые картины русской действительности. Такое изображение действительности не могло по вкусу прийтись самодержавию. Присяжные критики с пеной у рта особенно набросились на такие произведения Пушкина, как-то: «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Деревня», «Вольность», «Чаадаеву», «Капитанская дочка», «История Пугачева» и др. Это и понятно, мракобесы требовали обуздать Пушкина, потому что его произведения подрывали основы царского режима, они вскрывали картину «черного времени Руси», они призывали к борьбе за свободу.

В предисловии к «Борису Годунову» Пушкин писал: «Отказавшись добровольно от выгод, мне предоставленных системою искусства, оправданного опытами, утвержденное привычкою, я старался заменить сей чувствительный недостаток верным изображением лиц, времени, развитием исторических характеров и событий».[1]

---

[1] А. С. Пушкин, т. VI, Гослит, изд. 1936 г., стр. 64.

Самое лучшее произведение Пушкина—«Евгений Онегин», или, как назвал его Белинский,—самое задушевное и любимое детище пушкинской фантазии, представляет собой подлинную художественную энциклопедию жизни русского общества начала XIX столетия.

Правдивые картины жизни «высшего света», отрицательные и положительные черты людей пушкинского времени преломляются перед нами через глубокие переживания и чувства самого автора. Экономно, просто и ярко, с тонкой иронией дает Пушкин характеристику «большого света»:

„Вот мой Онегин на свободе,
Острижен по последней моде,
Как Dandy лондонский одет,—
И, наконец, увидел свет.
Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцовал,
И кланялся непринужденно:
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил".

Каждая строчка Пушкина дышит иронией, когда он говорит об отношении к воспитанию и образованию аристократического мира того времени.

„Мы все учились понемногу,
Чему-нибудь и как-нибудь:
Так воспитаньем, слава богу,
У нас немудрено блеснуть".

Эти четыре строчки раскрывают со всей полнотой картину поверхностного отношения дворян к культуре.

Исключительное достоинство «Евгения Онегина»—это простота, ясность, теплота и изумительная свежесть поэтических образов. Никому до Пушкина не удавалось с такой предельной ясностью и простотой, с такой экономией сло-

весного материала изобразить сложнейшие ситуации, дать крупные обобщающие характеры, изобразить такие широкие горизонты.

Белинский, восхищаясь творчеством Пушкина, его ярким, художественным языком, приводил примеры, именно, из «Евгения Онегина», где Пушкин особенно ярко и убедительно изображает черты народного характера, глубокие человеческие переживания и дает правдивую картину русской жизни:

„. . . . . Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет.
Недели две ходила сваха
К моей родне, и, наконец,
Благословил меня отец.
Я горько плакала со страха;
Мне с плачем косу расплели,
Да с пеньем в церковь повели.
. . . . . .
И вот ввели в семью чужую"...

И Белинский восклицает: «Вот как пишет истинно народный, истинно национальный поэт! В словах няни, простых и народных, без тривиальности и пошлости, заключается полная и яркая картина внутренней домашней жизни народа, его взгляд на отношение полов, на любовь, на брак... И это сделано великим поэтом одной чертой, вскользь, мимоходом брошеною!» И дальше Белинский восклицает: «Как хороши эти добродушные и простодушные стихи:

„И, полно, Таня! В эти лета
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со света
Меня покойница свекровь".

Как жаль, что именно такая народность не дается многим нашим поэтам, которые так хлопочут о народности и добиваются одной площадной тривиальности».

Не только в «Евгении Онегине» Пушкину удалось добиться высоко художественного и реалистического изобра-

жения действительности. И «Медный всадник», и «Полтава», и «Борис Годунов», и «Дубровский», и «Капитанская дочка» и вся пушкинская лирика—непревзойденные образцы, яркие художественные обобщения исторических фактов, изумительно тонкие и четкие изображения всех сложных человеческих чувств и страстей, глубоких психологических переживаний.

Великий гений Пушкина шел уверенно и смело по новому пути; Пушкин установил русский литературный язык, заложил основы русского критического реализма. Мы с гордостью называем Пушкина *отцом русского литературного языка, творцом и основоположником реализма.*

V

Пушкин погиб в жестоком и неравном бою с самодержавием и дворянством. Но гениальные творения его живут среди нас. Подлинными наследниками Пушкина являемся мы—советский народ,—люди социалистического общества, люди сталинской эпохи.

Достойными продолжателями великой пушкинской литературы, литературы *классического реализма*, являются писатели нашей социалистической родины.

Пушкин своим творчеством расчистил путь не только для целой плеяды классиков критического реализма (Лермонтова, Некрасова, Гоголя, Л. Толстого и др.), но и для великих писателей нашей эпохи (Горького, Маяковского, и др.).

Творческий путь советской литературы намечен гениальным вождем всех трудящихся товарищем Сталиным, путь этот—*социалистический реализм*. Яркое, полнокровное, глубоко правдивое отображение социалистической действительности, умелое обобщение великих дел, характеров, глубоких мыслей, пламенных страстей людей эпохи борьбы и строительства первой в мире социалистической страны,—таков путь нашей литературы.

Пушкин был создателем общенародного, живого, подлинно литературного русского языка. Пушкин и в наши дни остается примером для всех писателей, ибо своим творчеством он зовет к созданию типических, подлинно общенародных образов и обобщений, он зовет к правдивости, к простоте, ясности языка и стиха.

На съезде советских писателей Бухарин выдвинул в качестве передовых советских поэтов именно тех (Пастернака, Сельвинского и др.), чьи произведения не являются подлинно художественным отображением нашей действительности, не являются продолжением блестящей пушкинской литературной традиции, а наоборот, стоят далеко и от Пушкина и от народа. Витиеватость, заумность языка и стиха Пастернака и Сельвинского, «сложная» непонятливость их произведений,—делает творчество их далеким от интересов народа, от социалистического реализма.

Бухарин не только подсовывал Советскому народу Пастернака и Сельвинского, как лучших поэтов, он с развязной наглостью опорочивал многих лучших советских поэтов, которые прочно завоевали любовь у народа. Советский народ прекрасно понимает, кто друг, а кто враг и в такой области, как поэзия. Поэтому советский народ крепко ударит по рукам реставраторов буржуазного декаданса.

Гениальные творения Пушкина в Советском Союзе живут новой, яркой жизнью. Продолжателями его являются именно те из советских писателей, кто прочно связал свое творчество с кровными интересами народа, кто, вместо заумной вычурности, дает красочные, понятные, правдивые, а потому и подлинно художественные произведения.

Такие писатели у нас есть... Ими гордится наша родина, и среди них шагает вечно живой, пламенный и благородный наш современник Пушкин!

А. В. Гуревич

ДЕКАБРИСТЫ В СИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ И ПУШКИН

Положительно, Сибирская жизнь, та, на которую впоследствии мы были обречены в течение тридцати лет, если б и не вовсе иссушила его могучий талант, то далеко не дала бы ему возможность достичь того развития, которое, к несчастью и в другой сфере жизни, несвоевременно было прервано. Характеристическая черта гения Пушкина—разнообразие. Не было почти явления в природе, события в общественной жизни, которые бы прошли мимо его, не вызвав дивных и неподражаемых звуков его лиры; и поэтому простор и свобода для всякого человека бесценные, для него были сверх того могущественнейшими вдохновителями. В нашем же тесном и душном заточении, природу можно было видеть только через железные решетки, а о жизни людей разве только слышать. Пушкин при всей своей восприимчивости никак не нашел бы там материалов, которыми он пользовался на поприще общественной жизни. Может быть и самый резкий перелом в существовании, который далеко не все могут выдержать, пагубно отозвался бы на его своеобразном, чтобы не сказать капризном, существе»[1]. Так писал о своем великом лицейском друге И. И. Пущин, не раз задумывавшийся над тем, что стало бы с Пушкиным, если бы он был членом тайного Общества.

[1] И. И. Пущин. „Записки о Пушкине и письма". Редакция и библиографический очерк С. Я. Штрайха. М. 1925 г., стр. 134.

В далекой Сибири декабристы обсуждали роль Пушкина в русской литературе, стремились к его живительному творчеству[1].

В Читинском остроге поэт-декабрист Одоевский пишет свою поэму «Чалма», посвящая ее Александру Сергеевичу Пушкину, поэтические образы которого вдохновляли читинского узника, обращая его мысль к «Кавказскому пленнику»[2].

Здесь в остроге творческое соревнование с Пушкиным скрашивало тяжелые думы поэта-декабриста о печальной действительности.

В год организации за границей «Вольной русской типографии» А. И. Герценом, в разных местах каторжной Сибири на поселении доживали остатки своих изгнаннических лет декабристы. Миновало четверть века со дня их исторического восстания на Сенатской площади. За это время выросло новое поколение, для которого не прошла бесследно начатая ими борьба с самодержавием. И когда декабристы, получавшие легальными и нелегальными путями лучшую русскую и иностранную литературу, получили первые герценовские издания, они, становясь активными корреспондентами «Полярной звезды», поспешили передать потомству политические стихи А. С. Пушкина, сыгравшие большую революционизирующую роль в 20-х, 30-х годах XIX века.

«Очень немногие знают,—сообщает Герцену декабрист И. Д. Якушкин,—коротенькое послание Пушкина «Во глубине Сибирских руд», которое, разумеется, никогда не было напечатано и может ныне читаться только в вашем сборнике. На всякий случай прилагаю еще Пушкина Noël, который во время оно все знали наизусть и распевали чуть не на улице (может быть он и вам известен)»[3].

Не забывал и Пушкин своих друзей-изгнанников

---

[1] О декабристах, как культурной силе старой Сибири, популяризаторах Пушкина см. в статье настоящего сборника „Старая Сибирь о Пушкине" А. Г.

[2] А. И. Одоевский. „Полное собрание стихотворений и писем". Academia, 1934 г., стр. 121 („Чалма", отрывок из поэмы), стр. 360 („Чалма", комментарии).

[3] „Из бумаг декабриста И. Д. Якушкина" Жур. „Былое", № 4, апрель 1906 г., стр. 188—189.

Среди декабристов были товарищи Пушкина еще со школьной скамьи: Пущин и Вильгельм Кюхельбекер. Пущина поэт называл своим «первым бесценным другом». Любил он и симпатичного «Кюхлю», как называл в лицее Вильгельма Кюхельбекера. Оба любимых товарища поэта были сосланы в Сибирь.

Друзьями Пушкина были Рылеев, Бестужев-Рюмин, Николай Тургенев, «первый декабрист» Владимир Раевский, В. Л. Давыдов, Якушкин, Александр Бестужев.

С большим уважением великий поэт относился к Пестелю. «Умный человек во всем смысле этого слова,—писал о нем Пушкин в своем дневнике в 1821 году,—мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и пр. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю»...[1]

Декабристы также горячо любили и уважали Пушкина. Его стихи были для них средством пропаганды вольнолюбивых идей. «Все его ненапечатанные сочинения,—писал декабрист Якушкин,—«Деревня», «Кинжал», четырехстишье «К Аракчееву», «Послание к Петру Чаадаеву» и много других были не только всем известны, но в то время не было сколько-нибудь грамотного прапорщика, который не знал их наизусть. Вообще Пушкин был отголосок своего поколения. Со всеми его недостатками и со всеми добродетелями. И вот, может быть, почему он был поэт истинно народный, каких не бывало прежде в России»...[2]

В феврале 1826 года Александр Сергеевич, озабоченный участью Пущина, писал о нем Делвиг: «Но что Пущин? Мне сказывали, что 20, т. е. сегодня, участь его должна решиться, сердце не на месте»...[3]

Глубокой горечью была проникнута случайная встреча на почтовой станции Пушкина с Кюхельбекером, которого жандармы увозили в крепость. Обратив внимание на «высо-

---

[1] Слонимский А. А. Пушкин и декабристы. Соч. А. С. Пушкина под ред. С. А. Венгерова. СПБ 1908 г. том II стр. 502—528.

[2] Якушкин И. Д. Записки. Изд. 7. Москва 1926 г.

[3] Декабрист И. И. Пущин. Записки о Пушкине.

кого, бледного и худого молодого человека с черной бородою, в фризовой шинели», Пушкин не сразу узнал своего друга. Печальна была эта встреча. «Увидев меня, он с живостью на меня взглянул,—пишет Пушкин,—я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга—и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили. Фельдъегерь взял меня за руку с угрозами и ругательствами—я его не слушал. Кюхельбекеру сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали»... Это была последняя встреча Пушкина с Кюхельбекером, но великий поэт никогда не забывал своего «Кюхлю», даже в период его тюремного заключения и ссылки.

Декабристов сослали в Сибирь. Начались томительные дни каторги и ссылки в далеком крае, «посвященном слезам и скорби». Декабрист А. Одоевский, выражая настроение своих товарищей, томившихся в «глубине сибирских руд», писал:

„Был край, слезам и скорби посвященный,
Восточный край, где розовой зарей
Луч радостный, на небе том рожденный,
Не услаждал страдальческих очей,
Где душен был и воздух вечно ясный,
И узникам кров светлый докучал,
И весь обзор, обширный и прекрасный,
Мучительно на волю вызывал"...[1]

В такой обстановке декабристы получили знаменитое послание «В Сибирь» от своего гениального друга. Это стихотворение было написано Пушкиным в 1827 году и отправлено с надежной попутчицей—женой декабриста Никиты Муравьева, уезжавшей к мужу в Забайкалье. Декабристы находились в этот период на каторге в Читинском остроге.

---

[1] А. Одоевский. Стихотворения. Изд. „Советский писатель" 1936 г. Стихотворение „Кн. М. А. Волконской". Стр. 69

Читинский острог во времена декабристов.

Послание «В Сибирь» ободряло декабристов и выражало надежду, что дело, за которое они боролись, не пропадет и одержит победу:

„Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.
Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье,
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:
Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут!..

Декабристы поняли, что после трагического поражения декабрьского восстания 1825 года, А. С. Пушкин остался их единомышленником, певцом вольности. Послание «В Сибирь» получило горячий отклик. Декабрист Одоевский от имени всех своих товарищей ответил Александру Сергеевичу прочувствованными стихами, выражавшими уверенность, что из революционной «искры разгорится пламя», зажегшее огонь свободы:

„Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли!
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.
Но будь покоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя—
И православный наш народ
Сберется под святое знамя.
Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы,
И с нею грянем на царей,
И радостно вздохнут народы". [1]

Одновременно с посланием «В Сибирь» Пушкин отправил с А. Г. Муравьевой стихотворение «Мой первый друг, мой друг бесценный», посвященное И. И. Пущину. Эти стихи были переданы другу поэта сразу после прибытия Пущина в Читу, в январе 1828 года. Они доставили ему большую радость и душевное облегчение. ...«Пушкин первый встретил меня в Сибири задушевным словом,—рассказывает Пущин.—В самый день моего приезда в Читу (5 января 1828 г.) призывает меня к частоколу А. Г. Муравьева и отдает листок бумаги, на которой неизвестною рукою написано было:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье,
Да голос мой душе твоей
Дарует тоже утешенье!
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней.

Отрадно отозвался во мне голос Пушкина! Преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не мог обнять его, как он меня обнимал, когда я первый посетил его в изгнании. Увы, я не мог даже пожать руку той женщи-

[1] А. Одоевский. Стихотворение стр. 44.

ны, которая так радостно спешила утешить меня воспоминанием друга, но она поняла мое чувство без всякого внешнего проявления, нужного может быть другим людям и при других обстоятельствах»...[1]

Образы декабристов постоянно вспоминались Пушкину. В 1827 году он пишет стихотворение «Арион». В аллегорической форме поэт изображает здесь трагическую гибель декабристов и называет себя их певцом:

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
Вглубь мощны весла. В тишине,
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный челн;
А я—беспечной веры полн,
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец!—
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
И гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце, под скалою.

Каждый год 19 октября бывшие лицеисты радостно отмечали лицейскую годовщину. Но радость Пушкина омрачалась печалью при воспоминании о товарищах по лицею, томящихся в Сибири. На лицейском празднике 1827 года поэт стихами приветствовал своих друзей:

... „Бог помочь вам, друзья мои,
И в счастье, и в житейском горе,
В стране чужой, в пустынном море
И в темных пропастях земли!"

---

[1] Декабрист И. И. Пущин. Записки о Пушкине.

В. К. Кюхельбекер

Пущин, получивший эти стихи через бывшего директора лицея Энгельгардта, сразу понял, о каких друзьях, томящихся в «темных пропастях земли», говорил поэт:

...«Пушкин вспомнил меня и Вильгельма, заживо погребенных, которых они не досчитывались на лицейской сходке»...

Пушкин мечтал побывать в Сибири, чтобы посетить своих друзей декабристов, поделиться с ними своими радостями и печалями. Вместе с тем, замышляя писать «Историю Пугачевского бунта», он надеялся найти в Забайкалье материалы о ссылке участников этого движения на Нерчинскую каторгу. «Пушкин говорил мне,—сообщает М. Н. Волконская,—«Я намерен писать труд о Пугачеве. Я отправлюсь на места, перевалю через Урал, исследую дальше и явлюсь к вам в Нерчинские рудники просить пристанища». Он написал свою прекрасную работу, восхитившую всех, но не побывал в наших краях»...[1]

Александр Сергеевич не забывал своих друзей декабристов до последних лет своей жизни. «Как он верен им»,— говорила писательница Смирнова в 30-х годах XIX века.[2]

В 1830 году Пушкин пишет десятую главу «Евгения Онегина», сожженную им. Сохранившиеся отрывки этой главы говорят о широком замысле нарисовать яркую картину эпохи, в которую развивалось движение декабристов. Поэт дает убийственную характеристику Александра I («Властитель слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда, нечаянно пригретый славой»), пишет о войне 1812 года, европейских революционных событиях 20-х годов («Тряслися гордо Пиренеи, вулкан Неаполя пылал») и, наконец, характеризует декабристское движение, говоря о Северном и Южном тайных обществах.

Декабристы также были верны великому поэту. В тюрьмах и ссылке они внимательно следили за творческим ростом Пушкина, радовались этому росту, восхищались его

---

[1] Волконская М. Н. Записки.
[2] Слонимский А. А. Пушкин и декабристское движение.

произведениями. «В своеобразной нашей тюрьме я следил с любовью за постепенным литературным развитием Пушкина, мы наслаждались всеми его произведениями, являвшимися в свет»,—пишет Пущин.

А. С. Пушкин высылал книги Вильгельму Кюхельбекеру и вел с ним переписку. Как книги, так и письма великого друга доставляли изганнику большую радость.

В 1836 году в Иркутске в Главном Управлении Восточной Сибири началось следственное дело, получившее характерное название «Относительно писем, посланных от государственного преступника Вильгельма Кюхельбекера, помимо установленного порядка, в Санкт-Петербург к камер-юнкеру Пушкину и к здешнему городничему Ловцову».[1]

На самый факт отправки Кюхельбекером письма к Пушкину обратил внимание шеф жандармов Бенкендорф, писавший генерал-губернатору Восточной Сибири Броневскому:

«Дошло до сведения моего, что находящийся в Санкт-Пётербурге камер-юнкер Пушкин получил от государственного преступника Вильгельма Кюхельбекера из Баргузина от 12 февраля сего года (1836 г.) письмо, помимо III отделения... Хотя письмо сие ничего непозволительного не заключает, но тем не менее я обязываюсь покорнейше просить ваше превосходительство узнать, каким образом сие письмо было отправлено и почему оно не было представлено для просмотра по примеру прочих писем в III отделение»...

Допрошенный по поводу письма Кюхельбекер показал следующее:

«В г. Баргузин прибыл 20 января сего (1836 г.) и тогда же писал к своим родным, каковое письмо вручил для доставления подписи г. Оспорину, состоящему в должности Иркутского гражданского губернатора, проводившему его, Кюхельбекера, в Баргузин сотнику Якову Михалеву, а по-

---

[1] Ф. Кудрявцев. Декабристы братья Кюхельбекеры на поселении Сб. „Декабристы в Бурятии", Верхнеудинск 1927 г. стр. 18—30.

том в феврале писал письмо камер-юнкеру Пушкину и отправил его в общем конверте с другими письмами к родным установленным порядком, т. е. через здешний словесный суд с надписью на конверте на имя состоящего в должности Иркутского гражданского губернатора»...

Несмотря на различные жандармские рогатки по отношению к письмам «государственных преступников», Пушкин и Кюхельбекер завязали между собой переписку после двенадцати лет невольной разлуки.

12 февраля 1836 г. Кюхельбекер пишет Пушкину из Баргузина:

«Двенадцать лет, любезный друг, я не писал к тебе... Не знаю как на тебя подействуют эти строки; они писаны рукою, когда-то тебе знакомою; рукою этого водит сердце, которое тебя всегда любило, но 12 лет—не шутка. Впрочем мой долг прежде всех лицейских товарищей вспомнить о тебе, в минуту, когда считаю себя свободным писать к вам; долг потому, что и ты же более всех прочих помнил о вашем затворнике. Книги, которые время от времени пересылал ты ко мне, во всех отношениях мне драгоценны. Раз, они служили мне доказательством, что ты не совсем еще забыл меня, а во-вторых, приносили мне в моем уединении большое удовольствие... Верь, Александр Сергеевич, что умею ценить и чувствовать все благородство твоего поведения: не хвалю тебя и даже не благодарю потому, что должен был ожидать от тебя всего прекрасного; но клянусь, от всей души радуюсь, что так случилось».[1]

В своем письме Кюхельбекер сообщил Пушкину различные сведения о «Забайкальском крае или Даурской Украине». Здесь были замечания о сибирском климате, о местном бурятском, эвенкийском (тунгусском) и русском населении, о характере сибирской речи и т. д.

Узнав из письма Кюхельбекера об эвенках (тунгусах), Пушкин упомянул о них в своем поэтическом завещании «Памятник», написанном в августе 1836 года. Он выражал

---

[1] Сочинения Пушкина. Изд. Акад. Наук. Переписка. Том III. 1911 Стр. 359

надежду, что тунгусы, как и другие народы Руси великой, назовут его своим поэтом:

„...И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус и друг степей калмык".

Мечта поэта осуществилась после Октябрьской революции. Ныне эвенки (тунгусы), как и все народы Советского Союза, с любовью и восхищением читают бессмертные произведения Пушкина.

Ответные письма Пушкина к Кюхельбекеру в Сибирь, к сожалению до нас не дошли. Но они были. Об этом свидетельствует начало второго из уцелевших писем Кюхельбекера в Сибирский период: «Признаюсь, любезный друг, что при нем не было первой книжки твоего журнала: я ее не получил»...[1]

18 октября 1836 года Кюхельбекер посылает Пушкину свои стихи «19 октября», где ему посвящены следующие строфы:

„Чьи резче всех рисуются черты
Пред взорами моими? Как перуны
Сибирских гроз, его златые струны
Токочут... Песнопевец, это ты!
Твой образ — свет мне в море темноты.
Твои живые, вещие мечты
Меня не забывали в ту годину,
Когда, уединен, ты пил кручину".

19 октября 1836 года было для А. С. Пушкина последней лицейской годовщиной.

Угроза ссылки в Сибирь не раз нависала над Пушкиным. Гениальный певец сам пережил годы изгнания. Они проходили на юге России и в селе Михайловском. Только за-

---

[1] Юрий Тынянов. Личность Пушкина. „Правда" № 40 (7006) 1937 г.

ступничество Энгельгардта (бывшего директора царскосельского лицея) и поэта Жуковского перед Александром I спасло Пушкина от Сибири.

Однажды во время прогулки в царскосельском саду Александр I подозвал Энгельгардта и между ними произошел такой разговор:

Александр I: Энгельгардт, Пушкина надо выслать в Сибирь, он наводнил всю Россию возмутительными стихами. Вся молодежь наизусть их читает.

— Воля вашего величества,—ответил Энгельгардт,—но вы мне простите, если я позволю себе сказать слово за бывшего моего воспитанника. В нем развивается необыкновенный талант, который требует пощады, Пушкин теперь уже—краса современной нашей литературы, а впереди еще больше на него надежды. Ссылка может губительно подействовать на пылкий нрав молодого человека».

Пушкина миновала участь декабристов, но и он, через 12 лет после расправы Николая I над участниками декабристского движения, пал жертвой феодально-крепостнического режима. В 1837 году гениальный поэт—«солнце русской поэзии», оклеветанный и затравленный крепостниками, был убит.

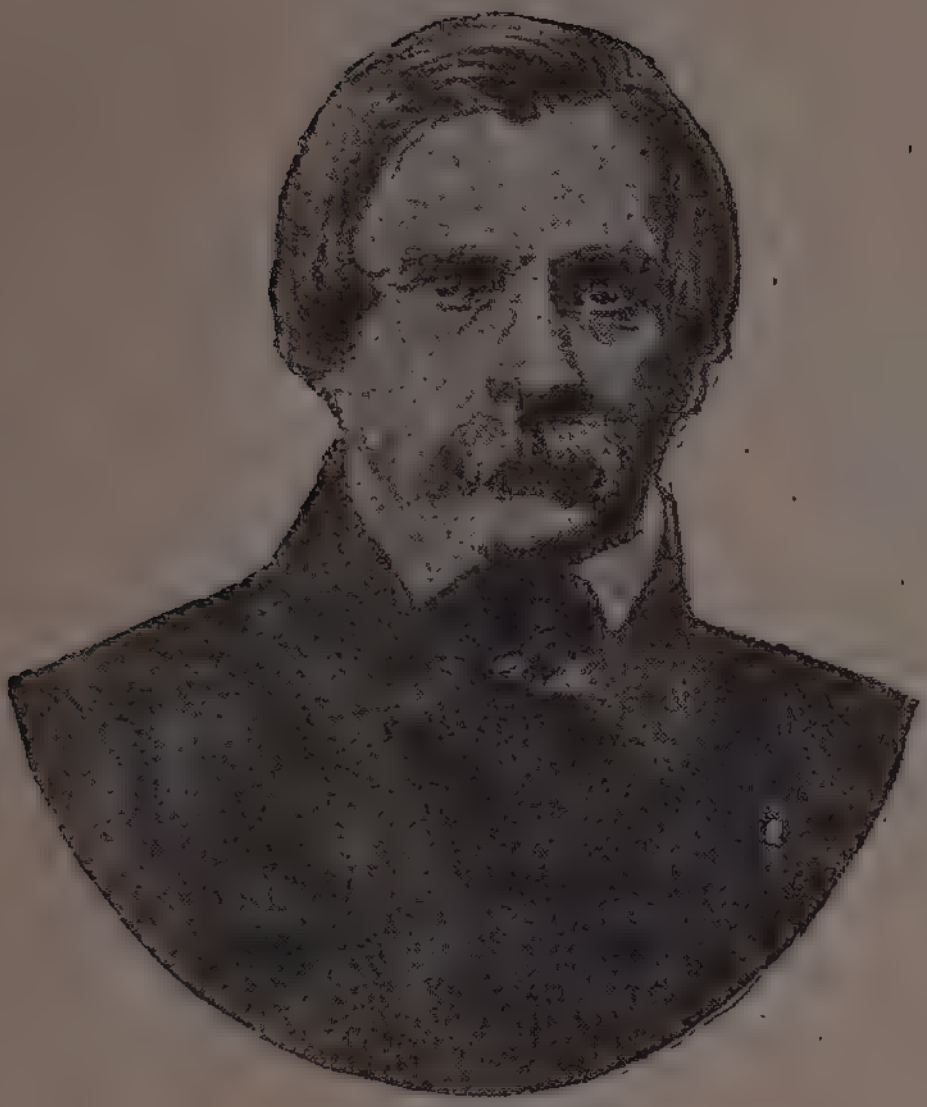
Трагическая гибель поэта была потрясающим ударом для декабристов. Друзей Пушкина охватило тяжелое чувство скорби о незаменимой утрате, безысходной тоски и одиночества. Это прекрасно выразил в глубоко прочувствованных стихах Вильгельм Кюхельбекер:

„И я один средь чуждых мне людей"

Это стихотворение заканчивается печальными строками:

„И вот опять лицея день священный,
Но Пушкина меж нами нет".

О своем бесценном друге Пущине Александр Сергеевич вспомнил и в последние моменты своей жизни. «Как жаль, что нет здесь Пущина, мне бы легче было умирать»,—гово-



И. И. Пущин

рил он окружающим. Между тем, Пущин томился в это время в тюрьме Петровского завода (Забайкалье).

В начале 1837 года, вернувшийся из Петербурга в Петровский завод плац-адъютант Розенберг зашел в камеру, где находился Пущин. Последний забросал его вопросами о родных и близких. На вопрос Пущина, как поживает Пушкин, был получен печальный ответ: «Нечего от вас скрывать, друга вашего нет. Он ранен на дуэли Дантесом и через двое суток умер».

Как громовой удар ошеломила эта весть Пущина и его товарищей. «Это был для меня громовой удар из безоблачного неба,—пишет Пущин,—ошеломило меня, а вся скорбь не вдруг сказалась на сердце.—Весть эта электрической искрой сообщилась в тюрьме—во всех кружках только и речи было, что о смерти Пушкина—об общей нашей потере, но в итоге выходило одно, что его не стало и что не воротить его!»...[1]

Скорбя о тяжкой утрате, Пущин находил только одно утешение: «Я утешал себя тем, что поэт не умирает и что Пушкин мой всегда жив для тех, кто, как я, его любил, и для всех, умеющих отыскивать его, живого, в бессмертных его творениях»...

Пушкин и его друзья—декабристы пали жертвой феодально-крепостнического режима, но их дело не пропало. «Не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремленье»,—писал Пушкин.—«Из искры возгорится пламя»,—отвечал ему декабрист Одоевский. Через 73 года эта строка послужила эпиграфом для ленинской «Искры», вышедшей в 1900 году, как орган нового революционного поколения—пролетарских революционеров, создавших невиданную в мировой истории по своей сплоченности, энергии, беззаветному героизму большевистскую партию.

Движение декабристов оказало влияние на последующие поколения революционных борцов. В. И. Ленин так харак-

---

[1] Декабрист И. И. Пущин. Записки о Пушкине и письма из Сибири стр. 132—133.

теризовал причины поражения декабристов, а также их значение и место в истории революционного движения:

...«Мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала—дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной Воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури»—звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это—движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой, революционной борьбе миллионы крестьян»... (Ленин, т. XV, стр. 468—469).

Буря Октябрьской революции смела самовластие помещиков и капиталистов, открыв широкий путь строительства социализма. В эпоху кипучего роста национальной по форме и социалистической по содержанию культуры бессмертное творчество Пушкина стало драгоценным достоянием миллионов.

В наши дни особенно правдиво звучат слова декабриста И. И. Пущина: «Пушкин всегда жив для тех, кто его любил, и для всех умеющих отыскивать его, живого, в бессмертных его творениях»...

А. В. Гуревич

СТАРАЯ СИБИРЬ О ПУШКИНЕ

Небезынтересно оглянуться на прошлое, посмотреть, насколько изменилось лицо читателя, познакомиться с первыми читателями Пушкина—современниками великого поэта в Сибири.

В те годы, когда жил и творил свои бессмертные произведения несравненный мастер художественного слова, Сибирь была местом каторги, местом изгнания. Высшие классы сибирского общества, в руках которых находилось управление всей административной и экономической жизнью края, насчитывали единицами людей, в культурном отношении стоявших наравне с запросами тогдашней Москвы и Петербурга. Культурные силы пополнялись за счет «политических—государственных преступников», административно-ссыльных, приезда чиновничьей, духовной знати, редкого числа педагогов и путешественников. Постепенно из гимназии и семинарии, где обучались дети правящих классов, вырастала своя местная интеллигенция.

Первые упоминания в Сибири читателя о Пушкине мы встречаем в 1823 году в записях известного путешественника Алексея Мартоса. Автор книги «Письма о Восточной Сибири», восхищаясь в доме троицкосавского купца Черепанова портретом Ермака, «самым прекрасным из всех доселе в России и Сибири виданых», записал в свой путевой дневник 21 декабря 1823 г.: «Человек великий! Ты забыт...

но, может быть, звучная лира[1] Пушкина воскресит твои подвиги, может быть, творец Минина передаст отечеству изображение твое, исполин доблести, и тогда никто не дерзнет упрекнуть потомков в непризнательности герою Сибири».[2] Так в троицкосавской крепости уверенно говорили в 20 г. XIX ст. о мощи, силе пушкинского гения. Цитированные выше мысли Мартос опубликовал в своей книге в 1827 г., вероятно, в надежде на то, что они дойдут до поэта.

В холодный декабрьский день 1827 г. в Иркутск прибыли партии декабристов. Александр Бестужев (Марлинский) с Матвеем Муравьевым в нервозном ожидании отправления их в ссылку в Якутск, ходили по губернскому городу Восточной Сибири. Они еще не успели уехать на Лену, как новую партию декабристов, закованных в кандалы, стал размещать генерал-губернатор Цейдлер в Иркутском остроге. В это время писатель Бестужев-Марлинский присылает соратникам восстания на Сенатской площади новое опубликованное поэтическое произведение общего друга заключенных—Александра Пушкина—«Цыганы».

«Бестужев мне прислал «Цыган»,—вспоминает об этом периоде этапной жизни в своих «Записках» И. Д. Якушин.—Это новое произведение Пушкина прочел я с истинным наслаждением. В тот же вечер нас повели в баню... к крайнему моему удивлению вошел в баню Александр Бестужев, весь в мыле; я спрыгнул с полки и обнял его; мы пробыли здесь вместе, разумеется, недолго, и имели только время перемолвить несколько слов о «Цыганах»—Пушкина».[3] А на завтра в Якутск и за Байкал повезли жандармы лучших людей николаевского времени и каждый из них увозил с собою, вместе с проклятием царей, самое дорогое и светлое—радость ощущения того, что там, далеко за Уралом, крепнет голос славного певца свободы—любимого Пушкина.

---

[1] Разрядка наша.
[2] „Письма о Восточной Сибири" Алексей Мартос Москва 1827 г.
[3] „Записки И. Д. Якушкина" изд. 3-е 1905 г. стр. 135.

...«Двадцатого мая 1827 года сухопутный корабль мой перерезал Ангару у триумфальных ворот Иркутска—и, по указанию местной полиции, положил якорь на торговой площади». Так записал в путевой журнал о приезде в Иркутск петербургский морской офицер, поэт Александров.

Град пышный на Неве, и невские Хариты,
И Пушкин и Дидло, Моцарт и Вальтер-Скотт,
И книги, и цветы, и юные ланиты,
И дачи, и сады, и гвардия, и флот.

Все это навсегда оставил Матвей Александров, сменив, очевидно, не по собственной воле, на долгие годы раздумья и тоски в Сибири.

Человек большой культуры, он в первые же дни спрашивает хозяина своей квартиры:

— Где у вас продаются книги?

И на этот простой, казалось бы, вопрос вместо ответа получает недоуменный вопрос:

— Книги, сударь, каких вам книг надобно?

— Разные книги,—продолжает беседу пораженный Александров,—как в Москве и Петербурге, и в других больших городах России.

— Нет, сударь,—продолжает собеседник,—здесь этаким товаром не занимаются. Не подходящая статья. Кто будет покупать здесь книги, кому и на что они?..[1]

В поисках библиотеки, культурной среды, знакомясь с жителями Иркутска, Александров получил приглашение в дом адмирала ангарского флота, которого рекомендовали поэту, как человека «немножко из числа мечтателей», человека, который «даже имеет глупость заучивать наизусть стихи Пушкина и Жуковского». Конечно, таких «глупцов» насчитывались в культурно-отсталом Иркутске единицы. В те дни чиновничья и духовная знать губернского города,

---

[1] „Воздушный тарантас или воспоминания о поездках по Восточной Сибири"—М. Александрова. Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. Том I, СПб., 1875 г.

а за ней нарождавшийся класс торговой буржуазии—полуграмотные сибирские торговцы—с любовью заучивали высокопарные стихи поэта-вельможи Державина, а намечавшаяся тяга к творчеству Пушкина считалась невежеством, по меньшей мере, глупостью.

В том же 1827 г., у того же поклонника музы Пушкина, адмирала ангарского флота, Александров встретил на вечере «интересных собеседников», среди них его особенно поразил профессор монгольского языка иркутской семинарии (он же лектор русской словесности) своими мыслями о невозможности перевода на монгольский язык корифеев русской литературы. Этот профессор, «милый весельчак и человек по-семинарски образованный», доказывал, что «ни одной баллады Жуковского невозможно перевести на этот язык, особенно стихами, с рифмами. Легче омонголить Цицерона и Квинта Курция, нежели Жуковского и Хемницера, а о Крылове и Пушкине даже и думать нечего».

Литературные беседы в конце двадцатых годов XIX столетия в Иркутске были, несомненно, уделом немногих, а оценка творчества Пушкина, как национального поэта, создателя литературного русского языка, и размышления о Пушкине, как поэте, «не поддающимся переводу», занимали, вероятно, одного профессора.

О литературных оценках читателей 30-х гг. Иркутска рассказывает нам сборник «Прозаические сочинения учеников Иркутской гимназии», изданный в Петербурге, за год до смерти Пушкина.

«Прозаические сочинения»—это богатейший материал для изучения литературных интересов 30-х годов и особенно в Сибири. Мы встречаем здесь высказывания учеников иркутской гимназии о классиках русской литературы. Авторы пишут о «преобразователе отечественного слова, великом писателе Ломоносове», который, «как новый Орфей, воспел первую и новую для слуха россиян песнь в новом, стройном и сладкогласном тоне и удивил неслыханною гармониею изумленных своих соотчичей!..» Мы находим здесь оценку поэтического дара Державина. «Необыкновенная смелость мыслей, придававшая силу его воображению, пле-

нительное искусство в описаниях и пылкость воображения, источник истинного чувствования пиитического восторга, составляли отличительные свойства гения».

Здесь восторгаются «златыми страницами» Карамзина и «поражаясь при чтении неподражаемыми красотами и изящным изложением басен Крылова», считают приятной обязанностью в свободное время заниматься «посильным разбором оных».

Какое же место в «Прозаических сочинениях», в высказываниях передовых читательских кругов Иркутска 1836 г. уделено Пушкину? Мы не найдем там и десятка страниц, посвященных его творчеству, наоборот, там все внимание сосредоточено на Державине, Крылове, Ломоносове. Только два автора упоминают о Пушкине. Один из них—Николай Минин в повести «Царь-девица» берет эпиграфом первые строки первой песни «Руслан и Людмила».

—Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой—

и снова обращается к этим пушкинским стихам при развертывании сюжета своей повести. Другой—Е. Миллер в своем рассказе «Ушаковка» пишет: «Природа! почто не дала ты мне кисти Рафаэля, или не одарила меня талантом стать на ряду с автором Бландуэского ключа и живописующим творцом «Бахчисарайского фонтана»? Я бы представил тысячи красот, которыми иркутские жители наслаждаются, в бытность их при водах кристалловидной Ушаковки, я бы представил тысячи ландшафтов, окружающих сию единственную и несравненную в краях сибирских речку».[1]

Как видим, певец «Бахчисарайского фонтана» произвел огромное впечатление на Миллера, и Пушкина он характеризует, как «живописующего творца». И если мы при этом учтем, что вся книга «Прозаические сочинения» написана

---

[1] Прозаические сочинения учеников Иркутской гимназии, писаные под руководством старшего учителя российской словесности Ивана Полексеньева". СПб. 1836 г.

«под руководством старшего учителя российской словесности Ивана Полексеньева, то мы должны между оценкой Пушкина Миллером и редактором «Прозаических сочинений» Ив. Полексеньевым поставить знак равенства. Небезынтересно отметить, что передовой читатель 20—30 гг. Москвы и Петербурга также с жадностью набрасывался на «Бахчисарайский фонтан», высоко оценивая в нем музыку пушкинского стиха. Ученик иркутской гимназии Е. Миллер, один из «юных питомцев отеческого слова», хочет в своем творчестве быть равным таланту поднадзорного Пушкина, а старший учитель словесности Ив. Полексеньев не боится печатно показать «в первоначальных опытах занятий по части отечественной словесности, что на образцах опального поэта воспитывает он «юных питомцев!»

Как видим, в тридцатые годы литературная слава Пушкина в Иркутске постепенно укреплялась.

«В 1835 году изданы Департаментом Народного просвещения прозаические сочинения учеников иркутской гимназии в количестве тысячи экземпляров, под руководством даровитого И. М. Полексеньева, старшего учителя русской словесности, поступившего в гимназию из магистров московской духовной академии. Таким образом, наша гимназия, столь удаленная от центра империи, опередила все остальные подобного рода учебные заведения, и руководитель тогда же удостоен представлению к владимирскому ордену. Государю императору и прочим членам царственного семейства поднесено через министра просвещения по одному экземпляру этого сочинения. Оно продавалось по три рубля серебром и все разошлось. В брошюре участвовало тридцать семь питомцев гимназии».[1]

К числу этих немногих любителей Пушкина надо отнести крупного иркутского купца В. И. Баснина, библиотеку которого в конце 20-х годов украшали «Бахчисарайский фонтан», изд. 1824 г., «Евгений Онегин», изд. 1825 г., «Рус-

---

[1] „Возвращение на родину"—Иркутянин. стр. 7.
Ирк., губ. ведомости, № 4, 23 янв. 1858 г.

лан и Людмила», изд. 1828 г., «Цыганы», «Граф Нулин», последние без указания года издания, но это—исключение.[1]

При скудности и дороговизне книг, первый читатель Сибири лишен был возможности иметь в собственной библиотеке нужные томики любимых писателей.

В томском архиве сохранились интересные «сборники в стихах и прозе «неизвестного», написанные старинным почерком и относящиеся к 20—30 годам XIX столетия. Здесь нашли свое место и отрывки из произведений Александра Сергеевича, наряду с произведениями других литературных современников Пушкина в России и отрывками из сочинений Сократа, Горация, Конфуция, Шекспира, Боссюэта, Массильона, Гете, Ж. Ж. Руссо, Франклина, Купера, Бальзака и др. иностранных писателей.

Сборники имеют длинные заглавия, следующего содержания:

«Век живи и век учись».

«Непотерянные часы досужества, или вспомогательные средства, служащие к просвещению и замечанию на пути жизни, извлеченные частицами из разных и лучших сочинений в течение с лишним 30-ти лет. Будьте уверены, что написанное в этих книгах стоит переплета. Вы, верно, желаете знать истинный предлог, для чего я к составлению этой смеси приступил? Извольте, вот вам и объяснение: я, как за старостью уволенный со службы, нахожусь больше дома, имею свободное время, частью несколько памяти о преждечитанном и избегаю скуки, дабы не дать праздности торжествовать надо мной. Итак, видите, сколько было побудительных причин собрать для руководства в жизни чужие мысли и нравоучения, которые здесь в отрывках я предлагаю, а в награду за это ожидаю одного терпения, чтобы почитали. Это сочинение назваться не может, что из разных книг выбрано, следовательно и никакой критике подлежать не будет».[2]

---

[1] Сведения о произведениях Пушкина в библиотеке В. П. Баснина 1-й половины XIX столетия взяты из подготовляемой к печати работы В. С. Манассеина, любезно представленной нам в рукописи автора.

[2] Кузнецов—Красноярский. „Из Сибирской старины". Журнал „Сибирский архив", № 2, февраль 1916 г., стр. 70—71.

Знал ли Пушкин, что в краю, где в мрачных норах подземелья проходят годы заточения его друзей, есть люди, которые знают его произведения, восхищаются ими.

Благодаря своему приятелю Д. С. Соломирскому, А. С. Пушкин знал о той группе читателей сибиряков, которые жили в тридцатых годах в Тобольске.

Передовой читатель Тобольска, в лице известного историка Сибири Словцова, так охарактеризовал свое отношение к Пушкину:

«Сочинения Пушкина должны читать для роскоши ума; везде, где я встречаю произведения его пера, я их пробегаю с жадностью».

Характерное письмо о сибирском читателе было написано Соломирским в июле 1935 г. Пушкину:[1]

Надо помнить, что количество людей, группировавшихся вокруг Соломирского и Словцова, было весьма ограничено. Просвещенных людей, приходившихся на весь Тобольск, можно было пересчитать по пальцам. А насколько это была крайне монотонная, серая жизнь провинциальной глуши, вдали от культурного мира, с мелкими житейскими дрязгами в основной окружающей среде, говорят нам печальные строки земляка Словцова, Петра Павловича Ершова, вернувшегося в эти годы из Петербурга в Тобольск. «Наши дни проходят так однообразно, что можно преспокойно проспать целые полгода и, проснувшись, без запинки отвечать: «Все обстоит благополучно».

Через борьбу с литературой реакционного дворянства медленно, но верно, завоевал Пушкин место в сердцах читателей его современников и в далекой холодной, кандальной Сибири, на ее востоке и западе. Но эта борьба в Сибири продолжалась и после смерти поэта.

II

«Глухой зимней ночью 1837 г. жандармы царя Николая I, таясь и крадучись, как воры, увозили из Петербурга мертвое тело Пушкина.

---

[1] См. текст письма, приведенного в данном сборнике на стр. 94.

Царское правительство пыталось украсть у русского народа его великого поэта, убитого агентом, ставленником дворянской реакции. Давно развеяна наукой официально-либеральная легенда о смерти Пушкина на дуэли из личных мотивов. Поединок Пушкина, затравленного придворной челядью, был завершением длительной борьбы, которую гениальный поэт вел с реакционным дворянством за судьбы русской литературы».[1]

С поразительной быстротой, несмотря на принятые правительством меры, с негодованием узнавали повсюду о роковой гибели Пушкина. Писатели, поэты, передовая интеллигенция крепостной России—все те, кто при жизни Пушкина восхищались его великими творениями, понесли по стране печальную весть: умер Пушкин, Пушкина больше нет...

Это сообщение не прошло бесследно и для тогдашней каторжной, пустынной Сибири.

Разными путями дошла весть о смерти Пушкина до сердец немногочисленного отряда друзей, читателей великого поэта в Сибири.

12 февраля 1837 г. горячий поклонник Пушкина Иван Тимофеевич Калашников—первый прозаик Сибири—шлет из Петербурга подробный отчет о дуэли и смерти Пушкина в Тобольск, к своему другу, историку Сибири—Словцову.

«...В течение двух прошедших недель,—пишет Калашников,—здесь все говорило, спорило, шумело о смерти Пушкина. Потеря этого человека, без преувеличения—необыкновенного, поразила сильно, особенно юную генерацию. Говорят, при теле его перебывало 32 тыс. человек. Смерть Карамзина того не произвела»...[2]

И в эти же дни по глухим почтовым станкам Сибири спешил, возвращавшийся из петербургской служебной командировки, жандармский офицер Петровского каземата Розенберг, имея при себе последнюю светскую новость...

---

[1] „Правда", № 346, 17 декабря 1935 г.

[2] „Пушкин и его современники", вып. VI, СПб 1908, стр. 104.

В Восточной Сибири, в Петровском каземате, еще в годы творческого роста Александра Сергеевича, николаевские жандармы охраняли от «вредного» влияния на сибирскую общественность друзей поэта—декабристов.

От «немецкого иезуита», «отъявленного негодяя»—жандармского офицера из команды Петровского завода Розенберга—декабристы в 1837 г., вместе с другими новостями высшего петербургского света, узнали о дуэли и смерти великого поэта.

«Весть эта электрической искрой сообщалась в тюрьме—во всех кружках только и речи было, что о смерти Пушкина, об общей нашей потере»,—пишет лицейский друг Александра Сергеевича Иван Иванович Пущин.

Автор замечательных «Записок о Пушкине», услышав от Розенберга печальную весть о трагической смерти своего друга, замечает, что он «сначала решительно не понимал слов рассказчика—так далеко... была мысль, что Пушкин должен умереть во цвете лет, среди живых его надежд». «Это был для меня,—пишет Пущин,—громовой удар безоблачного неба—ошеломило меня, и вся скорбь не вдруг сказалась на сердце».[1]

19 октября 1837 г., в день традиционного празднования лицейской годовщины, декабрист Вильгельм Карлович Кюхельбекер в замкнутом горами, малолюдном, бескультурном тогда селе Баргузине, склонившись над заветными страницами своего дневника, пишет:

... А я один средь чуждых мне людей
Стою в ночи, беспомощный и хилый,
Над страшной всех надежд моих могилой,
Над мрачным гробом всех моих друзей.
В тот гроб бездонный молнией сраженный
Последний пал родимый мне поэт...
И вот опять лицея день священный,
Но Пушкина уже меж нами нет.

---

[1] И. И. Пущин. „Записки о Пушкине и письма". Редакция и биографический очерк—Я. Штрайха, Гиз. 1927 г. стр. 90.

Продолжением этих скорбных и печальных дум, связанных с утратой любимого друга, является письмо Вильгельма Кюхельбекера от 20 октября 1837 г. своей племяннице Наталье Григорьевне Глинке:

«Вчера была наша лицейская годовщина. Я праздновал ее совершенно один: делиться было не с кем... Я принялся сочинять, если только можно назвать сочинением стихи, в которых вылились чувства, давно уже просившиеся на простор... Много, может быть, между пишущей молодежью с большим талантом, чем я, но, по крайней мере в этот день я—преемник лиры Пушкина, и я хотел оправдать в своих глазах покойного поэта, хотел доказать хоть не другому кому, так самому себе, что он не совсем же даром сказал о Вильгельме: «Мой брат родной по музе, по судьбам».[1]

«Дуэль и смерть Пушкина,—пишет известный пушкиновед П. Е. Щеголев,—не нашла сколько-нибудь значительного отклика в русских газетах и журналах того времени. Статьи о Пушкине, появившиеся в 1837 г. в русских газетах, надо считать на строки, а журнальные статьи по всей совокупности заняли несколько страниц. Вот и вся «литература». Нельзя было писать не только о фактических обстоятельствах кончины Пушкина, но и об историко-литературном значении его деятельности».[2] И в эти дни запретного молчания поражают нас строки И. И. Пущина от 4 декабря 1837 г. из Петровского завода быв. директору Царскосельского лицея Е. А. Энгельгардту, что «в Сибири даже, кого могла, она (смерть Пушкина) поразила, как потеря общественная».

Чтобы понять смерть Пушкина, как потерю общественную, когда об историко-литературном значении поэта, особенно в каторжной Сибири, почти негде было прочитать, нужно было хорошо знать творчество поэта.

---

[1] „Дневник В. К. Кюхельбекера" Предисловие Ю. Н. Тынянова. Редакция, введение и примечания В. Н. Орлова и С. И. Хмельницкого. Изд. „Прибой" 1929 г. стр. 244.

[2] Щеголев П. Е. „Дуэль и смерть Пушкина" Изд. 1928 г.

Кого же в 1837 г. в Сибири могла поразить смерть Пушкина, как общественная потеря?

В первую очередь, тех сибиряков, которые близко соприкосались с культурной силой Петровского каземата—друзьями Пушкина, декабристами.

Как известно, с 1834 г. семейные декабристы могли жить вне каземата, в самом Петровском заводе, в своих собственных домах. Чиновный, купеческий и служилый люд широко пользовался библиотекой декабристов, обилию книг этой библиотеки мог позавидовать любой культурный центр крепостной России.

«Мы, с общего согласия, выписывали через наших родных самые замечательные современные литературные и политические произведения и самые лучшие периодические журналы и газеты, как иностранные, так и русские. Все, что в то время писалось и издавалось в России замечательного, все, что печаталось за границей, стоящего чтения, как в отдельных сочинениях, так и в периодических, мы все получали без изъятия. Петровский завод многочисленностью своих мастеровых избавил нас от материальных занятии, и мы,—пишет М. А. Бестужев,—погрузились с наслаждением в волны умственного океана, чуть не захлебываясь им».[1]

«У декабристов была хорошая библиотека, они советовали, что читать.[2] Что и говорить, что острог при декабристах был для нас не только университетом, но даже академией»,—рассказывал ученик декабристов Б. В. Белозеров в Петровском заводе И. И. Попову, редактору иркутской газеты «Восточное обозрение».[3]

Несомненно, Пушкин был включен в число этих «рекомендованных» книг. Одновременно декабристы и сами читали Пушкина.

---

[1] „Воспоминания Бестужевых" стр. 231.

[2] Подчеркнуто нами.

[3] „Минувшее и пережитое" И. И. Попов. Воспоминания за 50 лет. Сибирь и эмиграция. Ленинград, „Колос", 1924 г.

«В своеобразной нашей тюрьме я следил с любовью за постепенным литературным развитием Пушкина,—сообщает И. И. Пущин.—Мы наслаждались всеми его произведениями, явившимися в свет, получая почти все повременные журналы».

К Петровской заводской «академии» потянулись в 30-х гг. и передовые культурные слои кяхтинского купечества. Боткин, Игумнов и др. приезжали знакомиться с декабристами. Нелегальными путями в Петровский каземат пришла рукописная кяхтинская литературная газета «Стрекоза», о которой вспоминает М. А. Бестужев, что она «писалась в 60 экземплярах».

В 30—40 гг. Кяхта задавала тон всей экономической и культурной жизни края. Миллионные барыши на китайских чаях помогли кяхтинскому купечеству выстроить огромный гостиный двор, собор, а позже эти миллионщики начали овладевать и культурными богатствами дворянства. Интеллигенция—учителя, врачи, представители высшего чиновничьего сословия, находившиеся на службе правительства и купечества Кяхты и Троицкосавска,—отдавали свои знания на дело поднятия культурного уровня своих хозяев. Возник вопрос об издании своего журнала и газеты, хотя бы на первое время рукописных.

Мы расскажем об этом словами очевидца Ивана Кириллова, автора рассказа «Поездка в Кяхту в 1834 г.», помещенного в сборнике «Прозаические сочинения учеников Иркутской гимназии». «Некоторые из чиновников,—пишет автор упомянутого рассказа,—за удовольствие считают посвящать свои досуги занятиям литературы. Из числа таковых должно упомянуть о штаб-лекаре Кяхтинской таможни А. И. Орлове, как о человеке чувства эстетического и основательного познания в искусствах, науках и языках, и инспекторе Монголо-Русской школы Б. П. Паршине, неутомимо занимающемся отечественною изящною словесностью и отличающемся в своих сочинениях живым слогом и простотою рассказа. Оба сии чиновника в таком отдаленном от русских столиц азиатском уголке трудятся теперь над составлением журнала под названием «Кяхтинский литератур-

ный цветник» и газеты «Кяхтинская стрекоза». Выбор статей в журнале сем, по мнению знатоков-литераторов, совершенно оправдывает приличное наименование его. Главная цель сих изданий будет состоять в изображении местности кяхтинской в литературном, статистическом, топографическом и этнографическом отношениях. Три тетради сего журнала в стихах и прозе и несколько нумеров газеты уже приготовлены были к изданию в нашу бытность. Открывается теперь на оные подписка, которая так счастливо началась, что в первый же день, когда объявлено было приглашение к оной, собрано до 600 рублей».

«Знатоки-литераторы», по выражению иркутского гимназиста Кириллова, Орлов и Паршин, находясь в тесной дружбе с декабристами, конечно, учились и учили своего читателя на первоклассных образцах русской литературы— на произведениях Пушкина. Кяхтинское купечество и троицкосавская интеллигенция знакомились с творческим гением Пушкина не только через декабристов, они имели возможность узнать о нем и от других лиц, близко знавших поэта, как, например, от Вл. Дм. Соломирского и Н. Я. Бичурина (Иакинфа), которые подолгу жили в Кяхте, занимаясь там разносторонней литературной работой.

В этой благоприятной литературной среде, состоявшей из друзей А. С. Пушкина и местных литературных сил, под влиянием пушкинской музы, начинал оформляться поэтический талант учительствовавшего в Троицкосавске в 1831—38 гг. сибирского поэта Д. П. Давыдова, автора и доныне популярной песни «Славное море, привольный Байкал». Инициаторы кяхтинской печати, Орлов и Паршин не могли, конечно, не откликнуться на страницах своего журнала и газеты о дуэли и смерти Пушкина. Они могли дать своему подписчику даже точную информацию о последних часах жизни поэта, получив ее от невольных жителей Петровского завода. Декабристы не только вскоре после смерти Пушкина прочли официальное письмо Жуковского, адресованное в форме письма к отцу поэта С. Л. Пушкину, напечатанное в V т. «Современника», но путем «контрабандных сношений» уже в 1837 г. получили списки рукописей врачей Даля и

Спасского, очевидцев предсмертных дней поэта, воспоминания которых, как известно, ходили по рукам, не будучи опубликованными в печати до 60-х гг. XIX столетия.

Только зная о читателях библиотеки декабристов и одновременно являясь читателем «Кяхтинского литературного цветника» и «Кяхтинской стрекозы», мог Пущин, лишенный жандармами права переступить порог своей проклятой тюрьмы, уверенно писать о серьезных откликах в безграмотной, каторжной Сибири на смерть великого созидателя русского литературного языка, писать, что «и в Сибири даже, кого могла, смерть Пушкина поразила, как потеря общественная».

Дуэль и смерть Пушкина волновали читателей Сибири. В этом убеждает нас, записанное нами в 1928 г., семейное предание от колхозницы-рыбачки Елены Павловны Буторовой в с. Макаринино, Баргузинского аймака, БМАССР. Детство и юность Елена Павловна провела в с. Горячинске—на туркинских минеральных водах, где жил и умер ее дед Иван Николаевич Беспрозванный, ссыльнопоселенец, крепостной интеллигент.

«У дедушки моего,—рассказывает Елена Павловна,—было прощальное письмо, когда Пушкин отправился на дуэль, мелким почерком написанное. Я не могу всего припомнить, что там было. Оно было написано в виде стихотворения:

Вот уж сял в санки,
поехал.
Не знаю, что будет впереди
Прощай,
Обнимаю."

...«Он,—рассказывает дальше Е. П.,—все черты Пушкина рассказывал, какие волосы, какие кудри, когда он ночами просиживал с Пушкиным. Какие комнаты были у Пушкина, какая была мебель. Просто деревянная. Был факель сделан привинченный к стене. Холщевая скатерть на столе грубая, желтого цвета.

Он говорил, что это друг был жизни. Карточка была от Пушкина. Я как сейчас вижу пестрый галстук. В бюст был

снят. Брату дали поиграть. Дедушка пришел ругаться, а он (брат) изломал. Дедушка говорил: «Это друг был, приятель. Уважаемый! Вот друг был!»

Прощальное письмо Пушкина, о котором говорит Е. П. Буторова, вероятно, представляет собою один из каких-нибудь, не дошедших до нас, писем декабристов о дуэли и смерти Пушкина или же списком с рукописей Спасского и Даля о последних часах поэта, о чтении которых в Петровском заводе, задолго до появления их в печати, в письме от 4 декабря 1837 г. к Энгельгардту упоминает И. И. Пущин.[1]

Многие из декабристов, как известно, в конце 30-х и начале 40-х гг., ездили восстанавливать потерянное в тюрьме здоровье на курорт Горячинск. Одновременно с ними бывали там ежегодно представители чиновничьего и купеческого мира Восточной Сибири; приезжали туда и из центральной России.

К сожалению, письмо, о котором говорит Е. П. Буторова, порвали разграбившие с. Макаринино белобандиты-каппелевцы. «Письмо Пушкина я берегла. Отец очки оденет да прочитает. Каппелевцы разорвали и письмо и сколько книг на мелкие части»...

Небольшой круг поэтов Сибири пушкинской поры не мог, конечно, не откликнуться своими стихами на смерть любимого поэта.

До нас дошли, сохранившиеся в архиве ИРЛИ в бумагах Евгения Лукича Милькеева, взволнованные строки, посвященные памяти убитого Пушкина, которого талантливый сибиряк называет «истинным певцом, певцом великого народа».

Евгений Лукич Милькеев—сын нужды и лишений, канцелярский писец Тобольского приказа, поэт-самоучка, поэтическим талантом которого восхищались его современ-

---

[1] „О Пушкине давно я глубоко погрустил; в „Современнике" прочел письмо Жуковского; это не помешало мне и теперь не раз вздохнуть о нем, читая Спасского и Даля". Письмо Пущина Е. А. Энгельгардту. Петровский завод, 4 декабря 1837 год, стр. 115. И. И. Пущин „Записки о Пушкине и письма". Редакция и биографический очерк С. Я. Штрайха Гиз. 1927 г.

ники: и поэтесса Каролина Павлова и А. С. Хомяков. Этот поэт-неудачник, не умевший развернуть все свои поэтические силы в кошмарные годы царствования Николая I, трагически покончивший с собою, выразил свое скорбное настроение в связи с гибелью гениального мастера художественного слова в стихотворении, озаглавленном «К портрету Пушкина»:

В болезненных чертах, страданьем заклейменных,
Сверкает пламень дум летучих, вдохновенных,
И, трогательно полон высокой грусти, взор
Льет, кажется, судьбе таинственный укор.
Как звук, умолкнувший нечаянно и странно,
Как пламень алтаря, потухнувший нежданно,
Певец наш истинный, мгновенно ты угас
И скрылся в мир другой, неведомой для нас.
Ты был родным певцом великого народа,
И голос твой шумел, как русская погода,
Был горд и величав, как наши небеса.
И в радугах сверкал и лился как роса;
И снегу белого был чище, холоднее,
Был громче, звонче льду и
Стали был острее[1].

В литературном наследстве другого сибирского поэта, начала 40-х гг. морского офицера Александрова, в комедии «Таежный карнавал», мы находим несколько скупо оброненных, но характерных замечаний о Пушкине и Лермонтове.

Один из героев «Таежного карнавала»—Зетыч,—управляющий приисками, из чиновников,

„Изысканный, натуралист, политик,
По всем частям писатель, даже критик,
Чорт знает что, но сущий декабрист".

(по определению горного исправника—второго действую-

[1] „Литературное наследство", 16—18, 1934 г. И. Розанов—„Пушкин в поэзии его современников", стр. 1036.

щего лица названной комедии), характеризуя литературу после пушкинско-лермонтовского периода, мрачно заявляет:

В словесности—французская болтливость,
В хозяйственных журналах—пустяки:
Трактаты о парах, модели, сошники;
Поэзия давным давно скончалась,
Ни Пушкина, ни Лермонтова нет;
Одна отрада нам осталась—
В листах почтеннейших газет[1].

Так оценивает творчество Пушкина передовой буржуазный читатель Восточной Сибири начала 40-х годов, сопоставляя его с общим спадом поэтической культуры в эпоху, наступившую сразу после смерти Пушкина. Оценка сибирского поэта Александрова словами Зетыча:

„Поэзия давным давно скончалась,
Ни Пушкина, ни Лермонтова нет"—

целиком совпадает с аналогичными выводами современников Пушкина, высказанными в те годы в центральной прессе.

Только теперь, когда под руководством коммунистической партии и нашего любимого гениального вождя т. Сталина, Сибирь кандальная стала социалистической, трудящиеся массы, в прошлом неграмотные, задавленные нищетой, каторжным трудом, знают, кто является подлинными убийцами славного певца великого народа, и вместе со всей нашей замечательной родиной чествует память величайшего национального русского поэта, поэта народов Советской страны.

---

[1] „Таежный карнавал"—Александрова. Сибирский сборник". Научно-лит. период. изд. Под редакцией Н. М. Ядринцева. СПб, 1887 г.

III

Если восторгались творчеством Пушкина читатели чиновники-дворяне, если отдельные педагоги, типа Поликсеньева считали своим долгом знакомить с ним гимназистов—детей сановных чиновников, высшего духовного сословия, именитого купечества, то широкие массы всячески ограждались от Пушкина. Так, например, к иркутским бурсакам в начале 40-х годов «Пушкин не только не допускался,—вспоминает М. В. Загоскин о школьных годах своих,—но против него даже нас предупреждали. Наш ректор прямо высказывал какую-то фантастическую ненависть к «этому развратному вольнодумцу, «особенно за его «глупую луну на этом глупом небосклоне» и т. п. стихи».[1]

Но за стенами бурсы начиналась другая жизнь даже и в Иркутске сороковых годов, «где пахло уж другим духом». Там в чиновничьем и отчасти купеческом быту пушкинские стихи активно вытесняли такие популярные тогда песни, как «Стонет сизый голубочек», «Среди долины ровные», «Гусар на саблю опираясь» и т. п. Заучивая наизусть «Черную шаль», «Талисман» и др. стихи Пушкина, бурсаки параллельно с этим, через гимназистов Поликсеньева, прочитывали и другие произведения Пушкина.

В эти годы из-за дороговизны книг, молодежь, заводила альбомы, куда уже не допускались ни Державин, ни Хемницер, а царили Жуковский и Пушкин. «Мода на альбомы проникла и в бурсу. И вот между нами,—вспоминает Загоскин,—стали появляться «любители» новых писателей, разумеется под секретом. Почти у каждого из нас, где-нибудь под подушкой, хранился или «песенник», или альбом, с запретными стихами Жуковского и Пушкина: у иных были целые томы подобных альбомов». Небезынтересно здесь сопоставить литературные вкусы сороковых годов с двадцатыми в том же Иркутске, о которых «Сибирский Купер»—И. Т. Калашников писал: «и в Иркутске, кто не знал,

---

[1] „Когда в Иркутске познакомились с Пушкиным"—М. В. Загоскин. Газ. „Восточное обозрение". 1899 г. № 110.

кто не имел стихов Державина? Всякий грамотей, часто незнавший правописания, поставлял непременным долгом списать несколько стихов великого поэта, в особенности: «Бог», «На счастье», «Вельможа», «На взятие Измаила», «На покорение Варшавы»... Многие помнили их наизусть и любили их цитировать».[1]

Естественно, поклонники Державина, Ломоносова, отсталые заправилы бурсы, не могли простить забвение любимцев, да еще кому? Сынам незнатного чиновничьего рода, аршинникам, не могли равнодушно слышать имен Пушкина, Жуковского. И хотя Пушкин звучной песней входил в сознание бурсаков, но его творениями приходилось наслаждаться тайно, скрываясь от полицейских глаз, держиморд бурсы, вследствие чего «школьная жизнь распадалась надвое: к классам,—констатирует М. К. Загоскин,—мы зубрили эрии, эпихоремы, сориты и оды Ломоносова, или же логику с мудреными рогатыми силогизмами, а после уроков зачитывались «Братьями разбойниками», «Цыганами» и распевали кто «Под вечер осенью ненастной», кто «Черную шаль», «Буря мглою небо кроет» и т. д.

Почему бурсаки предпочитали поэзию Пушкина поэзии Ломоносова, Державина, ответ нам дает на этот вопрос тот же М. В. Загоскин. «Понимать Пушкина как следует мы еще не могли; но нас пленяли прелесть его стиха, богатство образов и бесконечное разнообразие содержания».

В школьные годы Загоскина, как он сам неоднократно подчеркивает, в чиновничьем кругу его родных и знакомых «Пушкин уже вытеснил всех старых стихотворцев и с ним соперничал только Жуковский с своими балладами. Не одна молодежь, но и пожилые мужчины и женщины целыми вечерами пели, иногда под звуки гитары «Зимнюю дорогу», «Кубок заздравный», «Русалку»...

В среде этих тогдашних читателей Пушкина мы можем наметить несколько читательских групп, по-разному оцени-

---

[1] „Записки Иркутского жителя"—П. Т. Калашников. „Рус. Старина", 1905 г., № 7.

вавших отдельные произведения Пушкина. Тут были и страстные альбомные читатели Пушкина и злобствовавшие старики, ненавидевшие поэта, определявшие его поэзию словами «развратный вольнодумец». По свидетельству современника В. Вагина, в статье «Сороковые годы в Иркутске», «такой литературный, образованный человек, как Бобановский, не находил достоинства, например, в «Андрэ Шенье».[1] Если пользовались широкой популярностью поэмы Пушкина и упомянутые выше его песни, то «повести Пушкина не были в ходу: им предпочитали «Юрия Милославского», романы Лажечникова и Вальтер-Ско́тта». До окончания курса,—указывает Загоскин,—мне довелось где-то прочесть повесть «Пиковую даму» и только».

Декабристы на поселении, в частности, Бестужев в Селенгинске, И. И. Пущин в Ялуторовске продолжали, как и в Петровском заводе, окружавших их сибиряков учить на первоклассных образцах пушкинской лиры.

Автор книги «Минувшее и пережитое» И. И. Попов вот что сообщает о селенгинском периоде Бестужевых в 40-х годах по интересующему нас вопросу. «У Бестужевых была хорошая библиотека, а потом еще сестра Е. А. привезла много книг. Они часто получали посылки с книгами. Они охотно давали читать книги на сторону и указывали, что нужно читать. А. М. Лушников (сын селенгинского купца) брал у Бестужевых Пушкина и так заинтересовался им, что стал заучивать его наизусть, и М. А. (Бестужев) подарил ему Пушкина».

Необходимо провести здесь аналогию с популяризацией Пушкина, особенно периода пребывания его в лицее, И. И. Пущиным в 40-х г. в Западной Сибири. Учитель русского языка Ялуторовского уездного училища Голодников К. М. в своих воспоминаниях о декабристах в Тобольской губернии, рисуя образ Пущина, указывает на следующий момент: «Получив образование в царско-сельском ли-

---

[1] В. Вагин—„40-е годы в Иркутске" Литературный сборник под ред. И. М. Ядринцева. СПб 1885, стр. 265.

цее вместе с Пушкиным, бароном Дельвигом и Кюхельбекером, И. И. любил в компании вспоминать свою студенческую жизнь, ее кутежи и хронические увлечения. Он не только помнил имена и фамилии многих своих товарищей, но даже не забыл как-то и некоторых служителей лицея, чем-либо выдававшихся.

Однажды он передал нам подлинником известное стихотворение Пушкина, которое в печати значилось так:

Раз случилось от печали
Лиза, я да, Купидон
По бокалу осушили
И гонили мудрость вон.

Между тем, как оно Пушкиным было написано так:

Раз случилось от печали
Пушкин, Пущин
и барон (Дельвиг)
По бокалу осушили
И Фому гонили вон.

Фома был лицейский служитель, нелюбимый молодежью».[1]

И, конечно, молодой купец М. А. Лушников вначале в Селенгинске, а впоследствии в Кяхте, и преподаватель русского языка в Ялуторовске К. М. Голодников в своих беседах в школьной и купеческой среде закрепляли литературную репутацию Пушкина в Сибири. М. А. Лушников в 1885 г. по свидетельству И. И. Попова «свободно читал наизусть всего Пушкина», а К. М. Голодников в 1888 в «Историческом Вестнике» и 1899 г. в «Сибирской торговой газете» поделился с читателями сибиряками тем, что он часто слышал в 40-е годы от ближайшего друга Александра Сергеевича—И. И. Пущина.

---

[1] „Декабристы в Тобольской губернии"—И. М. Голодников" Сибирская газета", 1899 г. № 56.

Важно здесь подчеркнуть и то обстоятельство, что сибиряки, современники декабристов гораздо раньше познакомились через устные рассказы И. И. Пущина с художественно-очерченным портретом юноши поэта, нежели читатель Европейской России. «Записки о Пушкине» начаты были и закончены только в конце 50-х г. Между прочим, судя по сопоставлению воспоминаний Голодникова и соответственных страниц из «Записок о Пушкине», некоторые детали даже не были внесены из устной передачи Пущиным в отдельные главы его книги. Здесь мы можем проследить и пути формирования мемуаров о Пушкине, бытование их устно в Сибири, отражение наиболее ярких деталей на страницах будущей книги.[1]

Если М. В. Загоскин тайно, различными путями знакомился с творчеством Пушкина в 40-е годы, то не менее нелегально с произведениями светской литературы знакомился через него же его ученик в 50-е годы в духовной семинарии, будущий сибирский писатель, С. С. Шашков. Если гимназистам Поликсеньева можно было восторгаться «златыми страницами» Карамзина, то даже и в этом, не говоря о Жуковском, а тем более о Пушкине, мракобесами было под строжайшей угрозой отказано семинаристам.

«Я кому-то из товарищей,—вспоминает Шашков,—дал читать «Письма русского путешественника» Карамзина; Петр (инспектор) отобрал их, потребовал утром меня и дал мне жестокий нагоняй: «Что читаешь? Что ты путешественником что ли готовишься быть—бестолковый? Читал бы «христианское чтение»,—там язык-то языком, а мысли-то мыслями».

---

[1] О популяризации Пушкина Пущиным в Ялуторовске свидетельствует и С. Семенов. „Больше других о прошлом говорил И. И. Пущин. Он часто рассказывал о своей дружбе с А. С. Пушкиным, о самом поэте, о литературных собраниях, на которых А. С. читал друзьям свои стихи. У Пущина было много собственноручных писем и рукописей Пушкина, которые И. И. показывал собеседникам. Сергей Семенов „Декабристы в Ялуторовске (из воспоминаний современника). Жур. „Сибирский архив", № 6—8, 1913 г., стр. 277.

Книга полетела в топившуюся печку, а на меня Петр крикнул: «Пошел вон, бестолковый».[1]

Наступали новые в истории царской России—шестидесятые годы. Дыхание их ощущалось и в Восточной Сибири. «Наступление нового царствования действовало возбудительно на молодые умы. Я,—пишет С. С. Шашков в своей автобиографии,—уже интересовался общественными вопросами, особенно бесчисленно ходившими по городу списками разных, относящихся к России, сочинений, и газетными обличениями». «В то же время я начал писать стихи не в прежнем фетовском роде, а в общественном. По рукам тогда (1858) ходило много рукописей, между прочим со стихами Некрасова, Огарева, Плещеева и т. д.».[1]

Этот интерес к гражданским темам, к гражданским поэтам начинает в Иркутске с каждым годом усиливаться. Уже в проведенных в Иркутске, в первых литературно-разговорных вечерах с января по 30 мая 1861 г., мы в опубликованном отчете в газ. «Амур» не находим разбора произведений Пушкина и Жуковского, их место заняли стихи Некрасова, Огарева, Розенгейма. Духом времени можно объяснить и то, что М. В. Загоскин, будучи редактором в 1860—61 гг. газ. «Амур», не нашел возможным поделиться с шестидесятниками своими воспоминаниями о Пушкине на страницах редактированной им газеты, и лишь в 1899 г., когда интерес к Пушкину стал усиливаться, написал в газ. «Восточное обозрение», цитированную нами не раз статью «Когда в Иркутске познакомились с Пушкиным».

IV

В царской Сибири прошло три юбилейных даты, связанных с великим поэтом А. С. Пушкиным.

1881 год—год открытия памятника в Москве гениальному мастеру художественного слова. Правительственная Си-

---

[1] „Автобиография С. С. Шашкова", Газ. „Восточное обозрение", 1882, № 80.

бирь «развернула подготовку» к сбору средств на памятник поэту.

«В 1871 году иркутским генерал-губернатором, за № 175 от 1-го июля, было предписано Нижне-Удинскому Уездному Полицейскому Управлению «произвести в уезде сбор денег на памятник поэту Пушкину». Нижнеудинское Уездное Полицейское Управление, несмотря на еще двухкратное напоминание иркутского генерал-губернатора, все время молчало и только через пять лет, в 1876 году, наконец, откликнулось, и, представив генерал-губернатору, собранные на памятник поэту Пушкину, деньги в сумме четырех рублей семидесяти копеек, донесло, что «эти деньги удалось собрать только в одной Братской волости, да и то благодаря лишь полицейским мерам воздействия»...[1]

Точь-в-точь как писал в записной книжке один из героев великого русского сатирика Салтыкова-Щедрина:

«Немецкий прынец в свое место проезжал—3000 руб., губернатор звал на чашку чая—6000 руб., в участок на патриотизм—50000; на памятник Пушкину—15 к.»...

1887 год. Исполнилось пятьдесят лет со дня гибели великого поэта. На страницах газеты «Восточное обозрение» появилось извещение о панихиде по Пушкину. И это все, что могла сказать пресса в связи с памятью пушкинского гения. Больше ни строчки!

26 мая 1899 г.—столетний юбилей со дня рождения Александра Сергеевича.

...В пользу голодающих Сибири и Европейской России в городском театре 30-го мая 1899 года будет дан концерт...

Таким объявлением открывали свою юбилейную страницу, посвященную Пушкину иркутская газета «Восточное обозрение» 26 мая 1899 года.

«Задавленным нищетой, каторжным трудом, неграмотным и темным массам было тогда не до поэзии и литера-

---

[1] Леонид Орлов „По Сибирским архивам. "Журнал „Сибирская летопись", № 6—8, 1916 г. стр. 366.

туры. Культура была монопольным достоянием дворянства и буржуазии. Называя Пушкина национальным поэтом, они сами себя отожествляли с нацией, но к этой «нации» капиталистов и помещиков с глубокой враждой относились миллионы трудящихся».[1]

В Иркутск прибывали все новые и новые семьи голодающих безработных. «Восточное обозрение» в передовой статье, захлебываясь, писало о всенародном торжестве.

«Сегодняшний день—день всероссийского торжества, полная победа духа над материальной силой: сегодня писательский гений, объединяя вокруг своего памятника различные партии, разные сословия, Россию, служилую и неслужилую, вознесся на такую высоту, на какую в России еще не поднимался ни один гений. В лице Пушкина чествуется не полководец, не государственный муж, а писательский гений—«дар божий», который есть превыше всего и пред которым сегодня склонилась государственная, общественная и народная Россия...»[1]

А в третьей колонке, после передовой юбилейной страницы, в небольшой заметке «Пушкин и народ», пришлось, хотя и неполным голосом, сказать горькую истину, которую автор статьи называет только «крупным пробелом»: «в сегодняшний день среди массы лиц, стоящих в восторженном преклонении вокруг памятника, мы почти не видим простого народа...»

«Грамотные крестьяне знают Пушкина только по обрывкам, которые помещены в книжках для чтения, а масса населения даже и с этим не знакома и никогда не слыхала имени поэта».

«...Завещание великого поэта и доныне не исполнены не только среди тунгусов, калмыков и др. инородцев, но даже среди родственных поэту великоруссов».

Заправилы сибирских городов—гласные Городской Думы—сибирские капиталисты, богатеи глубокомысленно думали над тем, как организовать пушкинские торжества.

---

[1] „Правда", 17 декабря 1935 г. Разрядка здесь и ниже наша.

Газета «Сибирская жизнь» рассказывает: «При обсуждении вопроса, какая сумма должна быть ассигнована на пушкинские празднества, один из гласных предложил назначить 100 рублей. Громкие голоса некоторых полупочтенных думцев требовали уменьшения ассигновки до 50 рублей.

— Нельзя же, господа,—урезонивал гласный:—надо приобрести бюст, заказать портрет. Хорошо было бы раздать народу и детям книжки...

— Книжки?!—подхватил один из «столпов», недоуменно «уставя браду»:—Пустое! Дороги ли книги те? Да, бери у меня житие Алексея божия человека—по грошу книжка, да и раздавай: на три рубля весь город подаришь.

Думцы переглянулись...»

«Национальный всенародный» праздник начался тем, что в Иркутске 26 мая, в Казанском соборе отслужена была панихида по поэту. После панихиды ученики и ученицы начальных школ «с густой массой народа» направились к зданию думы, где на балконе, утопая в зелени, стоял бюст поэта, окаймленный венками иркутских общественных организаций. В заключительных строках отчета о пушкинских празднествах в Иркутске у стен Городской Думы, очеркист уныло повествует: «Присутствовали члены пушкинской комиссии, эти присяжные устроители празднества и небольшая кучка иркутской интеллигенции. Получалась такого рода картина, что будто взрослые просто на просто пришли посмотреть, как будут веселиться на празднике дети. Говоря другими словами, местное общество очень холодно отнеслось к чествованию поэта и этот национальный праздник, из праздников праздник, прошел поэтому вяло и безцветно. Сибирская ли апатия тому виной, неподвижность ли наша, или просто мы не привыкли к подобного рода празднованиям—бог его ведает...».

С мест поступают письма о проведенных пушкинских торжествах. Вот пишут из гор. Красноярска о том, как пушкинская комиссия участвовала в празднествах в учеб-

---

[1] Разрядка наша.

ных заведениях города. «Но что же сделали другие?—С горечью восклицает красноярский корреспондент,—как и чем почтили память А. С. Пушкина наши общества: общество врачей и др.? Как и чем помянули Пушкина наши различные: купцы, мещане, ремесленники, чиновники, военные и др.?

Ничем, как будто бы Пушкина для них и не существовало. Удивительная инертность, удивительная некультурность! Оказывается, что нужно пропагандировать Пушкина у нас еще не среди сибирских инородцев, не среди народа, а среди местной интеллигенции, городских сословий; деревне, что и говорить, когда даже в городе не хотят знать Пушкина.

27-го мая, я,—продолжает корреспондент,—случайно был в огромном подгородном селе Установском.

Все тихо и мирно. О Пушкине ни гу-гу. Спрашивал: «что же вы не устроили хотя бы в школе какого-нибудь праздника в честь памяти Пушкина?» Говорят, что школа совершенно не имеет средств и даже в самых необходимых учебниках нуждается».

Характерной иллюстрацией к тому, как проходил «национальный праздник» в глухих пунктах тогдашней Сибири является хроникальная заметка газ. «Восточное обозрение» из далекого Киренска.

...«Один господин вынужден был провести Пушкинские дни в дороге. Счастливый случай доставил ему удовольствие быть 27 мая в Киренском, где, как в культурном пункте, он надеялся попасть на праздники, но сколько он ни искал каких-либо признаков народного праздника, в какие общественные здания и учреждения не заглядывал,—везде было пусто и безжизненно. Ничто не напоминало о Пушкине. В училище встретились только школьники с маленькими книжками и конфектами. Видимо, только они и знали кое-что о великом торжестве этого дня. Некоторые объясняли такое невнимание к Пушкину отсутствием в это время исправника—некому было распорядиться».

Церковь и цензура давали направление оценки пушкинского гения. За две недели до официальных торжеств, Ир-

кутские «Епархиальные ведомости» поместили свою руководящую статью о Пушкине, дав на двух страницах приличествующий духовному журналу и своему светскому начальству образ Пушкина, редакция заканчивает его следующими двумя христианскими абзацами:

«Кроме того заслуга А. С. пред современниками и потомством состоит еще и в том, что своими чарующими произведениями, он возбуждает чувство любви к природе и человеку, к родине и ее славе, к просвещению и р е л и г и и. При этом есть глубокие основания почтить память великого поэта и духовному ведомству, потому что А. С. был одним из наилучших выразителей тех величайших гуманных и, п р и с л у ч а е, х р и с т и а н с к и х з а в е т о в,[1] представителями и глашатаями которых призвано быть и православное духовенство. Что это так, достаточно указать хотя на его стихотворение «Великопостная молитва».

«Таковы в общем—заслуги А. С. Пушкина для России. В заключение остается сказать, что угас он безвременно, убитый на дуэли бароном Дантесом, а поводом к ней послужили ядовитые сплетни, распущенные на счет его жены его врагами. Умер он 28 января 1837 года».

Так всеми способами стремились церковь и правительство скрыть подлинный образ автора антирелигиозной поэмы «Гаврилиады», перелицовывая его на православный патриотический лад, замалчивая истинные причины безвременной гибели Пушкина.

В фельетоне газ. «Сибирский Вестник» № 120, 6 июня 1899 г., автор, скрывшийся под псевдонимом Н е в и д и м к а, приоткрыл завесу подлинной организации пушкинского юбилея. Цензурные рамки не позволили, очевидно, автору сказать все. Но и сказанное является смелой характеристикой тому, что называло официальная Россия «национальным праздником».

«Каких-нибудь тридцать лет назад назвать Пушкина гениальным было бы, по меньшей мере, большой неосторож-

---

[1] Разрядка наша.

ностью. А шестьдесят лет назад—это было бы преступлением, подлежавшим известной каре. Да, что там тридцать, да пятьдесят лет!.. Год, два тому назад ни один из жрецов мундирной науки, изливающихся сейчас в потоках красноречия по случаю пушкинского юбилея, не посмел бы заикнуться о Пушкине, как о народном певце, гражданине и государственном муже. Нужна была указка, чтобы разверзлись уста и преклонились колена. И стоило лишь этой указке мелькнуть пред нашими глазами, как расцвели дифирамбы один пышнее другого».

В эти юбилейные дни нельзя было говорить и писать о подлинном Пушкине. «Послание в Сибирь» Пушкина декабристам замалчивалось, потому что это послание в 1899 году звучало так же призывно политической ссылке, как в 1827 году друзьям поэта декабристам.

В эти годы в сибирских тюрьмах, этапных пунктах, в глухих селах на поселении томились те, кто приступил к организации сил пролетариата. В селе Шушенском, Минусинского уезда отбывал третий год ссылки гениальный организатор партии рабочего класса Владимир Ильич Ленин. Здесь в упорной подготовке к предстоящим классовым боям Ильич параллельно со своей повседневной напряженной литературной работой отдыхал над томиками Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Н. В. Цейтц

SIBIRICA В БИБЛИОТЕКЕ ПУШКИНА

Опись книг библиотеки Пушкина, составленная Б. Л. Модзалевским[1] и дополненная Л. Б. Модзалевским на основании опекунской записи 1837 года,[2] конечно, не вполне может свидетельствовать о круге чтения Пушкина. Прежде всего, все эти описи говорят лишь об остатках довольно большого и с большим вкусом и любовью подобранного книжного собрания Пушкина. Прав также и Д. П. Якубович, утверждавший, что «часто несохранившиеся книги могли быть (именно поэтому-то они и не сохранились—читаемое не лежит на полке-) наиболее читаемыми и изучаемыми книгами Пушкина, бравшимися им, напр., в дорогу (ср., напр., письмо Пушкина к жене от 21 сентября 1835 г), дававшимися знакомым и т. п.[1]

Пушкин начал подбирать свою библиотеку еще в лицейские годы; очень усиленно пополнял ее во время ссылки; особенно же страстно коллекционировал книги в 30-ые годы, тратя на них очень большую часть своих денег и выписывая их из-за границы. Но, конечно, поэт, любивший и ценивший книги с юности не только как средство пополне-

---

[1] „Пушкин и его соврем." вып. IX—X 1910 г.
[2] „Литературное наследство" № 16—18, 1934 г.
[3] „Пушкин и его соврем." вып. XXXVII, 1928 г., стр, 110—111. примечание.

ния своего образования, расширения кругозора и заполнения досуга, но и нуждавшийся в них для работы над своими художественными произведениями, не мог ограничиться только своей книжной полкой. Чтение книг в большой библиотеке своего отца, занятия в библиотеке Лицея, пользование книгами библиотек своих друзей и знакомых (А. И. Тургенева, В. А. Жуковского, И. П. Липранди, М. С. Воронцова, С. А. Соболевского, Е. М. Хитрово, А. С. Норова и мн. др.),—все это затрудняет, хотя бы приблизительно, определить характер читанных Пушкиным книг по какой-либо дисциплине, тем более, что переписка его дает сравнительно мало данных об этом.

Однако, принимая во внимание, что книги Пушкин приобретал большею частью не с библиофильской целью, а для своей непосредственной работы—нужных книг в его библиотеке больше, чем случайных[1]—они в какой-то мере отражали круг его интересов, характер его умственной жизни, служили необходимыми материалами, источниками его художественных, исторических произведений и статей. Это дает возможность, с оговорками и различными дополнениями, на основании описи сохранившихся в библиотеке Пушкина книг, составить себе представление об его интересах к определенным темам, предметам, событиям, странам.

Следует отметить, что, кроме беллетристики, среди его книг большое место занимали книги по истории и книги путешествий, главным образом, посвященных России, как на русском, так и на иностранных языках.

Многие из этим книг носят на себе следы внимательного чтения—отметки и записи на страницах, закладки; о том же свидетельствуют и выписки из некоторых книг, конспекты их, отзывы о них в письмах, в статьях. Попадаются среди них книги без всяких помет и даже не разрезанные, но это не может служить аргументом для доказательства того, что Пушкин не знал о содержании их—у нас

---

[1] См. об этом в статье М. Н. Куфаева, Пушкин—библиофил. в сб. „Альманах библиофила" Л., 1929 г.

есть свидетельства о том, что некоторые из книг он покупал уже после прочтения их в библиотеках своих друзей, о других книгах слышал и подбирал их, как необходимую часть материала для своих замыслов и будущих работ.

Серьезные занятия Пушкина русской историей велись им в Михайловском в 1824—26 гг., в связи созданием «Бориса Годунова», в дальнейшем росли все шире и глубже, и в 30-х годах привели его к работам чисто-исторического характера как напечатанных, так и незавершенных и дошедших до нас в виде черновых заметок и набросков.

Критикуя «Историю русского народа» Н. Полевого (1830 г.), он упрекал автора ее в дилетантизме; «Историю государства Российского» он ценил за то, что Карамзин основывался в своих выводах на источниках-летописях и не заменял их «своевольными догадками». Увлекаясь ранее в своих исторических занятиях лишь летописями и Карамзиным, Пушкин позднее, путем чтения ряда книг передовой западной буржуазной исторической науки, стал на высоте научной историографии 30-х годов и много выше современных ему русских историков—Карамзина, Погодина, Полевого и др.[1]

Сам Пушкин любил и умел работать над первоисточниками. Таковыми являлись для него книги и архивные летописные материалы. Усиленно занимаясь в архивах и книгохранилищах Петербурга, скупая вместе с тем у книгопродавцев необходимые для его работы материалы, Пушкин не забывал заглядывать в архивы и книжные магазины, когда бывал в Москве. «Вот уже три дня как я—в Москве, и все еще ничего не сделал. Архива не видал, с книгопродавцами не торговался»,—пишет он своей жене 5 мая 1836 г. из Москвы.

Серьезное отношение к истории как к науке, умение работать с первоисточниками, вероятно, и заставило его сов-

---

[1] О Пушкине—историке см. статью П. Попова, Пушкин в работе над историей Петра I—„Лит. Наследство", № 16—18, 1934 г. и рецензию А. Шебунина—„Пушкин. Временник Пушкинской комиссии" № 2 М. Л., 1936 г. стр. 437—441.

ременника и друга А. И. Тургенева написать после смерти поэта следующие строки: «В Пушкине мы лишились великого поэта, который готовился быть и хорошим историком».[1]

Среди книг по истории и географии в библиотеке Пушкина мы находим ряд изданий, специально посвященных Сибири и книг, в которых говорится о Сибири и соседних ей странах.

Интерес русского общества к Сибири усилился со второй половины XVIII века и был связан с развитием русской колонизации, усилением связи с Китаем и разработкой природных богатств Сибири. Появился ряд книг—описаний научных экспедиций в Сибирь; о ней же часто упоминалось и в многочисленной литературе путешествий. Создание сибирской беллетристики и специального журнала «Сибирский Вестник» (1818—1824), издававшегося в Петербурге, обратило внимание на Сибирь Петербурга и Москвы. В столичной литературе появились стихи, поэмы, драмы и повести, посвященные Сибири, носившие сначала характер экзотики, лишенной исторической и географической правдивости, подобно той экзотике, которая была в произведениях о Кавказе, Крыме и др. колониях России, а потом сменные более научным изучением этого края. Увлечение сибирской тематикой было тесно связано с империалистической политикой России.[2]

Материал в этнографии южных колоний России, отраженный в поэмах Пушкина 1822—24 гг. вызвал в нем воспоминания и о северных колониях в их историческом прошлом. В представлении Пушкина, как и у других его современников, народы севера были так же «экзотичны», как и кавказцы, крымские ханы, цыганы и т. д. Недаром, в те же

---

[1] „Пушкин и его современники" вып VI, 1908, стр. 59.

[2] См. о „Сибирике" первой трети XIX века в работах М. К. Азадовского: Сибирская литература, в „Сибирском литературно-краеведческом сборнике" № 1, Иркутск, 1928 г. и литература Сибирская в „Сибирской Энциклопедии", т. II, с. 162.

годы, в черновой рукописи «Цыган», Пушкин вкладывает в уста Алеко (его обращение к сыну) следующие слова:

И я б желал, чтоб мать моя
Меня родила в чаще леса,
Или под юртой остяка,
Или в расселине утеса.

Начав «Цыган» в декабре 1823 г. в Одессе, Пушкин окончил эту поэму в Михайловском 10 октября 1824 г. В Михайловском вопросы этнографии уже отходят на задний план, а на переднем оказываются интересы исторические, связанные с пристальным изучением источников в работе его над «Борисом Годуновым». В том же Михайловском, в январе-феврале 1825 года, Пушкин записывает: «Воображаемый разговор с Александром I», который заканчивает следующими словами Александра I о Пушкине: «Но тут бы Александр Пушкин разгорячился и наговорил мне много лишнего (хотя отчасти справедливого), я бы рассердился и сослал его в Сибирь, где бы он написал поэму Ермак или Кочум.... размером с рифмами».

Ермак Тимофеевич, атаман донской казачьей вольницы, покоритель «Сибирского царства», положивший начало завоеванию Сибири; был неоднократно воспеваем в русской литературе конца XVIII начала XIX вв., что весьма поощрялось правительством. Скудость и неопределенность биографических данных о нем в то время предоставляли широкие возможности фантазии поэтов. Пушкин знал стих. И. И. Дмитриева «Ермак (1794 г.), напечатанное в книгах И. И. Дмитриева «И мои безделки» М., 1795 г. и «Стихотворения И. И. Дмитриева» в 2-х частях. Изд. 6-е, Сиб., 1822—23 гг. (см. опис. Б. Модз. №№ 126, 127, 128). Последнюю книгу Пушкин получил, повидимому, от П. А. Вяземского, написавшего статью к этому изданию под заглавием «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева», в письме к которому от 4 ноября 1823 г. Пушкин, давая общую уничтожающую характеристику творчеству И. И. Дмитриева,

писал: «Ерм(ак)—такая дрянь, что мочи нет».[1] С заглавием: «Ангел смерти. Отрывок из поэмы о Ермаке» и упоминанием его имени в вступлении к поэме «Бова» Пушкин встречался в «Собрании оставшихся сочинений» А. Радищева, М., 1811, ч. IV (см. опис. Б. Модз. № 309). Там же он читал и «Сокращенное повествование о приобретении Сибири (отрывок)», где также было написано о Ермаке. Можно не сомневаться в том, что Пушкин читал стихотворение своего друга А. А. Шишкова 2-го под заглавием «Ермак», напечатанное в «Новостях Литературы» за 1825 г. кн. XI, январь, стр. 41—48, хотя в библиотеке его эта книга и не сохранилась. Возможно, что Пушкин знал и другие произведения и статьи о Ермаке, появившиеся в печати до 1825 г., но в числе книг Пушкина они не значатся.[2] Не сохранились в библиотеке Пушкина и книги К. Ф. Рылеева «Думы», изд. 1825 г. и «Войнаровский», изд. 1825 г., подаренные Пушкину самим автором и полученные им в марте—апреле 1825 года, но читанные им в отрывках еще ранее, в различных журналах (см. письмо его к П. А. Вяземскому от октября—ноября 1823г.).

В «Думах» было напечатано стихотворение «Смерть Ермака», за представление которого в Общество Любителей Российской Словесности в 1821 году, Рылеев был переименован из членов-сотрудников в действительные члены; оно же впоследствии получило широкую известность в читательской среде в качестве песни. Посылая Пушкину свои «Думы», Рылеев писал 10 марта 1825 г.: «Знаю, что ты не жалуешь мои Думы, несмотря на то я просил Пушкина и их переслать тебе. Чувствую сам, что некоторые так слабы, что не следовало бы их и печатать в полном собрании. Но зато

---

[1] Кстати в альманахе „Полярная Звезда" за 1825 год", сохранившемся в библиотеке Пушкина, напечатана гравюра „Из Ермака Дмитриева (Рисовал И. Иванов, гравировал М. Иванов)".

[2] См. библиографию художественных произведений о Ермаке в первую треть XIX в. в книге В. И. Маслов, Литературная деятельность К. Ф. Рылеева, Киев, 1912 г., стр. 194—196 и его же Лит. деят. К. Ф. Рылеева. Дополнения и поправки, Киев, 1916 г., стр. 36—37.

убежден душевно, что Ермак, Матвеев, Волынский, Годунов и им подобное хороши и могут быть полезны не для одних детей». Основным источником образа Ермака Рылеева был девятый том «Истории Государства Российского» Карамзина. Поэма «Войнаровский» заслужила высокую оценку Пушкина за «повествовательный слог», за то, что «Войнаровский полон жизни», «нужен для нашей словесности» и т. д. В поэме Пушкин мог прочесть многое, что должно было вызвать интерес его к Сибири, потому что довольно верное изображение пейзажей этой страны и этнографии ее были основаны на вдумчивом изучении описаний путешествий и других исторических источников. Исторические образы Войнаровского и Миллера, примечания, дающие объяснения местных выражений и географии, биография Миллера, приведенная в примечаниях и, наконец, исторический очерк А. Бестужева «Жизнеописание Войнаровского» придавали историческую правдивость всему, что изображалось в поэме и это, конечно, нравилось Пушкину и заставляло вчитываться в текст. И Пушкин читал «Думы» и особенно «Войнаровского» очень внимательно, о чем свидетельствует письмо Рылеева Пушкину от 12 мая 1825 г.: «Дельвиг пересказал мне замечания твои о Думах и Войнаровском». Экземпляр поэмы Пушкин возвратил автору с детальными замечаниями на полях, судя по письму к Пушкину Рылеева от начала июня 1825 года. Образы героев исторической поэмы витают над Пушкиным и они связаны именно с Сибирью. В это же время Пушкин читает и IX том «Истории Государства Российского» Карамзина 3-е изд., М., 1820 (см. опис. № 178), глава VI которого вся посвящена завоеванию Сибири Ермаком, его передвижению по Сибири, удачам и неудачам его властвования в этой стране и, наконец, его гибели. Изложенная по летописям, особенно по так называемой Строгановской летописи, «Летописи о Сибирской стране и о взятии Сибири», предоставленной автору Гр. Спасским, эта глава сообщала много интересных подробностей и об этой стране и об Ермаке. Ермак изображался как неустрашимый искусный герой «родом неизвестного, душою знаменитого»; его завоевание Сибири приравнивалось к за-

воеваниям Мексики и Перу, когда «горсть людей, стреляя огнем, побеждала тысячи, вооруженные стрелами и копьями»: а в управлении покоренными народами он «оказал необыкновенный разум и в земских учреждениях и в соблюдении воинской подчиненности», вызвавшие полное доверие в «диких» людях к новой власти.

Поэтому «Воображаемый разговор с Александром I», в котором упоминаются Кучум и Ермак, не случайно перемежаются с исторической драмой «Борис Годунов» и немудрено, что такой интересный сложный образ воина и человека был особенно привлекателен для героя исторической поэмы, основанной на источниках, а не на фантазии поэта, порождавшей псевдо-исторические образы, как, напр., в стихах Дмитриева и других.

«Я жду от вас эпической поэмы. Тень Святослава скитается не воспетая, писали вы мне когда-то. А Владимир? а Мстислав? а Донской? а Ермак? а Пожарской? История народа принадлежит Поэту»,—писал Пушкин Н. И. Гнедичу 23 февраля 1823 года из Михайловского.[1]

Но для осуществления своего замысла, Пушкину нехватает, повидимому, материала и 23 апреля 1825 года он пишет брату, чтоб тот прислал ему «Сибирский Вестник весь». «Сибирский вестник» был доставлен Пушкину и сохранился в его библиотеке полными комплектами за годы 1818, 1819, 1820, 1821, 1822 и 1824. (См. опис. № 506).

Журнал «Сибирский Вестник» издавался Гр. И. Спасским[2] в Петербурге с 1818 по 1824 гг. (с. 1825 по 1827 гг. он

---

[1] Интерес к сюжетам из русской истории у Пушкина был и ранее как последствие работы над псевдо-исторической поэмой „Руслан и Людмила". Сохранились черновые заметки и планы из жизни Изяслава, Мстислава, Ярослава и Владимира, набросанные им в Кишиневе (1822—23 гг.).

[2] Кстати, Пушкин обращался с письмом и к Г. И. Спасскому (историку Сибири, члену—корреспонденту Ак. Наук по разряду вост. словесности и древностей) с просьбой достать ему рукопись П. И. Рычкова „Касающейся времени Пугачева". Письмо это относится к июню—июлю 1833 г.—времени поисков Пушкина материалов для работы над „Историей Пугачева". Ответ Г. И. Спасского до нас не дошел, но рукопись от него Пушкин получил (см. примеч. его к третьей главе „Ист. пугач. бунта.")

стал выходить под заглавием «Азиатский Вестник»). В этом журнале был ряд сведений о географии, быте, нравах, экономике, искусстве и т. д. современной Сибири, а кроме того, и «собрание сведений о Сибири и странах, сопредельных с оной»—изображение исторического прошлого Сибири, Камчатки, Китая, которое давалось путем печатания отрывков из летописей, описаний путешествий XVII—XVIII вв., воспоминаний и т. п. источников. Среди исторических памятников, конечно, первое место занимали сообщения о покорении Сибири, о «герое» Ермаке—«сего хотя низкого по происхождению, но великого по подвигу своему человека» (см. «Картина Сибири»—ч. 1 1818 г.), о «диком» Кучуме, о завоевании русским правительством «Сибирского царства». Пушкин читал там выписки из летописей сибирских.—«Строгановской» XVII века (ч. XIV 1821 г.); рукописи Ильи Черепанова XVII в. (ч. XIV 1821 г.); летописи Саввы Есипова XVII в. (ч. I 1824 г.). Конечно, Пушкина эти первоисточники привлекли более всего. Тут же он видел и гравированный портрет (псевдо-исторический) «Ермак, покоритель Сибири», которым открывалась первая часть журнала за 1818 г.; читал отрицание подлинности этого портрета А. Н. Олениным на страницах этого же журнала (ч. XIV, 1821 г.), мог рассматривать карту похода Ермака в Сибири (ч. IV 1818 г.). «Сибирский вестник» просматривался К. Ф. Рылеевым во время его работы над «Смертью Ермака» и «Войнаровским» и отсюда мог о нем слышать и Пушкин. Но, конечно, он читал и хвалебный отзыв об этом журнале в «Московском Телеграфе» за 1828 г. № 3 (февраль), стр. 251: в статье «Обозрение Русской Литературы» в 1824 году (окончание).

«Счастливая мысль г-на Спасского—издавать журнал, в котором бы помещалось все изображающее нам Сибирь и Азию, в отношении ее к России—конечно нашла одобрение в нашем Отечестве, ибо г-н Спасский и в прошлом году продолжал издание Сибирского Вестника; а разнообразие и важность статей сего журнала доказывают, что Сибирь богата не одним золотом, но и любопытными явлениями природы и общества. В течение семи лет (с 1818 года) г-н Спасский сообщил читателям множество драгоценных исто-

рических и географических отрывков и описаний. В прошлом году, при книжках Сибирского Вестника, прилагаемы были отдельные листы географического и статистического описания Сибири и ее островов, со всею подробностью составляемого г-м Спасским из верных и избранных источников».

Все это вместе взятое говорит за то, что у Пушкина было серьзное намерение написать эту поэму, и не спроста, а на основании каких-то определенных сведений в середине января 1826 года, Е. А. Баратынский писал Пушкину: «Мне пишут, что ты затеваешь новую поэму «Ермака». Предмет истинно поэтический, достойный тебя. Говорят, что когда это известие дошло до Парнаса, и Камоэнс вытаращил глаза. Благослови тебя бог и укрепи мышцы твои на великий подвиг». Оценка современниками именно с этой стороны замысла Пушкина очень характерна. Они ждали от него восхваления колониальных завоеваний России, как сделал это Камоэнс, португальский поэт, воспевший в своей поэме «Лузиады» путешествие Васко-де-Гама в Индию (1497 г.). Но замысел этой поэмы так и не был осуществлен.

Позднее Пушкину стали известны отрывки из трагедии А. Хомякова «Ермак», напечатанной в «Московском Вестнике» за 1828 г. ч. VII, 1829 г. ч. I и в альманахе «Денница» 1830 г., (книги эти сохранились в его библиотеке, см. опис. Л. Модзалевского). Есть вероятие, что он знал и другие произведения об Ермаке, напечатанные после 1825 г., хотя они в описи библиотеки его и не значатся.[1]

Свидетельством того, что интерес Пушкина к этому образу не умер почти до конца его жизни, может служить письмо В. Д. Соломирского к Пушкину от 17 июля 1835 г., являющееся ответом на недошедшее до нас письмо Пушкина: «Ты просил меня писать тебе о Ермаке. Предмет, конечно, любопытный: но, помышляя о поездке для розысков

---

[1] Можно указать из них: Ермак. завоеватель Сибири. Историческая повесть. Соч. И. Д. Изд. 2-е. М. 1827; Ермак. Стих. А. М.—„Северная Лира на 1827 год": Покорение Сибири. Драматическая поэма Трилунного—„Атеней" 1829 г. ч. IV и др.

сего воителя, я досель сижу дома».[1] Повидимому, Пушкин просил Соломирского добыть ему какие-то точные и достоверные сведения об этом полулегендарном герое..

В библиотеке Пушкина находился целый ряд книг путешествий и исследований, в которых говорилось о Сибири. Многие из них он приобретал в связи со своими историческими работами о Пугачеве, о Петре I и др., некоторые, возможно, и с библиофильской целью, как книги, довольно редкие уже в то время. Но интерес к Сибири сохранился в нем и в последние годы его жизни, о чем свидетельствуют и вышеприведенное письмо к Соломирскому и черновые наброски предполагаемых статей. Это дает право предположить, что некоторые из этих книг приобретались им и со специальной целью изучения Сибири.

С монголами Пушкин познакомился в работах «История монголов. От древнейших времен до Тамерлана». Перевод с персидского СПб., 1834 г. (см. опис. № 165); Иакинфа Би-

---

[1] В. Д. Соломирский—хороший знакомый Пушкина, служивший в артиллерии, потом перечислившийся на гражданскую службу. Известна в 1827 г. его несостоявшаяся дуэль с Пушкиным, кончившаяся примирением и дружественной пирушкой (см. об этом М. И. Семеновский „К биографии Пушкина"—„Русс. Вестн." 1869 г., № 11 и Н. Лернер „Несостоявшая дуэль Пушкина в 1827 году". „Русс. Стар." 1907, № 7. Соломирский также писал стихи, повидимому, весьма слабые (см. напр. об этом в статье П. М. Устимович „Анна Алексеевна Ардро"— „Русс. Стар". 1890 г. № 7—9). В 1831 году из Троицкосавска он сообщил одному из своих приятелей, что он „написал обозрение торговли России с Китаем; составил проект новых правил, коими наше купечество должно впредь руководствоваться, доказав прежде безрассудную неосновательность ныне существующих. Недавно кончил историческое обозрение Монголо-Бурятского духовенства, для которого ныне занимается составлением особенного устава; сверх того написал свои путевые записки" („Щукинский сборник", вып. VI. стр. 421). В протоколах конференции Академии Наук за 1833 г. сохранились сведения о его путешествии с бароном П. Л. Шиллингом—фон—Канштадтом по Иркутской губ. В бытность свою в Иркутске Соломирский сошелся с П. А. Словцовым, знаменитым историком Сибири, о котором он рассказывал в этом же письме к Пушкину и передавал ему мнение Словцова о поэте (см. ниже). Неудивительно, что именно к этому образованному петербургскому „Сибиряку", имеющему среди своих знакомых много сибирских старожилов, обратился Пушкин с просьбою собрать ему материалы об Ермаке.

чурина «Историческое обозрение Ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени». СПб., 1834 г. (см. опис. № 167). С последней книгой поэт познакомился еще в рукописи, во время работы над «Историей Пугачева»; в ней он встречал упоминания о нападении калмыков на пределы Сибири, бегстве калмыков в Китай и т. д. Пушкин знал и статью И. Бичурина «Байкал (письмо к О. М. Сомову)», напечатанную в «Северных Цветах на 1832 год» и содержащую описание путешествия его из Иркутска к Байкалу в 1831 году. Рукопись ее даже сохранилась в архиве Пушкина. Ранние упоминания о Сибири (XIII века) мы находим в книге «Любопытное путешествие монаха францисканского Ордена Жана дю План Карпина, посланного в 1246 году в достоинстве Легата и Посла от Папы Иннокентия IV к Татарам, и заключающее в себе достоверные известия о тогдашнем в Европе и Азии могучестве Татар» и т. д., изданной в Москве в 1800 году. (См. опис. № 287).

Книга Даниэля Дефо «Робинзон Крузо» сохранилась в библиотеке Пушкина в двух изданиях:—парижском 1836 года в двух томах и лондонском 1831 г. в двух томах (см. опис. № 856 и 857), в неразрезанном виде, но он, конечно, читал ее ранее и знал описание путешествия Робинзона от Аргунска через Нерчинск в Тобольск, написанное Дефо на основании сведений о Сибири, почерпнутых им из европейской литературы и картографии конца XVII—начала XVIII века.

Работа над «Полтавой» и «Медным всадником» и над историей Петра I, вероятно, и побудила Пушкина приобрести ряд книг, связанных с описаниями путешествий дипломатических миссий в различные восточные страны во время царствования Петра и, в частности, путешествия посольства Измайлова, отправленного в Пекин ко двору императора Кан-си в 1719 году, проездом через Сибирь. Эти книги: Джона Белль д'Антермони, в парижском издании, 1766 г. в трех томах—«Путешествие из Петербурга в различные области Азии, в Пекин, в свете посольства, отправленного Петром I к императору китайскому Кан-си, в Испанию» и т. д., с приложением описания Сибири и Джо-

на Барро, в парижском издании. 1805 г., в трех томах—«Путешествие в Китай, служащее дополнением путешествия лорда Мекертнея», с приложением реляции посольства, отправленного Петром I в Пекин в 1719 году (см. опис. №№ 591 и 581).

Тем же интересом к Петру и его эпохе можно объяснить и появление в библиотеке Пушкина книги И. К. Кириллова, под заглавием «Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий» и т. д., изданная в СПб. 1831 году, в двух томах (см. опис. № 186). Книга этого знаменитого деятеля, географа, статистика и картографа петровской эпохи представляет собой статистический свод официальных сведений, имевшихся в сенате, коллегиях и канцеляриях, написанный еще в 1727 году. Во втором томе имеется статистика Сибирской губернии (стр. 100—103), причем им предшествуют заметки о «Сибирском царстве», завоевании его Ермаком, «о царях сибирских, о которых в Истории Сибирской, изложенной в 1745 году сентября 1 дня написано» и об истории открытия Камчатки. История завоевания Сибири изложена И. Кирилловым по «Степенной Книге» и «Сибирской истории» 1637 года. Возможно, что эти заметки могли остановить на себе внимание Пушкина. Книгу эту Пушкин получил от издателя ее М. П. Погодина в июне 1831 года: «Сердечно благодарю Вас и за письмо и за Старую Статистику. Я получил все экземпляры вчера из Пб.», писал Пушкин М. П. Погодину (конец июля 1831 г.). Книга была очень раскритикована Полевым в «Московском Телеграфе» 1825 г., на что Погодин отвечал в «Телескопе» 1831 г. № 15.

Нет никаких данных для утверждения, когда именно был приобретен Пушкиным один из наиболее значительных трудов о Сибири в XVIII веке Герарда-Фридриха Миллера «Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел, от начала и особливо от покорения его Российской Державе по сии времена» кн. I, СПб, 1750 г. (см. опис. № 239). Эта работа была широко известна современникам Пушкина, равно как и имя ее автора—знаменитого историка, историографа Сибири, участника экспедиции Академии

Наук в Сибирь в 1733—43 гг., во время которой Миллер вел подробнейшие записи по истории и географии городов, заметки о нравах, быте, вере, языке и искусстве народов Сибири. «Заслуги Миллера по нашей истории более или менее известны всякому образованному россиянину. Излишне было бы исчислять его сочинения», писал К. Ф. Рылеев в примечаниях к своей поэме «Войнаровский». Пушкин, вероятно, уже хорошо знал книгу Миллера во время рецензирования им поэмы «Войнаровский» Рылеева в мае 1825 года. В ответ на замечания Пушкина на полях экземпляра этой поэмы (книга эта, к сожалению, до нас не дошла), Рылеев писал: «Благодарю тебя, милый чародей, за твои прямодушные замечания на Войнаровского—ты во многом прав совершенно; особенно говоря о Миллере. Он точно—истукан. Это важная ошибка. Вложив в него верноподданнические филиппики за нашего Великого Петра, я бы не имел надобности прибегать к хитростям и говорить за Войнаровского для Бирюкова». О Миллере Пушкин упоминал в наброске статьи 1836 г. о Шаппе д'Отероше (см. ниже), и о «бумагах Миллера»—в письме к П. А. Вяземскому во второй половине марта 1830 г.

Увлечение на Западе географическими открытиями, связанными с поисками новых торговых путей, вызвало появление книги Г. П. Мюллера, также имевшейся в библиотеке Пушкина (опис. № 1197), под названием: «Путешествия и открытия, сделанные русскими по берегам Ледовитого Моря и Восточного Океана по направлению Японии, а также Америки. С приложением истории реки Амура и прилежащих стран со времени покорения их русскими» и т. д. Пушкин имел эту книгу не в подлиннике, а в переводе ее с немецкого на французский и изданной в Амстердаме, в 1766 году.

Большой интерес Пушкин проявил к известной книге Шаппа д'Отроша «Путешествие в Сибирь», имевшейся у него во 2-м издании, напечатанном в Амстердаме в 1769 г. (опис. № 726), а также к книге, написанной Шаппу в ответ Екатериной II под заглавием: «Антидот, или критический разбор плохой книги, роскошно изданной, под заглавием

Путешествие в Сибирь... аббата Шаппа д'Отроша», изданной в 1771 году на французском языке в Москве в двух томах, хотя на книге местом издания был обозначен г. Амстердам (опис. № 547). Сочинение Шаппа д'Отроша прославилось своими резкими и пренебрежительными отзывами о России, как дикой и варварской стране. Книга эта послужила поводом для довольно продолжительной полемики, повысила интерес к Сибири, заставила высказаться о ней Вольтера, Руссо и др., а также вызвала сильное раздражение в Екатерине II, искавшей человека, который бы написал опровержение. Обращение ее к иностранцу Вильеру не увенчалось успехом; Г. Ф. Миллер и И. Н. Болтин, к которым она обратилась, тоже не выполнили ее поручения, и она сама написала ответ. На обеих книгах имеется надпись «Н. Гончеров». Повидимому, они принадлежали к числу книг, полученных Пушкиным из библиотеки Гончаровых из Яропольца в 1833 г., о которых он писал своей жене от 26 августа 1833 года: «Я нашел в доме старую библиотеку, и Нат. Ив. позволила мне выбрать нужные книги. Я отобрал их десятка три, которые к нам и прибудут с вареньем и наливками. Таким образом набег мой на Яропольц был вовсе не напрасен».[1] В книге Шаппа вложено много закладок между страницами, что свидетельствует о внимательном чтении ее Пушкиным. Действительно, в черновых бумагах его сохранился черновой набросок статьи 1836 года, предназначавшейся для журнала «Современник». Приводим здесь этот отрывок полностью:

---

[1] В своих воспоминаниях „Мое знакомство с Пушкиным (отрывки из моей памяти", Л. Обер утверждает, что он видел в ящике с книгами у Пушкина, остановившегося у него в Москве еще в 1829 году (?), „сочинение парижского академика" „Uoyages de Ghappe d'Auteroche en Russie et á la Tobolsk en Siberie pour observer le passage de Venus sous le disque du Soleil" 1765". На первом листе было написано: Au Marechal Mortier, Moscou, 1812". Л. Обер подарил Пушкину из своей библиотеки атлас к этому сочинению, принадлежавший ранее тому же маршалу Мортье, в обмен на другую книгу. („Венок на память Пушкину", СПб, 1880 г., стр. 341). Ни книги, ни атласа в библиотеке Пушкина не сохранилось.

«В числе иностранцев, посетивших Россию в прошедшем столетии Шапп д'Отрош заслуживает особенное внимание. Он был послан французскою Академиею Наук для наблюдения в Тобольске перехода Венеры по солнцу, долженствовавшего совершиться <26 мая> 1761 года.—Аббат выехал из Петербурга <10> марта и <10> апреля прибыл в Тобольск, где и остался до <июля>.

В <1768 году> аббат напечатал свое путешествие, которое смелостью и легкомыслием и сильно оскорбило Екатерину.—[Она сама решилась опровергнуть ложное] <и> неблагонамеренное и велела Миллеру и Болтину отвечать Аббату».[1]

Занимаясь «Историей Пугачева» в 1833 году, Пушкин предпринял поиски рукописей и книг как в государственных архивах и книгохранилищах, так и в частных рукописных и книжных собраниях, связанных с темой его работы. Много книг в это время он приобрел и для своей библиотеки, в частности, к ним относится 5 выпусков «Полного собрания ученых путешествий по России, издаваемого Императорскою Академиею Наук, по предложению ее Президента, с примечаниями, изъяснениями и дополнениями». Эти книги, явившиеся результатом экспедиции Академии Наук в 1768—1772 гг., главным образом, заключали в себе данные по географии, этнографии и истории Оренбургской и Уральской губерний, почему Пушкин их и купил, но в них попадается ряд известий и о Сибири. Сведения по географии края, этнографии и фольклоре сибирских народов мы имеем в т. V «Окончание Записок Путешествия Академика Лепехина», изданном в 1822 г. (опис. № 301), в четвертой части которого находится описание его «Путешествия от Тюменя до города Архангельска». О природе края, главным образом, о ботанике писал Иоганн Петер Фальк в т. VI: «Записки Путешествия Академика Фалька», изданные в 1824 г.,

---

[1] Угловыми скобками обозначен, зачеркнутый Пушкиным, текст; ломаными—редакторские вставки в недописанные Пушкиным слова, обозначенные в тексте Пушкина точками.

в первой части которого говорится о «Путешествии от С.-Петербурга до Томска» (опис. № 302).

К тому же роду ученых записок, бесстрастно и последовательно излагающих, в порядке маршрута, особенности местностей, принадлежат и три книги Петра Симона Палласа, выдающегося естествоиспытателя, одного из руководителей экспедиций Академии Наук, которые вышли в Петербурге сначала на немецком, (1771—1776 гг.), а потом на русском языках (1773—1789 гг.). У Пушкина имелось второе, русское издание его «Путешествий по разным местам Российского Государства по повелению Санктпетербургской Императорской Академии Наук», посвященного, главным образом, Оренбургской и Уральской губерниям, но во втором томе описания его путешествия 1770 года имеются сообщения о физической и экономической структурах Сибири (опис. № 276).[1]

В 1733 г., вместе с Гмелиным и Миллером в камчатскую экспедицию Академии Наук, был отправлен студент С. П. Крашенинников, который провел три года в Сибири, а в 1736 г. один поехал на Камчатку, объездил весь полуостров и написал книгу, замечательную по богатству сведений, точности и серьезности описания «Описание земли Камчатки». У Пушкина была эта книга во втором издании 1786 г., в 2-х томах (опис. № 200). В черновых набросках Пушкина сохранились заметки-конспект этой книги; записи по истории открытия Камчатки под заглавием «Камчатские дела (от 1694 до 1740 года») и, наконец, план и набросок начала статьи о Камчатке. Тексты эти датированы январем 1837 года. Повидимому, только смерть остановила намерение поэта написать статью о Камчатке. Судя по начальным строкам статьи, Пушкин намеревался в героических красках описать завоевания Россией Северных стран.

---

[1] О Лепехине Пушкин упоминает в своей статье „Российская Академия" (1836 г.); о Палласе и Фальке Пушкин, вероятно, читал в Сибирском Вестнике" за 1819 г. ч. VI и 1821 г. ч. XIV.

Был у Пушкина и второй томик книги Григория Шелехова, знаменитого путешественника, ездившего с торговыми целями в конце XVIII века к Америке, к берегам Японии, на Камчатку, открывший ряд островов в Тихом океане, положивший основание русским колониям в Америке, являвшийся основателем Российско-Американской Кампании. В длинном названии этой книги говорится и о содержании ее: «Российского купца Григория Шелехова продолжение странствования по восточному Океану и Американским берегом в 1788 году. С обстоятельным уведомлением об открытии новообретенных им островов, до коих не достигал и славный Аглинский мореходец капитан Кук, и с приобщением описания образа жизни, нравов, обрядов, жилищ и одежд обитающих там народов, также климат, годовые перемены, звери, домашние животные, рыбы, птицы, земные произрастания и многие другие любопытные предметы, там находящиеся, что верно и точно описано им самим», изд. 1792 года (опис. № 425).

Из собрания сочинений А. Радищева 1807—1811 гг. М., в 6-ти книгах (опис. № 309) Пушкин узнал о Сибири конца XVIII века, а именно, в его статьях «Сокращенное повествование о приобретении Сибири (отрывок)», «Письмо о Китайском торге» (1792 года); об Ермаке он упоминает также во вступлении к поэме «Бова».[1]

В своей большой статье «Радищев», написанной для третьего тома «Современника» 1836 г., цензурой не допущенной к печати до 1857 года, Пушкин писал и о сибирском периоде жизни Радищева: «В Илимске Радищев предался мирным литературным занятиям. Здесь написал он большую часть своих сочинений; многие из них относятся к статистике Сибири, к Китайской торговле и пр. Сохранилась его переписка с одним из тогдашних вельмож (гр. Во-

---

[1] Старший сын Радищева, в описании жизни отца своего в Сибири, пишет: „Там же написал он письмо о китайском торге" и историческую повесть „Ермак", но ни того, ни другого сочинения не кончил, а из последнего оставил только небольшие отрывки". („Русс-Стар." 1872 г. № 11. стр. 580).

ронцовым), который может быть, не вовсе был чужд изданию Путешествия». Тут же он цитировал вступление к «Бове».[1]

На книжной полке Пушкина стояла и книга авантюриста графа Мориса Августа Беньовского «Путешествие и мемуары..., содержащая в себе рассказ о военных действиях в Польше, о ссылке его на Камчатку, об его освобожденин» и т. д., изданная в двух томах в Париже в 1791 г., вызвавшая большой интерес в европейском обществе и породившая много романов, повестей и драм на различных языках (опис. № 596).

За свою драму «Граф Беньовский или заговор на Камчатке» 1795 года, признанною «вредною в отношении политическом», Август-Фердинанд Коцебу был сослан в Тобольск, а оттуда—в Курган. Описание своей жизни там он напечатал в книге «Достопамятный год жизни Августа Коцебу, или заточение его в Сибирь и возвращение оттуда, описанно им самим». У Пушкина эта книга была в двух экземплярах: парижском издании 1802 года (опис. № 1050) и русском—1816 года, переведенном с берлинского издания 1801 года (опис. № 195). Личность реакционера Коцебу, равно как его романы и драмы, внушала антипатию Пушкину и писателям его круга. Об убийстве Коцебу Пушкин писал в своем стих. «Кинжал»; его произведения в письмах он называл «коцебятиной», а в статье «О Байроне» 1827 года прозу Коцебу он считал «уродивой и надутой».

Пушкин знал и книгу капитана Кочрена (Кохрена) «Рассказ о пешеходном путешествии сквозь Россию и Сибирскую Татарию от границ Китая к Ледовитому Океану и Камчатке», в лондонском издании 1824 года, в двух томах (опис. № 756). Об этом путешествии Пушкин читал еще ранее в различных журналах: статью В. Берха «Английский

---

[1] Еще ранее, в письме к А. А. Бестужеву от 13 июня 1823 г. из Кишенева он писал о Радищеве: „Покамест жалуюсь тебе об одном: как можно в статье о Русской словесности забыть Радищева? кого же мы будем помнить? Это умолчание не простительно ни тебе, ни Гречу,—а от тебя его не ожидал".

капитан Кохрен, путешествующий через Сибирь в Америку» в «Сыне Отечества» за 1820 г. I XIII № 73; письмо о нем из Бухаринской крепости А. Михайлова—там же, I XV; статью «Путешествие английского флота капитана Кохрэна пешком из Санктпетербурга в Камчатку» в «Московском телеграфе» 1825 г., ч. I, № 1.

Один из лицейских товарищей и друзей Пушкина—Ф. Ф. Матюшкин служил во флоте и в 1820—24 гг. принимал участие в работах по описанию берегов Ледовитого океана и Восточной Сибири, под начальством барона Ф. Врангеля. В альманахе «Мнемозина» за 1824 г. были напечатаны его письма к директору лицея Е. А. Энгельгардту с описанием этого путешествия, которые Пушкин читал (см. опис. № 448) и в своем стих. «19 сентября 1825 г.» он посвятил Матюшкину следующие строки:

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полунощных морей?"[1]

В книге «Очерк Всемирной Географии» Мальт-Брюна, изданной в 4-х томах в Брюсселе в 1829 г. (опис. № 1126) Пушкиным были разрезаны страницы, посвященные Сибири.

В библиотеке Пушкина была и «сибирская» литература—произведения писателей-сибиряков, большею частью, повидимому, подаренные ему самими авторами.

Трудно сказать, как попали в библиотеку Пушкина «Стихотворения Панкратия Сумарокова» СПб, 1832 (опис. № 378)—поэта XVIII века, сосланного в Сибирь, одного из главных деятелей тобольского литературного кружка, основателя журналов «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» и «Библиотека ученая»... (1793—95 гг.). В библиотеке Пушкина была и книга его сына: «Повести и рассказы Петра Су-

[1] Кстати, в „Атенее" за 1828 г. ч. V, он мог читать статью „Об организации народов, обитающих близ Северного полюса". (Из Гердера. И. Данилевского).

марокова» М., 1833 г., (опис. № 379). Вероятно, книги эти были высланы Пушкину сибиряками, потому что, по свидетельству Н. Загоскина,[1] в 30-ые годы имя Пушкина в Сибири было хорошо известно.

Из тобольцев Пушкину хорошо был знаком П. П. Ершов и его книга «Конек-Горбунок. Русская сказка», в 3-х частях, СПб., 1834 г. (опис. Л. Модз.), была, конечно, подарена поэту самим автором. На фоне некоторых резких и уничтожающих отзывов об этой сказке при появлении ее впервые в «Библиотеке для чтения» 1835 г., для Ершова особенно радостной была восторженная встреча ее Пушкиным, который даже помог молодому поэту выправить ее текст. Пушкин, в то время сам работавший над сказками, по свидетельству самого Ершова, сказал ему: «Теперь этот род сочинения можно мне и оставить». Он собирался помочь Ершову в осуществлении многотиражного массового иллюстрированного издания этой сказки, которое не было выполнено из-за недостаточности средств автора и по случаю смерти Пушкина.[2]

В библиотеке Пушкина сохранилось лишь одно издание произведений П. А. Словцова, знаменитого историографа Сибири, исколесившего ее вдоль и поперек, а именно, «Похвальное слово царю Иоанну Васильевичу IV» СПб., 1807 г. (опис. № 357), написанное им еще до ссылки в Сибирь. Но Пушкину, конечно, были хорошо известны его статьи, разбросанные по различным газетам и журналам: «Письма из Сибири», печатавшиеся в «Московском Телеграфе» в продолжение 1826—29 г.; там же в 1831 г. ч. 40, № 13, 14—«Тобольск в разных отношениях» (отд. изд. в 1834 г.); «Вопросы Иркутска» в «Вестнике Европы» 1822 г. ч. 126 № 17—18 и там же «Тень Чингисхана»; ряд статей в

---

[1] Н. Загоскин. „Когда в Иркутске познакомились с Пушкиным. (Из юношеских воспоминаний)"—„Восточное Обозрение" 1899 г. № 110.

[2] См. А. К. Ярославцев, П. П. Ершов, автор сказки „Конек-Горбунок" СПб., 1872, стр. 2,3 и др., а также М. Азадовский пушкинские строки в „Коньке-Горбунке"—„Пушкин. Временник пушкинской комиссии" Ак. Наук, 1936 г. № 2.

«Сибирском Вестнике» и «Казанских Известиях», которые были у Пушкина (опис. № 476) и мн. др. Кстати, в «Письмах из Сибири», описывающих его путешествие от Иркутска до Якутска, от Тобольска до Березова, есть критический разбор Строгановской Сибирской летописи, изданной Г. И. Спасским в 1821 г., о которой шла речь выше. О личности П. А. Словцова Пушкин слышал также из письма своего приятеля В. Д. Соломирского от 17 июля 1835 года, познакомившегося с историком в Тобольске, когда тот уже жил там на пенсии.

Письмо это является очень любопытным во многих отношениях: оно говорит о степени популярности имени Пушкина в Сибири 30-х годов, интересно как мнение известного сибиряка о великом поэте и свидетельствует о фактах популяризации имени Пушкина его друзьями в различных уголках России. Поэтому приводим его почти полностью: «На-днях у меня обедало человек пять моих приятелей. В числе гостей был Петр Андреевич Словцов, старец знаменитый, сын Сибири; он соученик и бывший друг Сперанского, богатый умом, познаниями, правдолюбием и несчастиями, Словцов должен жить в памяти русских, или, лучше человечества, даже жизнь одного мудреца несравненно поучительнее жизни сотни воинов. Другой гость, (ибо должно тебя с ним познакомить) человек, достигший богатства и чинов собственным умом и дельностью, образованный старинной школой и твердый в своих правилах. Меня же ты знаешь. Говоря о словесности, заговорили о тебе, и мой богатый гость старинной школы восстал на тебя со всею силою классицизма и педантизма. Я, вопреки моим мнениям, взял твою сторону, и дело пошло на голоса. Словцов сказал: «Сочинения Пушкина должны читать для роскоши ума; везде, где я встречаю произведения его пера, я их пробегаю с жадностью». Полагая, что такой отзыв человека, подобного Словцову, для тебя приятнее и занимательнее мнения наших полусловесников, я поставил себе приятною обязанностью сообщить тебе оное. Прение продолжалось. Словцов согласился, что род твоих сочинений мог бы быть возвышеннее, но—говорил он—гении свое-

вольны. Наконец, так как общее мнение было на твоей стороне, я, чтоб совершенно победить сопротивника, предложил тост за твое здоровье, с тем, чтоб всякий сказал какое-нибудь желание. Очередь пала на младшего: это был учитель русского языка, он пожелал тебе привыкнуть пить воду, с тем однакоже условием, чтобы доказал que l'esprit qui régne dans tes vers n'est pas l'esprit du vin. Словцов пожелал богачу-антагонисту, чтобы его дети с тобою сравнялись; один из гостей—чтоб ты вечно писал; другой—долгой жизни. Словцов заметил, что долгая жизнь великим умам несвойственна,—им надо желать благодарного потомства. Наконец, классик пожелал, чтоб все тебя уважали, но по справедливости ценили твои сочинения. Итак мы все пили за здоровье гения-писателя, даже я, пьющий одну воду.

Это письмо—как доказательство не токмо того, что и в глубине России, на границах Европы с Азией, есть просвещение, но и того, что степень сего просвещения довольно значительна, чтобы люди могли и умели ценить таланты,—должно быть для тебя и для всякого русского занимательно».[1]

Много сведений о Сибири Пушкин получил из романов И. Т. Калашникова, богатых этнографическими и диалектологическими материалами этой страны; сам автор недаром называл их «первым сибирским романом» и ставил целью «знакомить своих читателей с Сибирью». Все три своих произведения, а именно: «Дочь купца Жолобова, роман извлеченный из Иркутских преданий». СПб., 2-ое изд., 1833 г. (опис. Л. Модз.); «Камчадалка» СПб., 1833 г. (опис. № 172) и «Изгнанники. Повесть», СПб. 1834 (опис. Л. Модз.), автор сам подарил Пушкину. Первые две повести Калашников послал Пушкину со следующим сопроводительным письмом от 28 марта 1833 г.:

«Милостивый государь Александр Сергеевич! За все те приятные минуты в жизни, какими я наслаждался, читая

---

[1] Сочин. Пушкина. Изд. имп. Акад. Наук. Переписка. Под ред. и с примеч. В. И. Сантова—т. III. (1833—1837) СПб, 1911. стр. 212—213.

Ваши превосходные творения, делающие честь делу и нашей литературе, не имея возможности заплатить тем же, я решаюсь поднести слабые труды мои, и покорнейше просить Вас, принять их, по крайней мере, за знак глубокого моего уважения к Вам, которое навсегда сохранится в моей душе».[1]

Ответное письмо Пушкина было затеряно родственниками Калашникова и до нас дошел лишь полустершийся черновик его, сохранившийся в бумагах поэта. Пушкин благодарит Калашникова за письмо и за книги. Он присоединяется к «беспристрастному» мнению критики, восхваливающей эти романы и находит в них «много таланта». О романе «Дочь купца Жолобова» он пишет: «Ни одного из русских романов не прочитывал я с большим удовольствием.—Камчадалка не ниже вашего первого произведения». Говоря о том, что часть читателей «полюбила вас и с... (слово стерлось) и радушием приняла обе Ваши пиесы», Пушкин старается успокоить Калашникова относительно резкой оценки «Камчадалки», данной Н. А. Полевым (в «Московском Телеграфе» 1833 г. ч. 50, № 6). Он пишет, что Полевой, как писатель, не талантлив; как историк не имеет «никакой учености»; как критик—впадает в ошибки и противоречия. «Романа его («Клятва при гробе господнем») я не читал, но судя по его Истории, знаю, как он должен быть ниже Камчадалки и Дочери Жолобова». По-видимому, Пушкин оценил в Калашникове верность и правдивость изображения им Сибири, основанные на хорошем изучении этого края. Судя по письму Пушкина, он знал и ряд отзывов об этих романах в различных периодических изданиях.[2] С отрывками из этих романов Пушкин был зна-

---

[1] См. Пушкин. Изд. „Литературное наследство" № 16—18 1934 г., стр. 599.

[2] О „Дочери купца Жолобова": „Моск. Телеграф" 1832, ч. 43; „Телескоп" 1832, ч. VIVI № 3; „Сев. Пчела" 1832 г. № 4, 141, 233; „Лит. Прибавл. к Русск Инвалиду" 1832 г. № 32.

О „Камчадалке": „Отеч. Записки" 1833 г. т. XXVI; „Молва" 1833 г. № 49; „Моск. Телеграф" 1833 г., ч. 50 № 6; Русск. Инвалид" 1833 г. № 72 и 125; „Сын отечества" 1833 г., т. 160; „Сев. Пчела" 1833 г., № 60. „Лит. Газета" 1833 г. № 47.

ком, конечно, и ранее, также из газет и журналов, где они печатались.[1]

О словах в письме Пушкина по поводу его романов, Калашников вновь вспоминает в предисловии к своему новому роману «Изгнанники» 1834 г., возражая на критику Н. А. Полевого.

О повести Калашникова «Изгнанник» Пушкин, вероятно, читал рецензии в «Молве» 1834 г. № 2; «Сев. Пчеле» 1834 г. № 70; «Библ. для Чтения» 1834 г. т. 3 № 3.

Возможно, Пушкин читал и «первую сибирскую повесть», которая была «знаменем литературного восстания сибиряков»[2]—коренного сибиряка Н. А. Полевого «Сохатый», основанную на сибирских преданиях о разбойнике Сохатом и напечатанную в альманахе «Денница на 1830 год» (опис. Л. Модз.), но отзыва о ней в письмах и статьях Пушкина нет, да и вряд ли этот отзыв мог быть положительным, принимая во внимание острую враждебность их позиций.

В библиотеке Пушкина были и книги «Поездка в Якутск» СПб., 1833 г. и «Посельщик. Сибирская повесть» СПб., 1834 г., Н. С. Щукина—краеведа, главным образом, этнографа и экономиста, а, вместе с тем, члена иркутского литературного кружка, подражателя, в своем художественном творчестве, Н. А. Полевому и И. Т. Калашникову. Пушкину должны были быть известны и его статьи о Сибири в «Московском Телеграфе», «Северной Пчеле» и др. журналах, большею частью, подписанные инициалами «Н. Щ.». Неизвестно, была ли у Пушкина третья книга Щукина «Ангарские пороги. Сибирская быль» СПб., 1835 г., но, вероятно, он читал рецензии о ней в «Библиотеке для Чтения» 1835 г., т. 9, № 9; в «Моск. Наблюдателе» 1835 г., ч. I; в «Молве» 1835 г. т. 9 № 13 (Белинского); в «Сев. Пчеле» 1835 г. № 32. В своем «Письме из Иркутска», напечатанном в «Северной Пчеле» за 1828 г. № 3, рассказывая о культурности местного купе-

[1] Отрывки из романа „Дочь купца Жолобова": „Моск. Телеграф" 1831 г. ч. 42, № 23; „Сев. Пчела" 1831 г. №№ 204, 205, 206, 273, 274, 275.

[2] Отрывки из „Камчадалки": „Сев. Пчела" 1832 г. №№ 202, 203, 204 и, 1833 г. №№ 37, 38, 39.

чества, Щукин писал.[1] «В этой дикой и хладной стране удивляются стихам Пушкина и читают Гомера».

Ссылка любимых друзей, оказавшихся в числе декабристов, на каторгу в Сибирь, заставила Пушкина обратить внимание на этот край, а письма некоторых декабристов доставляли ему известия об этой далекой и неведомой стране. Так, до нас дошли письма В. К. Кюхельбекера, в одном из которых, из Баргузина от 12 февраля 1836 г., он довольно подробно описал свои впечатления «о Забайкальском крае или Даурской Украине», ее жителях и языке их; в своем стихотворении к лицейской годовщине «19 Октября», приложенного к письму Пушкину от 18 октября 1836 г. из Баргузина, Кюхельбекер также говорит о Сибири. Пушкин знал также полуэтнографические, полубеллетристические очерки «Сибирские нравы. Исых», А. А. Бестужева-Марлинского, стих. его «Саатырь Якутская баллада» и, в особенности, «Письмо к доктору Эрману», напечатанное в «Московском Телеграфе» 1831 г. № 17, заключающее в себе верное и живописное описание пути от Иркутска до Якутска. Вероятно, он читал также и балладу на якутскую тему «Нуча», напечатанную тоже в «Московском Телеграфе»и вызвавшую целое цензурное дело.

Много статей о Сибири мог Пушкин прочесть в журналах второй половины 20-х и, особенно, 30-х годов («Московский Телеграф», «Отеч. Записки» и мн. др.). Некоторые из них мы отметили попутно рядом с именами их авторов, указания других можно найти в любых библиографических справочниках о Сибири, тем более, что книги в описях журналов библиотеки Пушкина ни в какой мере не могут считаться равными составу их в библиотеке Пушкина при его жизни.

Попытки наметить круг чтения Пушкина о Сибири на основании описей сохранившихся книг в библиотеке Пушкина нельзя признать исчерпывающими—более пристальное изучение его библиотеки и более точное установление

---

[1] См. предисловие к книге Н. Щукин „Ангарские пороги“ СПб. 1835 г.

книг, бывших в его библиотеке, могли бы дать более точные указания на интерес Пушкина к Сибири.

Однако, наличие на его книжной полке достаточного количества специальных книг о Сибири, желание его написать историческую поэму об Ермаке, статью о книге Шапа д'Отроша, работу об открытии Камчатки, свидетельствуют о том, что у Пушкина был интерес не только к народам юга, но и к народам севера.

А. В. Зигур

ПУШКИН И КАЛАШНИКОВ

Именем Ивана Тимофеевича Калашникова открываются первые страницы художественной прозы на сибирском материале. Это прекрасно сознавал и сам Калашников. В полемике с своими литературными критиками он подчеркивал свое первенство. «Я первый написал сибирский роман. Кому я мог подражать кроме формы?»

Иван Тимофеевич был старше своего величайшего литературного современника А. С. Пушкина лишь на два года. Он родился в 1797 г., в семье иркутского уголовных дел стряпчего, Тимофея Петровича Калашникова. Двадцати пяти лет уехал из Иркутска, получив назначение советником тобольского губернского правления. Через год перевелся в Петербург, навсегда расставшись с любимой им Сибирью. В столице, поднимаясь по иерархической лестнице, дослужился он в 1859 г. до чина тайного советника и вышел в отставку.

Калашников полюбил литературу в стенах Иркутской гимназии. На родине же он начал заниматься и литературным трудом. Позже в Петербурге молодой автор совмещал должность чиновника с должностью учителя русской словесности в кадетском корпусе. Но, очевидно, жизнь петербургской николаевской столицы сильно тяготила его. Не имея возможности покинуть город и очутиться опять в Сибири, он давал полную волю своим мечтам, брался за перо

и писал о дорогом сердцу сибирском прошлом. В своем стихотворении «Когда усталый день последний луч погасит» Иван Тимофеевич выразил те чувства, которые вызывал в нем большой город и, идеализируемая им, родная Сибирь.

Когда усталый день последний луч погасит.
Заблещут звезды в вышине,
И грустные мечты столпятся надо мною
Тогда, беседуя с печальною луною
О благах прежних дней,
Смотрю я на сии гранитные громады,
Дворцы, чертоги, вертограды...
Но нет! Не говорят они с душой моей,
Не льют на сердце мне отрады,
И чужды для меня; я чужд для них!..
Душа моя летит в пределы мест родных,
Где всё—и ветров завыванье,
И шум лесов, и горлицы взыванье,
И цвет знакомый облаков,
И темно средь пустынь катящиеся воды,
И горы дремлющих под тяжестью веков,
Все возвращает ей давно минувши годы,
Все дышет жизнью, везде язык без слов
Везде минувшего я слышу призыванья!..

«Сибирь—моя родина, где я провел лучшие, или, по крайней мере, первые годы моей жизни; туда любит отлетать моя мечта в часы раздумья,—писал И. Т. Калашников в 1834 г. в предисловии к своей повести «Изгнанники»—ибо там живет воспоминание о времени, которое—каково-бы оно ни было, в сущности,—всегда драгоценно человеку, по природе своей любящему жить в минувшем, удаляться в беспечные годы молодости от забот и опыта лет возмужалых. Блуждая по родным, оставленным местам, задумчивая фантазия невольно воскрешает в них минувшие события и будит людей, давно сошедших со сцены сей жизни»...

«...Таким образом,—пишет Калашников в том же предисловии,—носясь мечтою в пределах Сибири, я должен был, по необходимости, писать ландшафты тамошней природы

и изображать тамошние нравы и обычаи: отсюда и родилось мое намерение: романы мои предать печати, дабы познакомить с Сибирью моих соотечественников или, по крайней мере, тех из них, которые не имеют ни охоты, ни времени заниматься сочинениями другого рода».

Эти первые литературные опыты получили высокую оценку со стороны Александра Сергеевича Пушкина.

«Ни одного из русских романов не прочитывал я с большим удовольствием. Камчадалка не ниже Вашего первого произведения». Так писал гениальный русский поэт и прозаик начинающему писателю, сибиряку Ивану Тимофеевичу Калашникову о его первых прозаических произведениях: «Дочь купца Жолобова. Роман, извлеченный из иркутских преданий 1831 г.» и «Камчадалка», 1833 г.

Исторические романы И. Т. Калашникова давали Пушкину новый богатейший географический, этнографический, бытовой и исторический материал, значительно расширяли представления Пушкина о Сибири, знакомили с краем, в который не раз уносилась мечта великого поэта, особенно с тех пор, как туда увели на каторгу, по воле царя-жандарма Николая Палкина, десятки его друзей, товарищей—участников восстания 14 декабря 1825 г.

Обилие интересных фактов о Сибири, сообщавшихся Калашниковым, признавали все рецензенты первого романа из сибирской жизни. На это указывал и неистовый Виссарион Белинский в своей рецензии на третье издание «Дочери купца Жолобова», отрицая художественное достоинство романа, но сохраняя за ним большое познавательное значение.

...«Гораздо лучше бы поступил г. Калашников, если бы, вместо плохого романа, составил что-нибудь вроде записок о Сибири... Смеем уверить г. Калашникова, что его книга имела-бы больший успех... Г. Калашников, как видно из его романа, хорошо знает Сибирь и любит ее. Описания его часто бывают увлекательны и живы: знак, что он мог бы написать хорошую книгу в том роде, о котором мы говорим».

Интересно отметить, что восприятие Пушкина романов Калашникова во многом перекликается с оценкой его друга В. К. Кюхельбекера. Последний в «Дневнике поселенца» оставил нам следующие замечания о «Дочери купца Жолобова» и «Камчадалке»:

«Акша. 1841. 3 мая.

Прожил я 8 дней в Варашанте, пользовался водами и сеял хлеб; кроме того, прочел я там романы: де Санглена «Клятва на гробе», Зубкова «Астролог Карабахский», чей-то «Ужасный брак», да перечел «Дочь купца Жолобова». Лучший из всех последний; прочие—более или менее вздор.

7 мая.

В «Камчадалке» слишком пересолено: ужасам конца нет. Но все же этот роман не без достоинств. Мы, изгнанники, вдобавок, должны благодарить Калашникова, что он добром помянул наших несчастных предшественников Зуду и Ивашкина. При чтении этого романа несколько раз мелькала в уме моем мысль, что, быть может, через 50, через 100 лет, точно так помянет какой-нибудь даровитый романист о Кюхельбекерах, особенно о Михаиле.

Зуда и Ивашкин—лица, выведенные в повести «Камчадалка», русские среди камчадалов.

«Дневник В. К. Кюхельбекера». Предисловие Ю. И. Тынянова. Редакция, введение и примечание В. М. Орлова и С. И. Хмельницкого. Изд. «Прибой» 1929 г.

В своем романе «Дочь купца Жолобова» Калашников познакомил своего вдумчивого читателя А. С. Пушкина с Иркутском и Иркутской губернией XVIII ст.; с торговцами и предпринимателями, с беглыми каторжниками, с пиратством на Байкале, с особенностями самого Байкала, легендами «Священного моря», с байкальской природой; с бурятским народом и его обычаями, с шаманами и шаманскими заклинаниями; с судопроизводством в Сибири до Сперанского, с бытом и культурой различных классов старой Сибири, с историей завоевания края и мн. др.

Второй роман Калашникова «Камчадалка» по мысли его автора тесно примыкает к первому роману.

Роман «Камчадалка», если «не по происшествию», то «по местности своей, есть некоторым образом продолжение первого (романа): здесь и там,—указывал в главе «от сочинителя» Калашников,—действие происходит в Сибири, и таким образом, оба сии романа знакомят читателя с сибирскою природою и туземными обитателями».

В библиотеке Александра Сергеевича Пушкина, кроме двух указанных выше романов Калашникова, была и повесть его «Изгнанники» о купце Шалаурове, который «в 1762 году отправился из устья р. Колымы для отыскания пути в Восточный Океан». Автор повести снова давал читателю познавательный материал о новых местах Сибири. Книга открывалась словами: «И сию повесть мою, как и два прежние мои романа, издаю я с целию: знакомить моих читателей с Сибирью».

И. Т. Калашников пришел в литературу тогда, когда великий поэт Пушкин совершал свой медленный переход от стиха к прозе, когда постепенно наступала, предсказываемая поэтом, пора в его литературной деятельности:

... „Быть может, волею небес
Я перестану быть поэтом,
В меня вселится новый бес,
И, фебовы презрев угрозы,
Унижусь до смиренной прозы:
Тогда роман на старый лад
Займет веселый мой закат.
Не муки тайные злодейства
Я грозно в нем изображу,
Но просто Вам перескажу
Преданья русского семейства,
Любви пленительные сны
Да нравы нашей старины".
... „Лета к суровой прозе клонят,
Лета шальную рифму гонят"...

И в эти годы особенно было дорого Пушкину каждое новое прозаическое сочинение, ему пристально следившему за путями развития русской прозы.

Пушкин наблюдал за творческим ростом Калашникова,

интересовался, как воспринимает произведения сибиряка столичный читатель.

Это чуткое отношение прославленного гениального поэта к Калашникову, ободряло Ивана Тимофеевича, укрепляло сознание в правильности выбора своего литературного пути, в подходе к разрабатываемой теме, возбуждало желание к новой творческой работе. В ответ на нападки критиков, рецензентов о бессилии его художественного дарования, об отсутствии поэзии в его романах, Иван Тимофеевич Калашников взволнованно противопоставлял им высокую оценку своих произведений Пушкиным.

«Самым сильным опровержением означенных замечаний служат похвалы и одобрения от людей, которые не имели ни малейшей причины мне льстить, и которых доброе слово не может быть ни для кого не важно. Например: всякий раз я почти с благоговением внимаю, когда патриарх нашей словесности, муж и по уму, и по характеру, и по самой наружности, подобный мудрецам древности (я не смею именовать его) с величайшею добротою и мудростью, или старается одобрительною хвалою поощрить к новому труду, или умными наставлениями желает направить перо мое к благой цели. Краткие минуты, проведенные с ним, будут всегда для меня драгоценны. Мне сообщен одним из первых наших литераторов отзыв, сделанный сим почтенным мужем о первом моем романе: «Дочь купца Жолобова», о котором он сказал, что ни одного русского романа не читал он с большим удовольствием».[1] Годом раньше, когда было высказано И. Т. в печати его благоговейное отношение к Пушкину—«к патриарху нашей словесности», без указания фамилии поднадзорного поэта, Калашников с глубокой признательностью писал в письме от 28 марта 1833 г. к Пушкину:

«Милостивый государь Александр Сергеевич!

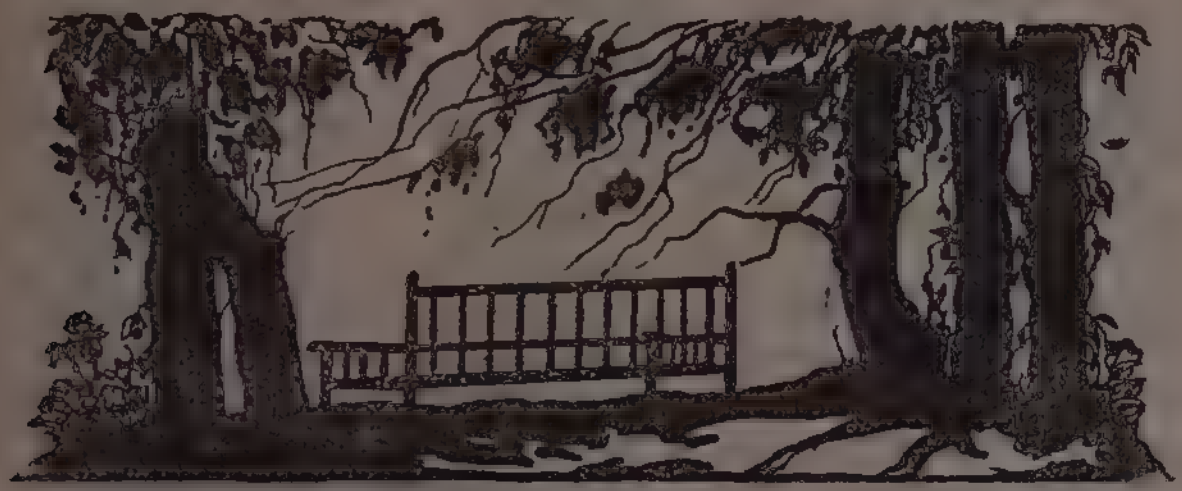
За все те приятные минуты в жизни, какими я наслаждался, читая Ваши превосходные творения, делающие честь

---

[1] Разрядка Калашникова.

делу и нашей литературе, не имея возможности заплатить тем же, я решаюсь поднести слабые труды мои, и покорнейше просить Вас, принять их, по крайней мере, за знак глубокого моего уважения к Вам, которое навсегда сохранится в моей душе».

И в дни юбилейной даты роковой гибели Пушкина, изучая гигантское литературное наследие поэта, для нас важно подчеркнуть, что при изучении литературной традиции старой Сибири, мы никогда не сможем пройти мимо того знаменательного факта, что пушкинский гений первый высоко оценил всю важность создания художественной прозы на сибирском краеведном материале.



М. П. Алексеев

ПУШКИН И КИТАЙ

I.

История европейской культуры знает пору острого и напряженного увлечения Китаем: это—XVII и особенно XVIII века. В эту эпоху впервые пересеклись столь далекие друг от друга—и прежде и позднее—пути развития двух цивилизаций—Запада и Дальнего Востока. Но как различен был для них результат этой первой встречи в области мысли и искусства, к которой западный мир и Китай долгие века шли совершенно обособленно и независимо друг от друга! Допустив к себе католических миссионеров,—этот авангард европейского империализма—и оставшись равнодушным к их вероисповеданию, Китай не надолго заинтересовался было занесенной ими европейской наукой, не без любопытства поучаясь у иезуитов,—этих «варваров Запада», как надменно называли в Китае всех пришельцев из западных стран, астрономии, математике, географии и медицине,[1] но вскоре ограничил сферу и их деятельности. Первая мирная попытка подчинить Китай европейскому культурному влиянию не удалась: из европейской премудрости Китай не усвоил почти ничего. Да и могли ли быть, в сущности, посредни-

[1] S. Gotô, Les premiers èchanges de civilisation ehtre Ektrême Orient et l'Occident. „Revue de Littèrature Comparèe" 1928 № 3, p. 401—411.

ками в этом деле католические монахи, явившиеся в Китай не для того, чтобы проповедывать преимущества западной цивилизации XVII века, но суровую христианскую мораль Европы варварских времен? И, вместо ожидаемого сближения, сгущалась атмосфера недоверия и непонимания; дальнейшее отчуждение Китая от западного мира было неизбежно: ему сопутствовали надоедливые торговые домогательства европейских купцов и тревожившее китайских правителей быстрое расширение сибирских границ; его довершали завоевательные планы манчжурской династии Небесной империи, представители которой ради забавы могли брать у иезуитов уроки европейской философии, но в то же время простирали руку и на Тибет и на восточный Туркестан, словно для того, чтобы отгородиться от всего остального мира еще сильнее, чем Великою Каменной Стеною—непроходимыми пустынями и ордами кочевников...

Совсем иначе отнеслась Европа к открытой миссионерами китайской культуре. Уезжая в Китай, иезуиты предполагали, что они попадут в страну варваров язычников и сумеют доказать им свое европейское превосходство, но этого не случилось; по приезде туда они вскоре должны были признать силу ее древней цивилизации, изящество и совершенство ее искусства, тонкость и глубину ее философской мысли. Сделанные ими в различных разрезах сопоставления Китая с западным миром оказались во многом невыгодными для последнего. Их просветительная миссия поневоле поэтому пошла по обратному пути. Долгие годы их проповеди и культурной деятельности в Китае были бесплодны, но у себя на родине, своими писаниями они сильно способствовали пробуждению увлечения китайским искусством и философией; их объемистые «ettres edifiantes»[1] сделались одним из источников моды на все китайское, которое, больше чем на столетие, глубоко захватило в Европе все течения умственной жизни.

---

[1] Часть этого многотомного труда была переведена и на русский язык: „Записки, надлежащие до истории наук, художеств, нравов, обычаев и проч. китайцев. Сочинено проповедниками веры христианской в Пекине" М. 1786.

Разнообразные причины вызвали столь противоположные результаты этого «первого обмена» достижениями двух далеких друг от друга цивилизаций. Для европейского запада XVIII век был веком цветения торговой и промышленной деятельности. Старая Европа становилась слишком тесным рынком; на очереди стояло разрешение колониальной проблемы. В далекие страны востока—Индию и Китай уже издавна влеклись торговые надежды; так и теперь, ради китайских товаров и завоевания нового рынка сбыта в течение двух столетий не прекращались поиски кратчайших путей в Китай из Европы. В Европе были уверены, что Китай станет охотно сбывать свои богатства и драгоценности на продукты европейского производства. Между тем, Китай равнодушно отказывал в своем покровительстве купцам всех наций, европейцы истощали все средства для того, чтобы утвердить свои фактории на китайской земле и наперебой оспаривали друг у друга те незначительные преимущества, какие были им дарованы в результате хлопот, унижений и просьб. XVIII век в истории сношений Китая с Европой,—это история непрерывных поражений европейской дипломатии и торговых притязаний европейских капиталистов. Ворота Небесной империи оставались наглухо запертыми для европейцев до 1840 г., когда они открыли их, наконец, вооруженной силой. Таков фон, на котором, благодаря исследованиям последних лет, все ярче вырисовывается своеобразнейшая страница европейской культурной истории: картина эстетического увлечения Китаем в Европе в XVIII веке.

II

Книги Кордье, Белевич-Станкевич, Рейхвейна и др.[1] достаточно полно раскрывают нам эту картину во всем ее

---

[1] H. Cordier, La Chine en France au XVIII s. Paris, 1910. Bélèvitch—Stankevitch, le gout chinois en France au temps de Louis XIV, Paris, 1910; Adolf Reichwein, China und Europa. Geistige und Künstlerische Biziehungen im 18 Jahrhunderv, Berlin, 1923.

многообразии и увлекательной сложности. Мы узнаем из них о распространении «китайского вкуса» в XVIII веке во Франции, Англии, Голландии и Германии и о тех заметных следах, какие оставил он почти во всех течениях европейской мысли и искусства. Для нашей цели нам необходимо остановиться только на некоторых, важнейших итогах этих исследований.

Предметы китайского искусства, завезенные в Европу на португальских и голландских кораблях, вызвали настоящий культ во Франции уже в XVII веке. С этих пор преимущественно приморские европейские страны стали наводнять фарфор—(производство которого в Китае как раз достигло своего расцвета)—лаковые работы, безделушки, шелковая и лаковая мебель. Увлечение «китайщиной»—проявило себя особенно ярко во Франции в эпоху господства стиля рококо, и родство этого стиля с искусством восточной Азии не подлежит никакому сомнению.

Наряду со страстью к собиранию отдельных китайских вещей возникает мода на целые «китайские комнаты», для которых Ватто и Буше пишут свои условно-китайские декоративные панно, с театрализованными ландшафтами и блеклыми красками; новая мода сказывается и в архитектуре; в парках и местах увеселений все чаще возводятся теперь китайские башенки, храмы и домики; им подражает и дворцовая архитектура, где изысканная линия тонет в обильной орнаментике и ассиметрия становится законом. Одновременно и китайский сад становится предметом восторга и подражания. Классической геометричности французского парка противопоставляют теперь «подражание природе во всех ее затейливых причудах»; своеобразное садовое искусство китайцев видят в их умении замыкать на небольшом пространстве бесчисленное разнообразие сельских видов: мы видим здесь долины ущелья, водоемы и озера, то встречают нас поля, огороды и лужайки; маленькие беседки у прудов, где плавают лебеди, а в перспективе на фоне огородов, окруженных плетнями и зеленых лугов дома небольшой деревеньки, отделанные чисто и просто, соломою, тростником и бамбуковыми листьями. В настоящей сфере

рококо,—великосветском салоне, переполненном китайскими шелками и безделушками, все чаще пытаются воссоздавать Китай в пестроте маскарадных празднеств или на подмостках домашнего театра: обилие оперетт из китайской жизни, появившихся в ту эпоху,—далеко не случайно.

Одновременно и в литературе и в философии мысли проявляется то же увлечение. Китай «в представлении европейцев, становится в эту эпоху страной мечтаний и пленительной сказки, куда несутся помыслы и поэтические восторги; литература Европы полна картин «воображаемого Китая», страны идеально-декоративной жизни; его все чаще привлекают в качестве контраста к изображению современной действительности. «Китайские письма» маркиза д'Аржен (1741) и его английская аналогия «Гражданин мира» Гольдсмита (1762) по форме своей напоминают «Персидские письма» Монтескье; это сатирические картинки европейской жизни с точки зрения идеального китайского наблюдателя: это тоже своеобразное проявление духа рококо, его стремления к капризной игре сатирического ума, к форме скептического «эссе», которое ввел в моду Пьер Бойль—родоначальник стиля «рококо» в сфере философской мысли. Характерно, что в эту же эпоху Европа знакомится с философией старого мыслителя Лао-тцзы, мистическая философия которого говорит так много в атмосфере цветных шелков южного Китая, нежной игры фарфора, лаковых кабинетов и безделушек.[1] Китай не перестал привлекать к себе сильное внимание французского общества, когда на смену капризной причуде мысли пришла эпоха конструктивного мышления растущей буржуазии. Скептицизм сменялся материализмом; начиналась эпоха просвещения. Но Китай не потерял своего интереса ни для философов, ни для художников новой эпохи. Вместо Лао-тцзы Конфуций сделался героем; его призвала в советники материалистическая философия и искала в нем точки опоры. Вольтер в ряде своих сочинений восторгается

---

[1] Adolf Reichwein, China und Europa, S. 85 и сл.

красотами китайской морали и прославляет китайский институт мандарината, столь подходивший к его теориям просвещенного абсолютизма. И характерно, что китайский сюжет нередко служит ему для целей острой философской полемики. Драма Вольтера «Китайский сирота», как известно, направлена против главного тезиса Руссо о том, что искусство и наука развращают нравы: Вольтер заставляет в ней одержать победу китайской цивилизации над воинственной дикостью Чингис-хана. Тогда, как лирические оперетты на китайские сюжеты в эпоху рококо не преследовали никаких философских задач, мы находим здесь определенную философскую целеустремленность. По словам Вольтера, его «Китайский сирота»—«мораль Конфуция, развернутая в 5 актов». Наиболее полно Вольтер высказался о Китае в «Опыте о нравах», в «Философском словаре», в «Бумагах Жана Неслье», наконец, в статье об «Изгнании иезуитов»; всюду здесь сквозит самый восторженный, панегирический тон. Бросая упрек Боссюэту в том, что последний в своем «Discours sur e'histoirc Universelle» ни словом не обмолвился о Востоке, Вольтер замечает, что если философ хочет говорить о событиях земного шара, он должен сначала бросить взоры на восток—«колыбель всех искусств, которой всецело обязан Запад». Вот почему и его «Опыт о нравах» открывается длинной главой о Китае. Именно этот опыт ознаменовал собою целую серию восторженных отзывов о Китае. «Энциклопедия» заимствовала у Вольтера его характеристику китайской философии; очень сочувственные строки посвятил ей и Гельвеций («Об уме»). В книге Пуавра «Путешествие философа» 1769 г. говорится: «Китай представляет увлекательную картину того, что могло бы быть из целого земного шара, если бы законы этой страны были бы законами всех государств. Идите в Пекин! Удивляйтесь самым могущественным из смертных, т. к. это—правдивая и совершенная картина неба». Многие думали тогда, что спасение Франции—в проникновении в «дух Китая; еще Гримм («Correspondance Li Héraire», ноябрь 1785) смеется над этой «китаеманией» французских мыслителей своего времени.

Физиократы также опирались на воображаемые картины «идеальных государств»[1]—страны инков и, особенно, Китая, которые они противопоставляли тяжело больному народно-хозяйственному организму Франции: их идеализация аграрного капитализма и учение о том, что земледелие является единственным источником богатства, а также их защита «легального деспотизма» в равной мере основаны были на китайских источниках. Основатель школы физиократов Кенэ в своем трактате о «Деспотизме в Китае» (1767) недаром заслужил кличку «Конфуция Европы»; о его главных принципах—установлении и применении конфуцианских принципов, писали его ученик маркиз Мирабо и Монтодуэн. Это поголовное увлечение Китаем во Франции дожило до революции; последние отзвуки его слышатся еще во французском романтизме. Философы и экономисты, поэты и художники отдали ему свою дань.

III

Многочисленные и крепкие нити связывают творчество Пушкина с французской литературой и искусством XVIII ве-

---

[1] См. F. Farjenel, Voltaire et les chinois. „Revue Hebdomadaire" 1910 6. Aug., p. 114 59. Pierre Martino, L'Orient dans la litterature francaise au XVII et XVIII s. Paris 1906.. F. Brunetière, Etudes critiques, 8-me série, Paris, 1907 („L'Orient dans la litt. française", p. 183—207); Pierre Jourda", L'èxotigme dans la litt. française depuis le ronantigme. „Revue des Cours et Conferences" 1936 № 9 и сл.; W. L. Schwartz, The imaginative interpretation of the far East in modern French Literature, 1800—1925. Paris 1927 p. 4 59. То же увлечение „китайщиной" в XVIII веке мы находим и в других европейских литературах:—немецкой, английской, итальянской. Метастазио пишет оперу „Китайский герой"; в Германии тот же сюжет обработан в драме Фридрихса „Китаец или справедливость судьбы" (1774) и у Виланда в „Золотом зеркале". Шиллер переделывает из Гоцци свою „Принцессу Турандот", Гете в 1781 г. создает своего „Эльпенора", основанного, как замечают исследователи, на замечательном проникновении в самый дух китайской словесности, известной ему лишь по несовершенным китайским переводам (см. W. v. Biedermann, Goethe und das Schrifttum Chinas, Zeitsch. f. Vergleich. Litt., Bd. VII, 1894, S. 383—401; Ursula Aurich, China im Spiegel der Deutschen Literatur des XVIII Jahrh., „Germanische Studien", Heft 169).

ка. Можно считать прочно установленными, что в детстве и юности он впитал в себя все наиболее значительное из того, что создала французская поэзия этой поры. Естественен вопрос,—мог ли он пройти мимо той «китаемании», которою так сильно захвачены были многие из властителей его дум? Достаточно вспомнить здесь хотя бы Вольтера. О возможности отзвуков у Пушкина «Китайского сироты», мы скажем несколько позднее, сейчас же подчеркнем, что впечатления от этого офранцуженного Китая должны были, несомненно, усилиться у Пушкина в обстановке китайщины «Царского села» в эпоху его лицейской жизни.

Русская китайщина екатерининских времен была сколком с французской. У нас, как и в Европе, собирали фарфор, фаянсовую посуду и лаковые безделушки, позднее отделывали дворцовые комнаты в китайском стиле, увлекались садовым искусством. «Китайский дворец» в Ораниенбауме (1762—68, арх. Ринальди) особенно же китайские постройки Царского села являются показательными образцами этого условного, офранцуженного Китая.[1] Екатерина II подавала пример этому увлечению. В письмах к Вольтеру и Гримму она часто говорит о Китае; еще интереснее в этом отношении ее переписка с принцем де-Линем, этим блестящим и типичнейшим представителем «ancien régime»: то, с тонкой иронией, она рассуждает с ним о красотах китайского языка, то сообщает выписку из пекинской газеты о «китайском императоре», «моем милом и церемонном соседе с маленькими глазами», сочиняет забавный стишок:

Le roi de la Chi—i—i—i—ne
Quand il a bien bu—u—u—u—u
Fait une plaisante mi—i—i—ne

---

[1] А. С. Дахнович, Путеводитель по Ораниенбауму, Лгр. 1930; А. Иконников, китайский театр и „китайщина“ в Детском селе, Лгр. 1931, стр. 15.

(Китайский император,
Когда он хорошо выпил,
Строит забавную гримасу...)

то, наконец, делится со своим собеседником китайским афоризмом, нужно сказать совершенно уайльдовского стиля: «лучшее средство избежать искушения—это поддаться ему;[1] В «сказке о Февее», как известно, рассказывается о том, что у какого-то сибирского народа на Иртыше был царь китайского происхождения, по имени Тао-ау, а супруга его ездила на златорогих оленях, на которых красовались горностаевые хомуты с яхонтовыми пряжками. Ловкий авантюрист Леклерк знал, чем понравиться императрице, написав для наследника, будущего имп. Павла «китайскую повесть»—Yu le grand et Confucius. Histoire chinoise» 1769. И словно в подражание императрице, в русской журналистике екатерининской поры развернулась целая серия переводных и оригинальных статей о Китае[2]..

Объем и размах русского увлечения Китаем был тогда весьма значителен. В то время как Радищев в Сибири со-

---

[1] Сборн. русск. истор. общ. т. XVII, 188—463; т. XIII, стр. 349—350, 125.

[2] Сумароков еще в 1759 году с немецкого переводит „Монолог из китайской трагедии, называемой Сирота" („Трудолюбивая пчела" 1759, сент. стр. 570), в „Пустомеле" сотрудничает близкий к Новикову один из первых русских синологов А. Леонтьев, автор „Завещания Юнджена, Китайского хана" и помещенного в „Трутне" перевода с китайского: „Чензыя китайского философа совет". Журналы второй половины XVIII века полны известий „о торговле европейцев в Китае", характеристиками китайского купечества, описанием фарфоровых фабрик и шелковых заводов; в Ярославских „ежемесячных сочинениях" печатают „выписку из китайской книги, называемой примеры добродетели для потомков, хранящейся в приказе нравоисправителей в Пекине". Вас. Григ. Рубан двумя изданиями выпускает, посвященную Петру Дм. Еропкину, книгу „Китайский мудрец или наука жить благополучно в обществе" (2-е изд. СПб. 1777), к которой прилагает дополнение из „l'èsprit de Rousseau"—„для сходства Асайских рассуждений с европейскими". Вас. Нечаев стихами переводит „Китайского сироту" Вольтера (СПб. 1788, 1795), а некто Т. Геннинг издает в переводе с французского „Тшуанг—Тзе и Тиена, или от-

чинял «Письмо о торге китайском», Державин переложил в стихи воинственные слова императрицы.

Доступим мира мы средины,
С Гангеса злато соберем,
Гордыню усмирим Китая,
Как кедр наш корень утверждая...
(Ак. изд. 1,430).

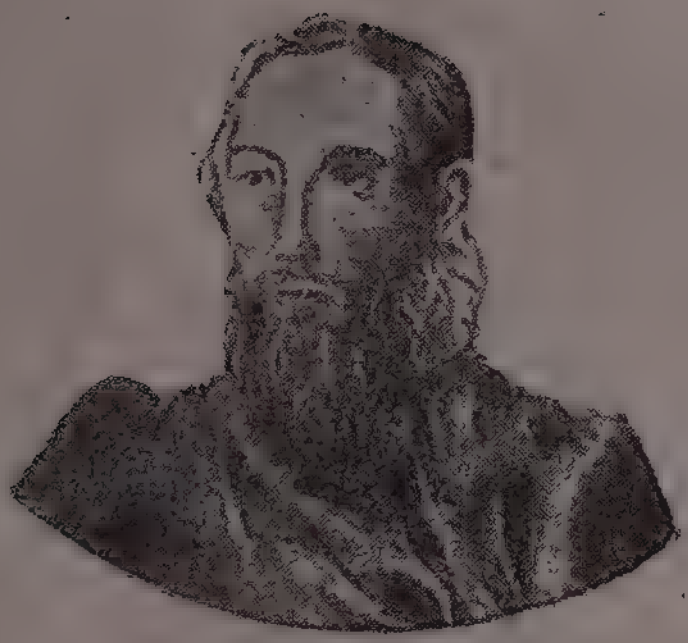
Мог ли Пушкин не знать, посвященной Китаю, русской литературы XVIII века? Могли ли ему не попасть на глаза, хотя бы некоторые из только что перечисленных книг? Но Кантемир, который упоминает «странный китайский ум», Радищев, Державин—во всяком случае были ему хорошо известны. Отдельные китайские образы, хотя бы державинских стихов, могли запасть ему в памяти, оставить в ней некоторый след. Однако, заметил ли тогда Пушкин своеобразную и глухую борьбу с западной традицией, которая намечалась в течениях русской литературной ориенталистики

крытая неверность, повесть китайскую" (СПб. 1785). Подражая Монтескье и Гольдемиту, Сушкова помещает в „Собеседнике любителей Российского слова" (ч. V, 1783)—„Письмо китайца к татарскому мурзе, живущему по делам своим в Петербурге", Дубровский переводит из Вольтера „О славе. Разговор с китайцем" („Ежемес. соч." IV т. 1756), и его воспроизводят вновь в „Прохладных часах" 1793, II. В „Опыте трудом Вольного Росс. Собрания при И. Моск. Унив-те" ч. VI, 1783 помещено „Осведомление или некоторое поведение Вольтеровых о Китае примечаний, собранное в краткую Братищева бытность в Пекине"—„Подлинно-ли, что китайцы 4000 лет в законе своем, правах, обычаях, в языке и одеждах без перемены состоят? Правда-ли, что астрономия у китайцев за 2155 до Р. Хр. состояла,– действительно ли, что прежде Конфуциуса от некоторого Лаукума заведен был у китайцев сект суеверия, и что оной отвергнут за 5000 лет до Р. Хр."—таковы вопросы, которые занимали русских читателей. Несколько приведенных здесь указаний далеко не исчерпывают вопроса—в „библиографии Азии" В. И. Межова (т. I, СПб, 1891) и „Указателе к русским повременным изданиям и сборникам 1703—1802 г." А. Н Неустроева, СПб. 1898, стр. 291—292 можно найти необходимые дополнения.

уже в XVIII веке,—эти «поверения Вольтеровых о Китае примечаний», собранные на месте, эти утверждения Радищева о преимуществах торговли России с Китаем перед ее западными соседями, эти признания российских меценатов и собирателей, что Европа не может обладать такими сокровищами китайского искусства, как Россия, благодаря территориальной близости обоих государств? Едва ли, «Китайщина» на русской почве должна была иметь отличные от французской китайщины черты; ведь русско-китайская торговля через Сибирь тогда во много раз превосходила кантонскую торговлю англичан, португальцев и французов, а первые русские переводчики с китайского языка появились у нас едва не раньше, чем во Франции и Англии. Но Пушкин—юноша, знал прежде всего французский Восток, французский Китай. В царскосельских парках его встречал Китай, взращенный Екатериной. Имевшаяся в библиотеке Пушкина «История села Царского» Ильи Яковкина рассказывает, что китайский Дом и театр (арх. В. И. Неелова) начат постройкой в 1777[1] г., а в 1784—88 по планам Камерона выросла здесь целая «китайская деревенька», все 19 домиков, которой повелено было «выштукатурить, выкрасить альфреско различными цветами, по вкусу китайскому, к чему подряжен лучший такого художества мастер—Рудольф». Вокруг деревни раскинулись столько раз воспетые Пушкиным аллеи, лужайки и озера китайского парка... «Как китайский климат весьма жарок, то употребляют они много воды в садах своих,—объясняет нам Чемберс в книге «О садах китайских» (русск. перевод 1772 г.)—повсюду мы зрим обширные озера, реки и каналы. Берега из озер их так расцвечены, подражая в том природе, то песчаны, то круты и каменисты. Берега обыкновенно обсажены деревьями и составляют ветвями покрытые аллеи, под которыми проходят лодки... В прохладной тени здесь плавают лебеди... Оные аллеи обыкновенно ведут к некоторому весьма знатному

---

[1] История села Царского, СПб. 1831, стр. 238—239, 285—287.



Иакинф Бичурин
С акварели декабриста Николая Бестужева
(Троицкосавский музей).

предмету, а именно, к какому-нибудь строению, к построенной посреди озера беседке, к каскаде и гроту». Не в «безмолвии» ли этих садов, «весной, при кликах лебединых» явилась муза Пушкину—юноше?.. Не по этим ли садам ходил он с книжкою Вольтера в руках? К 20-м гг. эти затейные сады заросли и запустели; еще Державин в стих. «Развалины» (1797) воспел китайский уголок Царского села:

Здесь был театр, а тут—качели,
Тут—азиатских домик нег...

Но от них все еще веяло живым и свежим ароматом XVIII века. В литографиях В. Лангера (1820), учившегося в лицее вместе с Пушкиным, мы видим еще крепкими и яркими эти беседки и домики, каскады, серебряные пруды и китайские павильоны.[1] «Не отсюда ли, не из этих ли садов, так много говоривших сердцу впечатлительного юноши, идут те величавые образы, которые так бесконечно разнообразны в его поэзии»?—спрашивает И. Анненский, не без основания полагая, что великолепие царскосельских дворцов и садов отразилось на соответствующих картинах «Руслана и Людмилы».[2] Во II-ой песне, описывая сад волшебника, Пушкин говорит, что здесь:

С прохладой вьется ветер майский
И свищет соловей китайский
Во мраке трепетных ветвей.

Случаен ли этот «китайский соловей»?—не ведет ли он нас к «китайщине» Царского села? Другие случайные намеки в ранних стихотворениях Пушкина могут убедить нас в том, что какие-то следы «китайщины» остались у него в

---

[1] „Двенадцать видов Царского села", 1820 воспроизведены в „Старых годах" 1912, январь.

[2] И. Анненский, Пушкин и Царское село, СПб, 1899.

памяти от лицейского времени. В «Послании к Наталье» (1814 г.) читаем:

Ни владетель я Сераля,
Ни араб, ни турок я,
За учтивого китайца,
Грубого американца
Почитать меня нельзя.

Речь здесь идет, вероятно, о театральных пьесах, в которых подвизалась Наталья, крепостная актриса домашнего царскосельского театра В. В. Толстого. Вспомним еще стихотворение «Надпись к беседке» (до 1817 г.), в котором, вероятно, идеть речь о царскосельской «Нееловской беседке» (1775), возобновленной Гваренги[1]—«восемь колонн розового мрамора, поддерживающих восьмигранную кровлю с загнутыми вверх «по китайски» углами».

IV

Ссылка на Юг привела Пушкина к непосредственному столкновению с ближним Востоком—Кавказ, Крым, потом Кишинев и Одесса дали резкий толчок возникновению его поэтического увлечения восточным миром. Турция, Аравия, магометанский мир памятниками своей поэзии и философско-поэтической литературы стали оказывать на него все более крепнувшее влияние. Это был уже не тот Восток, который существовал в представлении искусства XVIII в., «восток гаремов и величавых пятиактных трагедий при султанском дворе». Это был восток «Подражаний Корану», восток Саади Ширазского и подлинных воссозданий турецких песен. 20—30-е годы—знаменательный момент в истории русской ориенталистики. Недаром и увлечение Пушкина Восто-

[1] А. Иконников, op. cit., стр. 38.

ком падает, именно, на эти годы. «Война России с народами мусульманского мира, греческое восстание, влияние Байрона, основание Азиатского Музея Академии Наук (1818), научная деятельность акад. Френа и преподавательская—наших ориенталистов А. Болдырева в Москве (1811—1836), Сенковского в Петербурге (1811), Ковалевского в Казани, сыграли в нашей литературе немаловажную роль». Дальний Восток как бы отошел на некоторое время на второй план; Грибоедов, Сенковский, Ознобишин ввели в моду арабов, персов и турков в русской поэзии. Проблема столкновения востока и запада остро стояла тогда в исканиях не одного только Пушкина...[1] Впечатления жизни только усилили у него остроту этой проблемы.

От одесских времен идет у Пушкина «тоска по чужбине», мечта о далеких странствованиях, принимавшие самые причудливые образы и очертания. Он сам не мог выбрать, куда направить свой путь; то он стремится в Италию, и чудятся ему итальянские пейзажи и перспектива парижских улиц, то хочется ему «взять тихонько трость и шляпу и поехать посмотреть на Константинополь», то жаждет он «покинуть скучный брег» «неприязненной стихии» и «средь полуденных зыбей под летом Африки моей вздыхать о сумрачной России». В кишиневской тетради есть отрывок, со страстной силой запечатлевший эту мечту о дальних краях. Пушкин хотел начать «вольный бег по вольному распутью моря».

Завидую тебе, питомец моря смелый,
Под сенью парусов и в бурях поседелый,
Спокойной пристани давно-ли ты достиг?
Давно ли тишины вкусил отрадный миг?
И снова ты бежишь Европы обветшалой:
Ищи стихий других, земли жилец усталый...

---

[1] В. Эберман. Арабы и персы в русской поэзии. „Восток" кн. III (1923), стр. 108—125; Н. Свирин, Пушкин и восток. „Звезда" 1935 № 4.

Еще раньше в элегии «Погасло дневное светило» (1820) читаем:

„Лети, корабль, неси меня к пределам дальним
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей (Ак. изд, т. II. 201).

Отсюда огромный интерес Пушкина к рассказам бывалых людей, к этим «корсарам в отставке» и мореходцам одесского порта, где толпились корабли всех наций... И как знать, не увлекала ли уже тогда Пушкина мечта о Дальнем Востоке, куда он так стремился позднее? Ведь уже тогда Пушкин, вероятно, следил за впечатлениями своего лицейского товарища, Ф. Ф. Матюшкина, совершавшего полярную экспедицию с Врангелем в поисках северного пути в Китай,[1] того самого Матюшкина, которому в стих. «19 октября» (1825) посвящены эти теплые, интимно-лирические строки:

Сидишь-ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный,
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полунощных морей...

В Кишиневе и Одессе Пушкин любил беседовать с человеком, который мог ему сообщить кое-что и о Китае. Это был Ф. Ф. Вигель. В 1805 году Вигель отправился с по-

---

[1] В книге E. A. Engelhardt, Russische Miscellen zur genaueren Kentniss Russlands und seine Bewohner, 4 тома 1828. 1830, 1832, напечатаны письма Ф. Матюшкина из этой экспедиции с очень ценными в этнографическом отношении сведениями о туземных жителях северных берегов Сибири и Дальнего Востока Уже в альманахе „Ленемозина“ (1824, I, 172—176), столь хорошо известном Пушкину было помещено „извлечение из письма к Е. А. Э...у [т. е. Энгельгардту, автору вышеуказанной книги и директору царскосельского лицея] Ф. М. [Матюшкина].

сольством Головкина в Китай. Как известно, посольство это не достигло цели и не было допущено в Пекин; посол, вследствие многих совершенных им ошибок, был отправлен китайским ваном из Урги обратно в Россию, но тем не менее Вигелю, добравшемуся только до Кяхты, было что рассказать об этом путешествии, и он нередко вспоминал о нем в беседах с друзьями. Недаром в «Воспоминаниях» Вигеля этому эпизоду его юности посвящено свыше полутораста страниц второго тома![1] Он рассказывает здесь о своих поездках в Маймачин—пограничный китайский городок против Кяхты—единственный, который ему удалось видеть, его грязные улицы, «о которых могут иметь понятие только те, кои зимой в дождливое время ездили по одесским улицам», его низенькие дома с нависшими крышами: «над крытым местом всегда возвышается деревянная башня, в два или три яруса, расцвеченная, с драконами, колокольчиками, какие вы видели на картинках или в садах. Это давало Маймачину красивый вид... На другом конце города пустили меня в китайскую божницу, посвященную богу брани; он находится в особом месте или приделе и, стоя, держит за узду бешеного коня... В главном же храме видел я колоссального Конфуция, богато разодетого, высоко на троне сидящего и массивную, пудов в двадцать, железную полированную лампаду, день и ночь перед ним горящую». Вигель описывает далее обед в Маймачине у богатого китайского торговца... Какой это там прекрасный материал для застольных бесед в одесском ресторане Оттона! Слышал ли эти рассказы Пушкин,—этого мы не знаем: любопытно, однако, что в 1829 году Пушкин просился в Китай именно так, как это сделал Вигель в 1805 году.

По странной случайности, в черновиках первой главы «Евгения Онегина», писаных в Одессе не позже июня 1823 г., мы находим след каких-то раздумий Пушкина о Китае. Кни-

---

[1] Записки Ф. Ф. Вигеля. ч. I, М. 1891, стр. 178—179, 182—183. Ср. В. Н. Баснин о посольстве в Китай графа Головкина, чтения в Общ. Древн. Росс. 1875 № 4, стр. 1—103.

гами Вольтера или рассказами Вигеля внушены эти загадочные строки?

В тетради № 2369 в левом углу 6-го листа, в черновиках 6-й строфы есть несколько зачеркнутых стихов, которые читаются так:

Мудрец Китая
[Зачеркнуто: Конфуций]
Нас учит юность уважать
[и]
[От заблуждений охранять(?)]
[Не торопиться осуждать]
[Она одна дает надежду]
[Надежду мож...]

Эти зачеркнутые стихи еще не обращали на себя внимания исследователей. Транскрипции их не дал Якушкин в описании тетради № 2369 (Р. Стар. 1884, 2-е изд., т. 42, июнь, стр. 555). В изданиях Пушкина П. А. Ефремова, П. Морозова (Лит. Фонда, Просвещ.), Поливанова, Венгерова и т. д. мы также не встречаем никаких указаний на них. Первый раз, сколько знаем, напечатал их М. Л. Гофман в своем издании «Евгения Онегина» (1919, стр. 260.), с выпуском одного стиха, труднее остальных поддающегося чтению и с неверным указанием, что настоящее место находится в «Набросках к 5 строфе I главы «Онегина» (следовало сказать: к 6-й).[1] Знал эти стихи также В. Брюсов, отметивший в своей статье «Пушкин—мастер (Мой Пушкин. М. 1929, стр. 270), что у Пушкина» есть отголосок и Дальнего Востока в отрывке «Мудрец Китая», однако, без всякого указания на то, где этот отрывок находится и напечатан ли он или нет. Попробуем вдуматься в него глубже. Несомнен-

[1] По странной случайности и интересующие нас строки не попали в изданные М. Л. Гофманом „Пропущенные строфы „Евгения Онегина" (Пушкин и его современники, вып. XXXIII—XXXV (1922).

но, что VI строфа I-й главы романа посвящена характеристике, полученного Онегиным, исторического образования.

Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли
Бытописания земли:
Но дней минувших анекдоты,
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей.

Сбоку против черновика указанных стихов и помещен, интересующий нас, отрывок. Какая связь между ними?

Несомненно, что 6-я строфа трудно далась поэту; каждый стих перечеркнут по нескольку раз. Как ни трудно восстановить логическую, ассоциативную последовательность работы творческой мысли Пушкина над этими брульонами, все же хочется прежде всего думать, что мысль о Китае возникла у него по связи с другими случайными образами из истории древнейших цивилизаций: вместо Ромула стояло первоначально, впоследствии зачеркнутое, имя Кира, а имя Конфуций, впоследствии переделанное на «мудрец Китая» написано рядом с недававшимися словами: (времен) хронологической пыли (за зачеркн.) но (зачеркн.) дней минувших анекдоты, (времен минувших анекдоты)... В желании установить объем исторических познаний Онегина Пушкин словно колебался—дать ли ему поверхностное знание древней истории от греко-персидских или только от римских времен; не должен ли был, однако, Онегин знать и о древнейшей цивилизации мира? Любопытно было бы проследить, к какому источнику восходит это зачеркнутое упоминание Конфуция. Однако, мысль Пушкина недосказана: она оборвалась на полуслове и затем окончательно была выброшена из текста; нам так, вероятно, и не удастся узнать, как в сознании поэта связались воедино мысли о воспитании Онегина и мнения о воспитании китайского мудреца. Вспомнил ли он здесь восторженные отзывы о Конфуции Вольтера? Но в частых цитатах и ссылках Вольтера на Конфуция, напр., в «Опыте о нравах» в «философском сло-

варе» и во всех других его сочинениях нет такого места, которое можно было бы поставить в параллель со стихами Пушкина. Знал ли Пушкин о Конфуции из других источников? Китайский философ часто упоминался и в русской печати. Все эти вопросы пока остаются для меня без ответа.

V

С каждым годом интерес к Китаю должен был у Пушкина возрастать. Содействие в этом оказывала ему и русская литература. В 1824 г. вышло трехтомное «Путешествие в Монголию и Китай» Егора Тимковского, приветливо встреченное печатью. Это издание Пушкин мог видеть еще в Одессе. С 1825 года немалое внимание Китаю, Манчжурии и соседним странам стал уделять «Московский Телеграф», еще ранее его «Сибирский Вестник» Григория Спасского, в 1825 году переименованный в «Азиатский Вестник». В апреле 1825 года из Михайловского Пушкин среди прочих книг неожиданно заказывает брату «Сибирский Вестник весь».[1] Он был прислан Пушкину и сохранился в составе его библиотеки за время с 1818—24 гг. с пропусками отдельных книг. В ближайшие за этим годы напряженные исторические занятия, ссылка декабристов в Сибирь, из которых иные, как В. К. Кюхельбекер, Ник. Бестужев попали в места непосредственно близкие к Монгольской и Китайской границам также не смогли не сыграть известной роли в деле

---

[1] Письма, ред. Б. Л. Модзалевского I, стр. 434. В „Сибирском Вестнике" мы находим довольно много материалов о Китае; здесь есть и старинные русские путешествия в Китай, напр. Сибирского казака Ив. Петлина („Сиб. Вестн." 1818, ч. II) и „журнал" Спафария (1823, ч. III); помещены китайские политические известия („Известие о кончине китайского богдыхана Цзя—Цина" 1823, ч. I, „Сун, китайский министр и военачальник", там-же), переводы сочинений европейских синологов (напр., „Письма г. Ремюза о китайских ученых и о влиянии их на госуд. правление", 1823, ч. II; письмо Ремюза об успехах китайской словесности в Европе, 1823 ч. III) и т. д.

непрерывного оживления интереса Пушкина к Дальнему Востоку.[1]

В истории ознакомления Пушкина с Китаем первостепенную роль сыграл знаменитый Иакинф Бичурин. Знакомство и дружба с ним Пушкина начались около 1828 г. и с перерывами продолжались несколько лет. Бичурин (1797—1853) были, быть может, одной из наиболее своеобразных фигур тогдашнего Петербурга. Бывший ректором Иркутской, потом Тобольской духовной семинарии, монах с 1800 г., в качестве начальника 9-й пекинской православной Духовной Миссии, Бичурин прожил в Китае 14 лет (1807—1821), откуда вернулся в Петербург в январе 1822 г. с громадным сундуком редкостей и рукописей и замечательным знанием китайского языка. Однако, миссия была принята очень холодно и над ней вскоре последовал суд. Обстоятельства, его вызвавшие, представляются в общем еще достаточно темными. Биограф Бичурина Адоратский указывает, как на возможные причины суда—на заклад некоторых оброчных статей, на небрежное обращение с церковной утварью, на допущение открытия игорного дома в здании, принадлежавшем миссии и отдававшемся в наем, но не решается признать справедливыми эти обвинения. «В миссии,—пишет он,—нет никаких документов по этому вопросу, кроме неясной заметки о. Исайи (от 1866 г.), думавшего почему-то найти причину обвинения о. Иакинфа с братиею в отношениях миссии к посланнику Головкину. При этом Исайя цитирует Вигеля».[2] По другим данным, причиной обвинения

---

[1] Любопытно, что в библиотеке села Тригорского, которой Пушкин пользовался, оказалось довольно много русских книг о Китае; здесь, напр., были: „Букварь китайской. Перевел А. Леонтиев СПб. 1779; „Житие Кун-Тсеэа или Конфуциуса, наиславнейшего философа китайского, восстановителя древней учености; перевел Михаил Веревкин" СПб. 1790, „Дфун-Юн, то-есть закон непреложный. Из преданий китайского философа Кун-Дзы", „Сы-шу-Геи, т. е. четыре книги с толкованиями". СПб. 1780 и т. д. Каталог библиотеки села Тригорского см. у Б. Л. Модзалевского „Поездка в с. Тригорское"—„Пушкин и его современники" вып. I, стр. 1—90 №№ 273, 289, 293, 335, 336, 346.

[2] И. Н. А. Иакинф Бичурин. „Православный собеседник" 1886, ч. II, стр. 78: „Русская старина" 1888 № 9, стр. 302.

Иакинфа были слухи о безнравственной жизни его в Китае. Как бы там ни было, Синод лишил его священного сана и послал в заточение в Валаамский монастырь, где он, под строгой эпитимьей, должен был прожить пять лет (по 1826 г.). В судьбе его произошел резкий перелом только после того, как в нем принял участие чиновник мин. ин. дел, бар. П. Л. Шиллинг фон-Канштадт, дилетантски, но ревностно занимавшийся востоковедением.[1] В 1826 г. Шиллинг предложил Иакинфа Азиатскому департаменту в переводчики с китайского языка и сам похлопотал за него, где следовало. В результате Иакинф был вызван в Петербург, помещен на жительство в Александро-Невскую лавру и причислен к министерству иностранных дел. Вскоре он стал появляться в высшем свете Петербурга в своем оригинальном полу-монашеском костюме, со своей образцовой французской и английской речью[2] и незаурядными познаниями по истории Дальнего Востока. Его заметили здесь и оказали ему покровительство и поддержку; недаром его первая книга «Описание Тибета» посвящена кн. Зинаиде Волконской. В то же время он сделался желанным сотрудником многих журналов, «Московского Телеграфа», «Московского Вестника»[3] и др. Пушкин не мог не обратить на него внимания. Они познакомились и между ними установились весьма дружественные отношения. Н. С. Моллер вспоминала о Бичурине со слов своей матери: «Высокая худощавая фигура отца Иакинфа с бледным, выразительным лицом, живыми, умными глазами, над которыми чернели густые брови, черными с проседью волосами и длинной седой бородой» привлекала к себе всеобщее любопытство. Чего только не го-

---

[1] См. о нем: Пушкин, письма, ред. Б. Л. Модзалевского, т. II, стр. 291—292; „О изображениях китайских письмен и любопытных изданиях бар. Шиллинга"—„Азиатский вестник" 1825, IV; L. Ligeti, La collection mongole Schilling v. Cannstadt. в журнале „T'oung Pao", vol. XXVII, № 2—3.

[2] Е. Тимковский, Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 г. СПб. 1824, ч. II, стр. 229.

[3] Н. К. Козмин, Очерки из истории русского романтизма. Н. Д. Полевой, СПб. 1903, стр. 52, 334.

ворили о нем: «Бедовый он был в свое время, в молодые годы, и в Китае не мало чего натворил. Надурит, бывало, что-нибудь, попадется, а все не исправится, за историю в Китае пришлось поплатиться не мало—на покаянии, на Валааме высидел не один год, а все в прок не пошло все такой же остался. Да и что он за монах, сама видишь: не постится, в церковь не ходит, даже лба путем не перекрестит, а монашеское все—просто ненавидит. Зато ученый вышел из него известный. Смотри, каким он пользуется уважением в ученом мире; у всех известных литераторов принят как свой. С Пушкиным был знаком, бывал у него; что анекдотов дедушка про него знает. Порасспроси-ка его, может быть и расскажет». Но вслед за этим простодушная внучка чистосердечно признается: «Как ни любила я бывать с ним, слушая его рассказы не только о Китае, но и о Пушкине, Жуковском, Крылове и др., я оставаться с ним долго не могла. Мне становилось с ним скучно и хотелось уйти».[1]

Интереснейшие страницы об Иакинфе оставил в своем латинском дневнике Николай Малиновский; по его словам этот светский монах, отправленный в Валаамский монастырь по жалобе митр. Серафима за мужеложство, был настоящим атеистом: «Он ставил Христа не выше Конфуция» и сомневался в бессмертии души.[2] Неистовый поклонник китайской культуры, он бранил Европу и Запад. Светские щеголи любили его болтовню, потому что он знал нескончаемое число скандальных историй и скабрезных анекдотов о китайских женщинах; любители искусств любили его суждения, а еще более его восточные редкости, которыми он заставил свой кабинет и любил удивлять к нему приходящих.[3] Что беседа с ним могла быть занимательна, в этом убеждают нас современники; Ю. Венелин, будучи в Петербурге, посетил Иакинфа и писал Погодину: «Я рассыпался в вежливо-

---

[1] Н. С. Моллер. Иакинф Бичурин в далеких воспоминаниях его внучки. „Русск. Старина" 1888, № 9. стр. 535

[2] Prace Komisyi do badan nad historia literatury i oswiaty t. I. Warsz. 1914, str. 144—145, 163—165. 175.

[3] „Отеч. записки" 1839, т. VII, стр. 33.

стях; он был очень доволен, вежлив, affable (приветлив) и приятен до чрезвычайности. Единственный в своем роде из всех петропольских ученых. Мы проговорили около 2-х часов о Монголии, Китае, Чунгарии». Вскоре и М. П. Погодин записал в своем дневнике: «К Иакинфу. Отыскал и приятных два часа».[1] Около того же времени сочинениями и личностью Иакинфа увлекся и В. Ф. Одоевский, получивший от него интерес к Китаю: след этого знакомства остался в незаконченной утопии Одоевского «4338 год. Петербургские письма» (отрывок напеч. в «Моск. Наблюдателе» 1835 г.), в которой изображена Россия 44 века в письмах китайца, путешествовавшего по России и переписывавшегося со своим другом в Пекине: многое навеяно здесь сочинениями Иакинфа;[2] у Сеньковского, всю жизнь с начала 20-х гг. интересовавшегося Китаем, сочинения Иакинфа оставили также не малый след; высмеивая увлечение Китаем, введенное у нас в моду Иакинфом, Сенковский по своему обыкновению пародировал его в «Совершеннейшей из женщин».[3] Полемика Иакинфа с Полевым по поводу его замечаний на «Историю русского народа» в «Молве» должна была привлечь внимание Пушкина, который интересовался этим трудом.[4]

Знакомство Пушкина с Иакинфом состоялось, повидимому, около 1828 года в тот период, когда начинался период его напряженной литературной деятельности и он входил в моду в Петербурге. По словам его биографа, он «бы-

---

[1] Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. III, стр. 131—133; т. X. стр. 386. См. также биографию Иакинфа, написанную М. Погодиным в „Беседах в Обществе Люб. Росс. Словесности" 1871, т. 3, стр. 62—68.

[2] П. Сакулин, Русская Икария „Современник" 1912 № 12, стр. 193—206. О рукописях Одоевского П. Н. Сакулин пишет в другом месте: „В переплете 22 есть ряд отдельных заметок о Китае, многое со слов известного синолога Иакинфа Бичурина. Одоевский был знаком не только с его сочинениями, но и с ним лично. В одной заметке... Одоевский высказывает мысль, что, получивши просвещение, Китай может обрушиться на Европу, и прибавляет, что эту мысль о китайской опасности разделяет и о. Иакинф" (Из истории русского идеализма. Кн. В. Ф. Одоевский, м. 1913, т. I, ч. 2, стр. 184).

[3] В. Каверин. Барон Брамбеус. Лгр. 1929, стр. 201--203, 236.

[4] „Моск. Телеграф" 1834, ч. 55, стр. 128—165, 287—318. В русских

стро перерабатывал, заготовленные им в Пекине, переводы и писал новые сочинения, так что цензоры не успевали заканчивать одно произведение, как он им представлял следующее.[1] Мы не знаем подробностей их встреч и содержания их бесед, но можем догадаться, что они шли о дальнем Востоке. Иакинф дарил Пушкину свои книги и давал ему на прочтение свои рукописи.

В библиотеке Пушкина находилось «Описание Тибета о нынешнем его состоянии с картою дороги из Чен-Ду до Хлассы (sic). Перевод с китайского, СПб. 1829» (по опис. Модзалевского № 267), с надписью на чистом после переплета листке: «Милостивому государю моему Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика в знак истинного уважения. Апрель 26 дня 1828 г.». «Это была первая книга Бичурина (если не считать небольшой малозначущей брошюрки. «Ответы на вопросы о Китае» (СПб. 1827); она представляет собой перевод сочинения одного китайского чиновника, бывшего в Тибете в 1786 г.

В библиотеке Пушкина в настоящее время не находятся (но может быть находились?) книги, которые Иакинф выпустил вслед за «Описанием Тибета»: двухтомный труд. «Записки о Монголии», вышедший в том же 1828 году, «Описания Чжуньчарин и восточного Туркестана в древнейшем и нынешнем его состоянии» (2 части СПб. 1829); нет здесь также ни «Описания Пекина» (СПб. 1829), ни «Исто-

журналах 30-х годов было не мало статей о Китае, так или иначе навеянных Бичуриным или им редактированных; интересовались тогда и китайской литературой. О. М Сомов писал М. А. Максимовичу 4 января 1832 г. „У меня есть целый китайский роман, переведенный с китайского; отрывок из него помещен в „Северных цветах". Жду отца Иакинфа Бичурина, чтобы роман сей пересмотреть вместе, проверить с ним (ибо у бар Шиллинга есть китайский и манчжурский списки оного) и тогда выпущу в свет вполне" (Русск. архив 1908, III, стр. 268). Отметим кстати, что в 20-х годах большую популярность приобрел другой „китайский роман"—„Ю—Киао—Ли или Двоюродные сестры", который на французский язык перевел Абель Ремюза, а на русский (в отрывках) Н. Рожалин в „Моск. Вестнике", ч. III № 9, стр. 121—148; Н. П. Колюпанов, биография А. И. Кошелева, т. I, ч. II, стр. 328 прим. 28 и стр. 322 прим. 14.

[1] „Правосл. собеседник" 1856, II, стр. 243.

рии первых четырех ханов из дома Чингисова» (СПб. 1829). «Все это были капитальные произведения, возбудившие интерес не только у нас, но и за границей; переведенные частью на французский и немецкий языки, они вызвали обсуждения в ученых обществах, напр., азиатском в Париже и журнальную критику, особенно проф. Клапрота; последний много раз давал отчеты в заседаниях азиатского общества по поводу выходивших в свет произведений Иакинфа»,—пишет Адоратский.

Но уже в том же 1829 г. Бичурин, как свидетельствует его собственноручная карандашная надпись («Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика»), подарил Пушкину свою седьмую по счету книгу: «Сан-Цзы-Цзинь и троесловие с литографированным китайским текстом» (СПб. 1829), (по описи Б. Л. Модзалевского № 347).

В конце февраля 1830 г. Иакинф уехал в экспедицию вместе с Шиллингом Ф. Канштадтом, снаряженной министерством ин. дел для обследования бурят и собрания сведений о торговле у северных и западных границ Китая; в своей автобиографической записке сам Бичурин пишет про себя о том, что года 1830 и 1831, а также 1835—1837 он провел в Монголии и Сибири «по возложенным от правительства на него поручениям».[1] В эти годы отношение Пушкина с Би-

---

[1] Ученые записки Акад. Наук 1855, т. III, стр. 670—671. Б. Л. Модзалевский, упоминая об этой поездке Иакинфа (письма II, стр. 291—292) высказывает предположение, что он „мог соблазнять Пушкина на путешествие с собою", это, действительно, очень вероятно. Во всяком случае, в „Литературной газете" 1830 г. № 28 Пушкин, вероятно, прочел „Выписки из письма о Иакинфа Бичурина к И. В. С..." из Иркутска с описанием приезда упомянутой выше экспедиции Шиллинга, а в № 60 за тот же год статью за подписью Н. Б. „Кяхтинский пир. Письмо из восточно-азиатской России", где, повидимому со слов Бичурина же, дано довольно длинное описание встречи китайских и монгольских властей по случаю отправляющейся в Пекин новой духовной миссии. Во время пребывания своего за Байкалом, Бичурин вошел в близкие сношения с декабристами (см. „Памяти декабристов" Сборник материалов, изд. Ак. Наук, Лгр., 1926, т. III, стр. 8, 10). Н. Бестужев сделал его акварельный портрет, ныне хранящийся в Троицкосавске.

чуриным прерывались, но Пушкин, несомненно, продолжал внимательно следить за литературной деятельностью русского синолога и знал о нем от своих общих с ним знакомых и друзей.[1]

В I главе «Истории Пугачевского бунта», рассказывая о мятеже яицких казаков и о предшествовавшем ему переселении калмыков в Китай, Пушкин писал между прочим: «Самым достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком. С благодарностью помещаем сообщенный им отрывок из неизданной ещé его книги о калмыках». Следует обширная выписка. Комментаторы «Истории Пугачевского бунта» (не исключая и Н. Фирсова) не объясняют нам, откуда взята эта длинная цитата. Это было «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени», по словам самого автора «сочинение, основанное на фактах, которые заимствованы из книг и рукописей русских и китайских»,[2] в 1835 г. удостоенное Академией Наук полной Демидовской премии. Книга Бичурина цензурована А. Крыловым и разрешена к печати 19 сент. 1834 г., вышла же она, вероятно, не ранее начала 1835 г.; «История Пугачевского бунта» появилась в свет около 28 декабря 1834 г.,[3] т. е., повидимому, на несколько месяцев раньше. Таким образом, Пушкин мог читать эту книгу в рукописи или в корректурных листах,

---

[1] В библиотеке Пушкина, между прочим, находилась книга замечательного английского лингвиста, писателя и поэта Джорджа Борро „Таргум или стихотворные переводы с тридцати языков и наречий (на англ. яз., издана в Петербурге в 1835 г.), приезжавшего в Петербург для изучения у Бичурина китайского языка. В этой книге, почти рядом с переводами Борро из Пушкина находится и несколько переводов его с китайского и манчжурского („Moral Metaphors From the Chinese", p. 19—20; „The Mountain—Chase. From the Mandchou" p. 21—23)

[2] Ученые записки Ак. Наук III, стр. 670.

[3] Н. Синявский и М. Цявловский, Пушкин в печати, М. 1914, стр. 133.

данных ему автором.[1] Пушкин заинтересовался этим эпизодом о побеге калмыков в Китай и, по словам П. Преображенского, «может быть даже преувеличил его значение», найдя нужным в примечании к своему труду поместить «относящееся сюда подробное сообщение ученого востоковеда, в общем мало имеющее отношение к главному предмету сочинения».[2] Объяснение этого можно видеть в том, что Пушкин действительно дорожил выпиской из неизданного еще сочинения, предоставленной ему автором, как и вообще дорожил теми сведениями, какие он получал от Иакинфа.

Вероятно, именно Иакинфу, ехавшему в 1830 г. с экспедицией Шиллинга в Кяхту Пушкин обязан был мыслью самому проситься в Китай.

VI

7-го января 1830 г. Пушкин писал Бенкендорфу: «Так как я еще не женат и не нахожусь на государственной службе, я бы хотел совершить путешествие либо во Францию, либо в Италию. Если это не будет мне разрешено, я просил бы о позволении посетить Китай с посольством, которое туда отправляется».[3] Ответ Бенкендорфа с отказом на просьбу был получен Пушкиным через 10 дней—17 января. Бенкендорф писал, что «его величество император не удостоил согласиться на его просьбу о дозволении отправиться за границу, полагая, что это очень расстроит его денежные дела, и в то же время отвлечет его от занятий. Что же касается желания Пушкина сопровождать наше посольство в

---

[1] Эта книга была и в библиотеке Пушкина. Следует, впрочем, отметить, что сочинение Иакинфа первоначально было напечатано в „Журнале Мин. Внутр. Дел" 1833, ч. IX, № 5, 7 и 8; тем не менее, слова благодарности, обращенные Пушкиным к автору, не оставляют сомнений, что последний сам сообщил ему указанный отрывок.

[2] П. Преображенский. Пушкин в Самарских краях. „Бюллетень Общества Археологии, истории „Этнографии при Самарском Гос. Университете". 1925 № 3, стр 18.

[3] Письма, изд. Б. Л. Модзалевского, т. II, стр. 71.

Китай, то оно теперь не может быть исполнено, так как все чиновники в него уже назначены и не могут быть переменены без уведомления о том Пекинского двора».[1] Недели за две перед тем, одновременно с прошением, Пушкин написал «элегический отрывок», где он говорит, что готов бежать всюду.

Тут же вскоре написаны безнадежные стансы: «Брожу ли я вдоль улиц шумных»... Еще одна мечта Пушкина не исполнилась.

Этот известный эпизод биографии Пушкина обычно толкуют в том смысле, что замысел отъезда его в Китай был совершенно случаен. Отсюда—разнообразие вариантов задуманного им путешествия: Париж ли, Венеция ли, Китай,—Пушкину было все равно куда ехать, лишь бы вырваться из России; Китай был лишь последней соломинкой, за которую хватался утопающий поэт; недаром в прошении Бенкендорфу Китай стоит на последнем месте, после упоминания Франции и Италии, на отъезд куда Пушкин, видимо, и не надеялся получить разрешение... Думается, что это не совсем так. Замысел путешествия в Китай был серьезен и продуман. Зная о трудностях пути хотя бы от Ф. Вигеля, Пушкин не мог проситься туда очертя голову, не думая о последствиях или даже о количестве потребного на это времени. В Китай с одесских времен неслись мечты поэта. Книги и беседы с Иакинфом только подсказали внезапное решение. Если это было бы не так, то Пушкин мог бы вскоре позабыть о своей неудаче. А между тем пришел отказ от Бенкендорфа, ярко разгоревшийся было план потускнел и расплылся в новых впечатлениях жизни, и тем не менее Пушкин не перестал интересоваться Китаем.

---

[1] Переписка, Академич. изд. т II. стр. 110; В. Брюсов, письма Пушкина и к Пушкину. М. 1903. стр. 51. Ср. в „Записной книжке" Е. В. Путяты: „Пушкин просился за границу, его не пустили. Он собирался даже с бар. Шиллингом в Сибирь на границу Китая. Не знаю, почему не сбылось это намерение, но следы его остались в стихотворении: „Поедем, я готов" („Русск. Архив" 1899, II, стр. 351). Ср. также: М. Цявловский, Тоска по чужбине у Пушкина. „Гол. минувшего" 1916, № 1, стр. 59.

Во второй половине мая 1830 г. Пушкин посетил имение Гончаровых «Полотняный Завод» около Калуги и пробыл тут до конца месяца.[1] У нас немного сведений о пребывании его здесь, но невольно обращает на себя внимание тот документ, который в 1900 г. видел в Музее Калужской Архивной Комиссии Ив. Щеглов—список книг, которыми пользовался Пушкин во время пребывания своего на полотняном заводе. «Как вы думаете, что стоит на первом месте?—спрашивает Щеглов.—Книги о Китае: Описание Китайской империи ч. I, Описание Китайской империи ч. II. И далее еще третья книга: «О градах китайских».—Положительно знаменательная черта,—прибавляет Щеглов,—очевидно Пушкин, семьдесят лет назад проникновенно интересовался и волновался теми вопросами, которыми интересуемся и волнуемся мы, грешные, только теперь. Как известно, почти одновременно с мечтой о женитьбе, Пушкин лелеял мечту о путешествии в Китай. И события, увы, показали, что осуществление второго мечтания на счет первого послужило бы к вящей славе нашего любезного отечества. Впрочем, Грибоедов недаром сказал: «Ах, если любит кто кого, зачем ума искать и ездить так далеко?» И вместо вещей книги о Китае, которая, почем знать, изменила бы ход современных событий, мы имеем гениальные сцены «Каменного гостя», напророчившие смерть их автору».[2] И. Щеглов не объясняет, что за книги читал Пушкин. Две части «Описания Китайской империи»,—это знаменитый сборник известий о Китае Дюгальда, из четырех томов которого только два первых были переведены на русский язык в 1774—77 гг., вторая часть этого труда именно в русском переводе сохранилась в личной библиотеке Пушкина (№ 139). Книги «О

---

[1] Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина, изд. 2-ое, стр. 213.

[2] Ив. Щеглов, Три дня в Калуге. „Новое время" 1900, № 8830, от 26 сентября; перепечатано в его книге: „Подвижник слова" СПб. 1909, стр. 36—37 Мнение Щеглова, подтвердил в маленькой статье некто З. („Действительно-ли Пушкин интересовался Китаем", „Новое время" 1900 № 8832 от 28 сентября, сославшийся на упоминание „богдыханов" в стихотворении „Осень" и на „Записки" А. О Смирновой. См. еще: Инфолио, Пушкин и Китай. „Новое время" 1900 № 8845.

градах китайских», сколько знаю, не существует; нужно думать, что это—книга английского архитектора Чемберса «О садах китайских» в русском переводе, вышедшая двумя изданиями (в 1772 г.), из которой выдержка уже была приведена выше. Зачем Пушкину понадобились эти книги спустя полгода после того, как он получил отказ о прикомандировании его к русскому посольству в Китай? Что он искал в них?

«Запертый» в Болдине, осенью 1830 года Пушкин пишет Гончаровой: «Передо мной теперь—географическая карта; я смотрю, как бы дать крюку и приехать к вам через Кяхту или Архангельск?»[1] А в XI строфе «Осени» китайские богдыханы упомянуты поэтом среди «знакомцев давних», которых привыкла лелеять его мечта.

Стальные рыцари, угрюмые султаны,
Монахи, карлики, арапские цари,
Гречанки с четками, корсары, богдыханы,
Испанцы в епанчах, жиды, богатыри...

Это указание дало даже повод Н. И. Черняеву думать, что Пушкин «обдумывал в Болдине какое-то поэтическое произведение, в котором должны были играть роль богдыханы, и что мысль об этом произведении явилась у него задолго до осени 1830 года».[2] Я не решился бы утверждать этого, но для меня совершенно ясно, что 30-й и ближайший за ним год были порой напряженных дум Пушкина о Китае. Характерна деталь: в вариантах «элегического отрывка» («поедем, я готов») весьма знаменательны колебания Пушкина в выборе эпитета для Китая: в рукописи: «С п о к о й-

---

[1] Переписка, I, стр. 179.

[2] Н. И. Черняев. Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков, 1900, стр. 493—494. Автор цитированной выше заметки в „Нов. м времени" № 8832 также считает „вполне основательным заключение, что великий поэт не случайно читал книги о Китае, а интересовался ими, имея серьезные намерения сделать страну богдыханов темой художественного произведения".

ного Китая»; в «Московском Вестнике» 1830 г., где пьеса впервые увидела свет «недвижного Китая»; этот вариант находит себе соответствие в 40 стихе «Клеветникам России»—«До стен недвижного Китая»; и тем не менее в издании стих. Пушкина 1832 года эпитет в «Элегическом отрывке» вновь изменен. Там стоит: «К подножию-ль стены далекого Китая».[1] В этих колебаниях программа целого ненаписанного трактата Пушкина о Китае: здесь—та же острая и волнующая проблема Запада и Востока, которую ставил он себе десять лет назад, которая возникла сама собой в спорах его с Чаадаевым и которая им еще не была разрешена. Во втором «Философическом письме» Чаадаева (1829) Пушкин читал: «Из зрелища, представляемого Индией и Китаем, можно почерпнуть важные назидания. Благодаря этим странам мы являемся современниками мира, от которого вокруг нас остается только прах. По их судьбе мы можем узнать, что сталось бы с человечеством без того нового толчка, который был дан ему всемогущею рукою в другом месте. Заметьте, что Китай с незапамятных времен обладал тремя великими орудиями, которые, как говорят, всего более ускорили у нас процесс человеческого ума: компасом, книгопечатанием и порохом. Между тем, к чему они послужили ему? Совершили-ли китайцы кругосветное путешествие, открыли ли они новую часть света? Обладают ли они более обширной литературой, чем какою обладали мы до изобретения книгопечатания? В пагубном искусстве убивать были ли у них, как у нас, свои Фридрихи и Бонапарты?»[2] Итак, с точки зрения Чаадаева, Восток—неподвижность и застой, Запад—движение и энергия. Куда же стремиться?

К подножию-ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда-ли, наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец...

---

[1] А. С. Пушкин. полн. собр. соч. со сводом вариантов, под ред. В. Брюсова т. I, ч 1, м. 1920, стр. 305.

[2] П. Я. Чаадаев. Сочинения и письма, изд. Гершензона, т. II, стр. 140.

Китай только далек, как гласит последняя редакция отрывка; но вовсе неспокоен и неподвижен, как гласили первоначальные варианты... Вместо качественной оценки дана лишь его территориальная характеристика. «Люди Европы странно ошибаются на наш счет,—пишет Чаадаев в другом месте. Вот, к примеру, Жоффруа сообщает нам, что наше предназначение цивилизовать Азию. Прекрасно, но спросите его пожалуйста: где те народы Азии, которые были цивилизованы нами? Разве что мастодонты и остальное ископаемое население Сибири, насколько мне известно, это единственной род существ, выведенный нами из мрака, да и то благодаря Палласам и Фишерам. Они упорно уступают нам Восток, по какому инстинкту европейской национальности они оттесняют нас на восток, чтобы не встречать нас больше на Западе. Нам не следует попадаться на их невольную хитрость, постараемся сами открыть наше будущее»...[1]

Этот круг идей был близок Пушкину в те же годы, но он шел к иному решению проблемы. В «Дневнике» Пушкина (запись от 30 ноября 1833 года) отмечен разговор с английским поверенным в делах в Петербурге Блаем на балу у Бутурлина: «Долго-ли Вам распространяться (мы смотрели карту постепенного распространения России, составленную Бутурлиным)? Ваше место—Азия; там совершите вы достойный подвиг сивилизации» etc. с.[2] И. Пушкин все чаще и чаще обращается на Восток: его интересуют калмыцкие степи, Сибирь, Камчатка, Китай... «Китай, конечно, нагнал бы на Пушкина одну хандру,—замечает С. Шашков в статье о нем 1873 г.,—но Европа, по всей вероятности, повлияла бы совершенно иначе».[3] Не так посмотрел на дело Н. М. Ядринцев. В письме к Г. Н. Потанину 12 августа 1873 г. он писал: «Недавно вычитал из биографии Пушкина (в «Деле» Серафимовича), что Пушкин просился в Китайскую миссию. Автор биографии думает, что для развития Пушкина это, конечно, ничего бы не принесло. Но мне пришли другие мыс-

---

[1] П. Я. Чаадаев. Сочинения и письма, т. II. стр. 210.
[2] Дневник А. С. Пушкина, м. 1923
[3] С. Шашков, Пушкин и Лермонтов „Дело" 1873 № 7.

ли в голову. Наши поэты, как Пушкин и Лермонтов изъездили Крым и Кавказ, природа которых дала им повод много раз вдохновляться. Даже немец Беденатедт и тот под влиянием Кавказа был в объятиях восточной музы. Но ни один русский поэт не посетил настоящего Востока, Дальнего Востока хочу я сказать... Почему бы тут не вдохновиться самому Пушкину? История Востока, его будущее разве не возвышенная тема и для размышления, неужели все смотреть с точки зрения рутинного либерализма».[1] Ядринцев был прав. Пушкина влекло на Восток не по капризной прихоти воображения... Проблема Востока была для него в то же время и проблемой русской культуры; вот почему в предсмертные минуты он набрасывал, так и не дописанные, страницы по истории Камчатки...

VII

Есть еще один вопрос, на который мне в заключение хотелось бы обратить внимание. В старой пушкинской литературе, как только заходила речь о предполагавшейся поездке Пушкина в Китай, неизменно цитировался отрывок из «Записок» А. О. Смирновой (ч. I, стр. 45): «Я спросила его: неужели для его счастья необходимо видеть фарфоровую башню и великую стену? Что за идея смотреть китайских божков? Он уверил меня, что мечтает об этом с тех пор, как прочел «Китайскую (sic) сироту», в котором нет ничего китайского; ему хотелось бы написать китайскую драму, чтобы досадить тени Вольтера». Источник этот, как известно, уже издавна пользовался дурной славой: недавняя работа Л. Крестовой убедительно разрешила вопрос о подложности этих записок. Пора было бы сдать в архив и эту запись беседы с Пушкиным о Китае, приписанную А. О. Смирновой ее дочерью. Попутно Л. В. Крестова замечает, что источником воображаемых слов Пушкина были «Материалы» П. В. Анненкова, где О. Н. Смирнова «почерпнула

---

[1] Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину. Красноярск, 1918, стр. 64.

данные о желании Пушкина уехать в Китай»,[1] остальное же она дополнила собственным воображением. Характерно, что по наблюдению Н. Александрова «на всем протяжении «Записок» Смирновой Пушкин говорит о Вольтере в духе какого-то личного нерасположения, почти систематически издевается над ним»:[2] отсюда же, из той же ненависти к французской философии, которую должна была иметь фрейлина двора Николая I, вытекают и слова, приписанные Пушкину, о желании «досадить тени Вольтера», которые едва-ли бы он мог произнести даже в конце своей жизни, когда он далеко отошел от юношеского слепого преклонения перед Вольтером. И тем не менее следует признать, что «Китайский сирота» был той вольтеровской драмой, которая, действительно, привлекла к себе очень позднее внимание Пушкина.

В библиотеке Пушкина сохранилась книга французского синолога С. Жюльена: „Tschao—chi—kou—eul, ou L'Orphelin de la Chine. Drame en prose et en vers, accompagné des pièces historiques qui en ont fourni le sujet, de nouvelles et de poésies chinoises" Paris, 1834

Книга эта разрезана на три четверти (352 страницы). Что привлекло в ней Пушкина?

В предисловии (p. VII—VIII) С. Жюльен говорит, что драма, которую он предлагает читателям «озаглавлена по-китайски Tschao-chi-kou-eul-ta-pao-tcheou, т. е. «Маленький сиротка из семьи Чао, блестяще за себя отмщающий». Она заимствована из сорокатомного собрания под заглавием «Jouen-jin-pé-tchong» или «князья из рода Чингисхана, царствование в Китае с 1260 по 1341 год. Эта пьеса уже была в сокращении переведена в 1731 г. аббатом Premare'ом, жившим в Пекине, который в течение тридцати лет изучал там китайский язык. Он сообщил свою рукопись двум своим друзьям—du Velaër et du Brossai,—которые отправля-

---

[1] А. О. Смирнова. Записки, дневник, воспоминания, со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой. М. 1929, стр. 387.

[2] Н. Александров, А. О. Смирнова. „Историко-литературный сборник, посвященный Вс. И. Срезневскому". Лгр, 1924, стр. 310.

лись в Европу. Однако, последние лица, вместо того, чтобы передать ее Фурмону-старшему, отдали ее о. Дюгальду, который и напечатал ее в III томе своего «Описания Китая» (1735). Весь мир знает, что Вольтер заимствовал из этой драмы сюжет своего «Китайского сироты»; но при этом обыкновенно забывают, что перевод о. Премара дает лишь превратное представление о китайском оригинале. В этой драме, как и во всех других пьесах того же собрания, диалог перемешан с большим количеством песенок в стихах, поющихся под аккомпанемент музыки, которые зачастую полны возвышенности и пафоса»... «Если бы у Вольтера,— продолжает с. Жюльен,—был полный перевод этой китайской драмы, особенно, если бы он имел перед глазами исторические данные, которые мы публикуем вслед за ней, возможно, что он заимствовал бы новые вдохновения в своей лирической части и что он искусно воспользовался бы рассказом Sse-ma-tsien'a». Вслед за предисловием следуют «Pieces historiques sur l'Orphelin de la Chire (они не были разрезаны Пушкиным), а затем и текст самой драмы (p. 1—132).

Известно, впрочем, что перевод Премара дал Вольтеру немного. Тема китайской драмы—преступление и поздняя месть, требование единства времени делало затруднительным использование этого сюжета в классической драме: родившийся в первом акте ребенок, вырастая, отомщает за убитого отца. При этом невольно вспоминается «Гамлет», который не остался без влияния на обработку того же китайского сюжета у Метастазио («Eroe cinese»). Знакомясь с подлинной китайской драмой, Пушкин должен был заметить те значительные отступления, которые позволил себе Вольтер, и, с другой стороны, близость ее сюжета ко многим произведениям мировой литературы[1]: семья истреблена до последнего человека, лишь один сын спасен верным вассалом, который для этого чаще всего жертвует собственным

[1] См Zenker, Bocve-Amlethus, hiterhistor Forschuvgen, hrsq. v. Schick u. Woldlerg, Bd. 33; L. Iordan, Voltaire's Orphelin de le Chine in drei Acten, Dresden 1913, S. 80—81.

сыном. Спасенный мальчик вырастает и отомщает за обиду, нанесенную его роду. Пушкин тем охотнее мог заинтересоваться этим сюжетом, что он открывает некоторую аналогию истории Дм.. Самозванца.[1]

Можно думать, что книга С. Жюльена не случайно попала в библиотеку Пушкина. Вероятно, он прочел и приложенную к этой китайской драме небольшую аналогию китайской лирики. Никаких отзывов об этой книге в рукописях Пушкина не сохранилось. Не следует ли, однако, думать, что к каким-то разговорам Пушкина о подлинном «Китайском сироте», удержанным в какой-либо до нас недошедшей записи А. О. Смирновой относится фальсифицированный ее дочерью рассказ о замысле Пушкина написать «китайскую драму», чтобы «досадить тени Вольтера»? Вольтеровский «Китайский сирота», отозвавшийся у Пушкина и в «Борисе Годунове» и в «Евгении Онегине» (ср. слова Идаме Чингисхану в 4 сцене IV акта с последними словами Татьяны к Онегину) должен был вызвать его серьезное любопытство к китайской драме, изданной С.-Жюльеном. Китайской литературой начинала заинтересовываться и русская литература. Разговоры Пушкина на эту тему (даже в отсутствие Иакинфа) могли запомниться и в высшем свете.

Однако, О. Н. Смирнова, развивая диалог своей матери с Пушкиным о Китае, не поняла, что в 30-х годах Пушкин давно преодолел «китайщину» своей юности; в Китай он поехал бы не затем, чтобы смотреть фарфоровые башни и китайские безделушки. От пряной экзотики XVIII века он поднялся тогда до подлинного постижения Востока, преодолел уже то понимание его, которое шло к нему из западной литературы.

Через сто лет Китай ответил Пушкину пробудившимся интересом к его творчеству. «В Китае XIX века,—как замечает авторитетный синолог,—мало знали русскую литературу. Переводы с русского шли в последнюю очередь, и до

---

[1] Ак. В. М. Алексеев, русские писатели в китайских переводах „Восток", кн. I, п. 1922, стр. 75.

позднейшего времени едва ли даже существовали, или если делались, то не с оригинала, а с английских переводов». Неожиданный перелом наступил в XX веке. В 1920 г. в журнале «Новый Китай» (Синь-Чжун-Го) было объявлено о выходе в свет сборника переводов ряда произведений русских писателей, начиная от Пушкина или Пу-си-цзинь, как это имя звучит по пекинскому произношению. В переводе Шэнь-Ина вышли «Станционный смотритель» и «Снег-сват», в котором нетрудно узнать «Метель».[1]

[1] Ак. В. М. Алексеев. Русские писатели в китайских переводах „Восток", кн. I, п. 1922, стр. 75.

В. И. Селинов

ПРОШЛОЕ КАМЧАТКИ В КРУГЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ПУШКИНА

Не браните меня,—писал Пушкин А. А. Фукс 19 октября 1834 г.—«Поэзия, кажется, для меня иссякла, я весь в прозе, да еще в какой»... Эти слова имеют в виду появление в свет «Истории Пугачевского бунта», по адресу которой поэт, шутя, говорит тут же своей корреспондентке: «В обмен вымыслов, исполненных прелести, ума и чувствительности, надеюсь на-днях доставить вам отвратительно ужасную историю Пугачева». К этому же относятся и разные заметки Пушкина, касающиеся истории Петра Великого. Письма его этой поры в большой степени заняты стремлением уйти поглубже в исследуемые исторические события, охватить полнее первоисточники. Книга о Пугачеве уже вышла, а Пушкин просит гр. Бенкендорфа «о высочайшем дозволении прочесть Пугачевское дело, находящееся в архиве», и, можно сказать, до самой смерти продолжает заниматься Пугачевым.

Исторический интерес Пушкина как будто вполне определился: в кругу его внимания на одном полюсе—самодержавие, а на другом—активная народная сила, вступающая с самодержавием в конфликт.

Еще раньше, вглядываясь в вождей народных движений далекого и недавнего прошлого России, Пушкин писал брату Льву из Михайловского в 1824 г.: «Вечером слушаю

сказки и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки. Каждая есть поэма. Ах, боже мой, чуть не забыл. Вот тебе задача: историческое, сухое известие о Стеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории». Тогда же, набрасывая «Воображаемый разговор с Александром I», Пушкин заставляет царя в конце беседы рассердиться и сослать поэта в Сибирь, где бы «он написал поэму Ермак или Кочум»... Очевидно, фигура Ермака, овеянная удалью и героизмом, вставала из сибирских глубин для поэта, как родственная Разину.

Пугачев, Разин, Ермак—вот сильные личности, герои, вышедшие не из среды дворянства, а из удалой вольницы, которую обнимало одно общее имя—казачество. Временами своей смелостью оно потрясало трон царей (Разин, Пугачев), а временами своей удалью оказывало самодержавию услуги (Ермак). Однако, и в том и в другом случае казачество искало свободы для широкого применения своих необузданных сил. Вождям, выходившим из этой среды и действовавшим в ее интересах, нельзя отказать в цельности характера, в силе и героизме, которые покоряли себе массу и вели ее за собою. От этих качеств так далеки черты выхоленных Онегиных, пораженных недугом пассивности и рефлексии.

Провал декабрьского восстания мог только укреплять убеждение в том, что дворянство неспособно на решительное выступление, на сильные поступки в борьбе за свободу.

Пушкин, выдвигавший свое шестисотлетнее дворянство, когда ему нужно было отстаивать себя против чиновной знати, толпившейся у трона, легко зачислял себя в tiers état. В этом отношении очень интересна его запись в дневнике 22 дек. 1834 г.: «Что касается до tiers état—что же значит наше старинное дворянство с имениями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с ненавистью против аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатство? Этакой страшной стихии мятежей нет и в Европе». О себе Пушкин говорил:

Я Пушкин, просто, не Мусин,
Я сам большой, не царедворец,
Я грамотей, я мещанин,—

и, как известно, часто возвращался к этой теме...

Отсюда нетрудно понять, почему Пушкина, хорошо оценившего опору самодержавия, влекли к себе характеры и типы русской жизни, далекие от чиновной аристократии, выросшей на угодничестве власти, безыдейной и пустой. Он с симпатией останавливался на честных натурах из среды мелкого дворянства (Гринев, молодой Дубровский), как бы ни были противоположны их отношения к существующему порядку, но с такою же любовью находил он цельные, честные натуры и в среде, антагонистической дворянству, где для последнего были только злодеи (Архип-кузнец, Пугачев).

Среда казацкой вольницы, с которой Пушкин хорошо познакомился при изучении пугачевского дела, влекла его к себе, так как здесь он нашел сильные характеры и доминирующую над всем волю к действию.

Но и на этом пути в казачестве, диком и жестоком, бил через край источник могучей энергии.

И вот в руках Пушкина оказывается двухтомная работа Крашенинникова «Описание земли Камчатки». Мы не имеем данных для суждения о том, при каких обстоятельствах он ее приобрел. Но оставленный поэтом обстоятельный конспект этого труда позволяет сделать заключение, что книги Крашенинникова далеко не случайно остановили на себе его внимание. Любопытно подчеркнуть, что наряду с этой работой в библиотеке Пушкина находились еще сочинения Cochrane'a[1] и Беньовский (Benyowsky),[2] первая—на английском, а вторая—на французском языке, трактующие о пребывании этих лиц на Камчатке.

Правда, Кочрэн был современником Пушкина и его посещение Камчатки в 1821—22 гг. после длинного пешеходного путешествия, предпринятого им из Петербурга, дает

---

[1] См. о нем в Dictionary of national biography.
[2] См. о нем в Сибирской советской энциклопедии.

не тот материал, который мог интересовать поэта: полуостров уже давно находился под твердой губернаторской властью. Сам Кочрэн, давая краткую историческую справку о Камчатке, упоминает о последнем крупном восстании здесь в 1731 г. «С этого времени—продолжает он[1]—«полуостров не волновали особенно ни заговоры, ни убийства». Иное дело мемуары Беньовского, сосланного в 1769 г. на Камчатку, как участника в польской конференции. Авантюрист по натуре, он организует здесь заговор, в который вовлекает ссыльных поляков и русских, восстает против коменданта Нилова и, после его убийства, организует на захваченном корабле вместе с участниками восстания побег, увенчавшийся полным успехом. Личность Беньовского по своему характеру отчасти перекликалась с аналогичными главарями из казаков, за деятельностью которых Пушкин внимательно проследил шаг за шагом, конспектируя труд Крашенинникова.

На этом мы и желаем сейчас остановить внимание читателя, чтобы решить вопрос, почему вдруг в поле интересов Пушкина оказалась столь далекая и малоизвестная Камчатка?

Предварительно кратко ознакомимся с трудом Крашенинникова, т. к. только сличение этого труда с конспектом Пушкина, озаглавленным словами «Камчатка» и «Камчатские дела», может пролить свет на интерес к ним поэта.

Крашенинников, лично посетивший Камчатку, озаглавил свою обстоятельную работу так: «Описание земли Камчатки». Ему пришлось пробыть на Камчатке, как участнику экспедиции, организованной Академией Наук, с 1736 по 1741 г. Весь первый том «Описания» заключает в себе материал географический, чрезвычайно обстоятельно поданный. Второй том делится на две части: в первой из них говорится «о Камчатских народах» (стр. 1—188), а во второй—«о по-

---

[1] Narrative of a pedestrian journey through Russia and Siberian Tartary London. 1825 T. II. P. 47.

корении Камчатки, о бывших в разные времена бунтах, изменах, и о нынешнем состоянии тамошних российских острогов» (стр. 189—294).

Если теперь мы обратимся к пушкинскому конспекту, то нам сразу же бросится в глаза то обстоятельство, что интерес писателя сосредоточивается преимущественно на самой маленькой последней части работы Крашенинникова. Конспект ее носит название «Камчатские дела».

Пушкин чрезвычайно подробно следит за всеми перипетиями на Камчатке, связанными с завоевательными устремлениями казаков, борьбой и восстаниями против них туземцев.

Возьмем для сравнения один из отрывков.

У Крашенинникова читаем:

«Оный Атласов в 7203 году прислан был из Якутска прикащиком в Андырский острог, и велено ему было, так как прочим прикащикам, ясак сбирать с присудных к Андырску коряк и юкагирей, и стараться о приписке вновь людей, и о приведении их под самодержавную государеву руку. В 7204 году послан от него был к апутским корякам Лука Морозко в 16 человеках за ясатным сбором, который по возвращении своем объявил, что он не только был у оных коряк, но и до Камчатки не доходил токмо за 4 дня, и в том походе взял он Камчатский острожек, а на погроме получил неведомо какие письма, которые объявил Атласову».

Пушкин конспектирует:

§ 5. В 7203 (1695) Владимир Атласов прислан был от якутского приказчика (из Якутска) в Анадырский острог собирать ясак с присудных (приписанных) к Анадырску коряк и юкагирей.

§ 6. В следующий 204 (год) Атласов послал к апутским корякам Луку Морозко с шестнадцатью человеками за ясаком. Оный Морозко не дошел до Камчатки токмо 4 днями. Взял он между тем Камчатский острожек и в Погроме получил неведомо какие письма, которые и представил Атласову».

Нам кажется, достаточно привести эти отрывки для сопоставления, чтобы видеть, как близок пушкинский конспект к подлиннику. И так на протяжении всего описания «Камчатских дел».

Интересно вместе с тем одно дополнение к сухому конспектированию вышеприведенного образца. Следя за всеми событиями, связанными с деятельностью приказчика казака Атласова, и проконспектировав обстоятельства, при которых он был лишен жизни, Пушкин, отступая от оригинала, восклицает: «Так погиб Камчатский Ермак». Далее в конспекте подробно отмечаются события, связанные с бунтом камчадалов против приказчиков и казаков в 1731 г., и жестокое его подавление притеснителями. Конспект заканчивается упоминанием о том, что после ликвидации восстания на Камчатку прибыл майор Мерлин, начались суд и расправа, закончившиеся как повешением казаков, виновников грабежей и убийств среди местного населения, так и камчадалов из числа главных заговорщиков. Отмечается и следующее мероприятие, направленное против местных казаков: «камчадалы, бывшие у них в крепостной неволе, отпущены на волю, и впредь запрещено их кабалить».

Конец второго тома, начиная от 5-ой главы (стр. 236—294), занятый вопросами благоустройства (остроги, т. е укрепленные селения, где жили казаки, пути сообщения, торговля на новых началах), оставлен был Пушкиным без конспектирования.

Итак, если в конспект Пушкина попала Камчатка с ее географическими и этнографическими особенностями, то данные этого рода играли в намерениях Пушкина, несомненно, подчиненную роль делам камчатским. Это следует и из характера конспектирования первого и второго тома, и из количества страниц, уделенных тому и другому материалу.

В самом деле, на весь материал до исторической части во втором томе Пушкиным затрачено, считая страницами (сочинения Пушкина т. VI, ГИХЛ), всего 8 страниц, тогда

как на «Дела камчатские» употреблено было 18 страниц.[1] При этом нужно принять во внимание, что для первой части конспекта перед его автором было 587 страниц, а для второй—всего 47 страниц труда Крашенинникова.

С какою же целью Пушкин так старательно вникал в дела камчатские?

К счастью до нас дошел обрывок его мыслей, который, как нам кажется, может дать определенный ответ на поставленный вопрос.

В собрании сочинений Пушкина ГИХЛ'а приведен небольшой отрывок под заглавием «План и набросок начала статьи о Камчатке». Приводим его полностью: «Сибирь уже была покорена. Приказчики услыхали о Камчатке. Описание Камчатки. Жители оной.—Федот кочевщик.—Атласов, завоеватель Камчатки». В своем конспекте Пушкин подробно останавливается на первом из русских, посетивших Камчатку Федоте Алексееве, погибшем во время своих передвижений по Камчатке от рук местного населения. Здесь Пушкин называет его «кочевщиком». Это должно было подчеркнуть, что ему нигде на Камчатке утвердиться не удалось. Рассматриваемый план заканчивается словами «Атласов, завоеватель Камчатки».

Если принять во внимание, что 30-ые годы, особенно со времени написания Пушкиным «истории Пугачева», были временем, когда писатель все глубже и глубже уходил в прозу и искал в прошлом России ответов на волновавшие его вопросы, связанные с поисками сильных и цельных натур, то и камчатские дела должны были оказаться

---

[1] В собрании сочинений Пушкина ГИХЛ'а после § 61 пушкинского конспекта „Камчатские дела" поставлены точки, за которыми идет по Пушкину § 71. В примечании дана такая редакторская пометка: „Текст заметок, составивших §§ 62—70, до нас не дошел. У Крашенинникова на стр. 220 второго тома находится и тот материал, который Пушкин помечает в § 61, и тот, который мы находим в § 71". Таким образом, непонятно примечание редактора, не посчитавшего необходимым заглянуть в труд Крашенинникова. В собрании сочинений Пушкина, издания Брокгауз—Ефрона, исправлена нумерация §§, вероятно, по рассеянности нарушенная Пушкиным.

подходящими к общему плану его работ. В дополнение к уже хорошо знакомым фигурам Ермака, Разина, Пугачева вырисовывалась из прошлого на окраине Азиатской России новая личность все той же казацкой вольницы со всеми типичными для нее чертами: неограниченной энергией, цельностью натуры, смелостью и т. д. На этой личности, можно думать, Пушкин и хотел остановиться. Она должна была стать в центре той статьи, план которой мы привели выше. Недаром в «Камчатских делах» Пушкин, отступая от конспектирования, в момент описания гибели Атласова, как мы уже отмечали, восклицает: «Так погиб камчатский Ермак».

Следует обратить внимание еще и вот на что.

Помимо приведенного «плана» сохранился еще один отрывок, являющийся как бы началом статьи по этому плану. В этом отрывке автор явно симпатизирует смельчакам, добравшимся в конце концов до крайних пределов Сибири.

«Завоевание Сибири,—читаем в этом отрывке,—совершалось постепенно... Уже все от Лены до Андыри реки, впадающей в Ледовитое море, было открыто казакам, и дикие племена, живущие на их берегах или кочующие по тундрам северным, были уже покорены с м е л ы м и[1] сподвижниками Ермака». Далее идут незаконченные фразы: «Явились с м е л ь ч а к и, сквозь н е и м о в е р н ы е п р е п я т с т в и я и о п а с н о с т и, устремившиеся посреди враждебных и диких племен... приводили (их) под высокую царскую руку, налагали на их ясак и б е с с т р а ш н о селились между ими в своих жалких острожках».

Итак мы видим, какими сторонами камчатских дел заинтересовался Пушкин. Бесстрашные смельчаки, действовавшие среди неимоверных препятствий и опасностей и доставившие России необъятные пространства Сибири, остановили на себе внимание писателя. Такую жизнь могли вести не расслабленные натуры, а цельные, полные жизнедеятельности. Из такой среды могли выходить Разины и Ермаки.

---

[1] Здесь и ниже разрядка наша.

Для Пушкина, резко противопоставлявшего себя в эту пору так называемому обществу, которое сливалось с понятием аристократии, в открытой им народной стихии открывались те стороны русской жизни, которые увлекали его своей силой и значимостью, а, главное, своею цельностью.

В этом отношении показателен черновик письма к Чаадаеву, относящийся к рассматриваемому периоду. Письмо писалось в октябре 1836 года. Здесь мы читаем: „Ce quil falloit dire et ce que vou sa vez dit—c'est que notre sociét actuelle est aussi méprisable que stupide ... que cette absencé d'opinion publique, cette indifference pour tout ce, qui est devoir, justice, droit, verilé; pour tout ce qui n'est pas necessitét, ce mépris cynique pour la pencée et la dignité de l'homme".

Такое общество в глазах Пушкина вряд ли представляло собою какую-либо историческую ценность и вряд ли было способно на какой-либо подвиг, просто яркое действие.

Проанализированные нами записи Пушкина, относящиеся к 1836—37 гг., характерны именно тем, что поэт в самый тяжкий период своей жизни, незадолго до трагической кончины, находил огромный интерес в знакомстве с теми сторонами русского быта в прошлом, которые были пронизаны духом казачьей вольницы, откуда вышли сильные характеры, могучие натуры, как Ермак, Разин, Пугачев, Атласов и друг.

Кто знает. Может быть, ничтожный отрывок, начинающийся словами «Завоевание Сибири совершалось постепенно», был в плане задуманной исторической повести, где Атласову должна была быть отведена роль героя.

Все это, конечно, гадательно, но не лишено некоторого основания, если мы вспомним, что незадолго до этого «Капитанская дочка» родилась из «Истории Пугачева».

Л. Б. Модзалевский

ПУШКИН И К. Т. ХЛЕБНИКОВ

В пушкинском Доме Академии Наук СССР, в архиве Пушкина находится следующее, еще неопубликованное письмо:

«Милостивый Государь Александр Сергеевич.

Один из здешних литераторов, будучи у меня в квартире, прочитал писанное мною для себя введение в историческое обозрение Российских владений в Америке, и не знаю почему, одобрив его, советовал напечатать в Вашем или другом журнале, принимая на себя труд передать мою рукопись. Не привыкши к посредничеству, я решился представить Вам, Милостивый Государь, эту записку и если Вы удостоите ее прочесть и найдете достойною поместить в Вашем журнале, тогда предоставляю ее в Ваше полное распоряжение с покорнейшею просьбою поправить неисправный слог человека, не готовившегося быть писателем и почти полудикаря. Если бы случилось, что некоторые мысли мои будут противны Вашим, тогда их можно уничтожить, но буде Вам угодно будет на что-либо пояснения, тогда по первой повестке за особенную честь себе поставлю явиться к Вам, или куда назначите, для ответа.

Извините меня, Милостивый Государь, что осмелился беспокоить Вас вызовом моим с представлением ничтожного маранья. Мое дело было и есть удивляться Вашим образцовым произведениям, с которыми ознакомился, прожи-

вая в новом свете, и которые обязали меня быть к Вам всегда с полным уважением и преданностию, Милостивый государь, покорнейшим слугой

Января 7 дня 1837 года. Кирилл Хлебников».

Об авторе письма К. Т. Хлебникове сохранилось мало биографических данных. Кирилл Тимофеевич Хлебников (род. в 1776 г., ум. 11 апреля 1838 г.) происходил из именитого рода сибирских граждан и был сыном Кунгурского городового головы Тимофея Ивановича Хлебникова (ум. 9 октября 1790 г.). Единственным и притом обстоятельным источником для его биографии является некролог К. Т. Хлебникова, составленный Н. А. Полевым и напечатанный в «Сыне Отечества» 1838 г. т. 4, отд. VI, стр. 1—7; поэтому мы и заимствуем из него необходимые биографические сведения. 24 лет Хлебников «согласился вступить в число искателей приключений, избираемых в Американские колонии по всей России и по Сибири», и в декабре 1800 года отправился в Иркутск с комиссионером Российско-Американской Компании Горновским. Здесь «он отличился между всеми своими товарищами и, по приезде в Иркутск, оставлен был при тамошней конторе, а потом отправился в Охотск в 1801 году. «В Охотске он нанялся быть приказчиком Компании в Ижичинске, и был отправлен туда морем. «Он объехал потом на оленях и собаках Тунгусские и Коряцкие селения, познакомился с дикарями, морем воротился обратно в Охотск, заключил договор еще на год, а в 1803 году, бывши опять в Охотске, условился быть приказчиком Компании в Камчатке». Пробыл он там 10 лет и с 1808 г. имел звание компанейского комиссионера. «Только в 1807 г. приходил он на время в Охотск, и все время посвящал служению ревностному и тяжкому, более десяти раз объездивши всю Камчатку, узнавши вполне сей отдаленный край, и несколько раз подвергая опасности жизнь свою». «Отличаясь усердием, он успел приобресть знакомство и дружеское расположение всех, и особенно начальника первой экспедиции русских кораблей кругом све-

та, И. Ф. Крузенштерна (в 1805 году...), а также бывшего при экспедиции естествоиспытателя (и академика Г. И.) Лангсдорфа... и известных моряков Хвостова и Давыдова». «Здоровье К. Т. так было расстроено трудами, что он отказался от должности, выехал в 1813 году в Иркутск, где и пробыл весь 1814 год. Но тогда наступила важнейшая эпоха его жизни. Он был вызван в Петербург, и ему предложили место правителя главной конторы в Америке, по новому образованию управления колониями, вследствие просьбы об увольнении престарелого А. А. Баранова. Любознанию и деятельности К. Т. открывалось теперь новое поприще; он не отказался, и в сентябре 1815 года отправился кругом света на корабле «Кутузов», бывшем под начальством капитана Гагемейстера. Благополучно достигнув Ситхи, и приняв после Баранова должность, шестнадцать лет продолжал он свое пребывание в северо-западных наших колониях. Не будем входить в подробности трудов его по управлению вверенной ему части: соблюдая и умножая пользы Компании, он умел заставить начальников любить, подчиненных уважать его, иностранцев, имевших с ним сношения, быть его друзьями. Несколько раз плавал он в Калифорнию, Мексику, Перу, Чили, обозрел, подробно узнал всю Русскую Америку, и едва ли кто имел о тамошних странах понятия столь верные, опытные и обширные. Он приготовил Компании людей достойных по всем частям управления, отличался кротостью и снисхождением в делах с дикарями, и в то же время неутомимо трудился над собственным образованием: выучился испанскому и английскому языкам, занимался естествознанием, читал, поучался беседою умных и опытных людей и если был лишен европейского общества и тех пособий, какие дает нам общественная жизнь в Европе, тем драгоценнее были для него беседы моряков, путешествователей, и изучение Американской природы, первобытного состояния диких ее обитателей, и странного состояния Америки Мексиканской и Южной, где беспрерывно имел он сношения с северо-американцами и англичанами. Расстроенное трудами и лишениями всякого рода, в течение тридцати лет, здоровье, и приобретенное

честным трудом независимое состояние, которое могло дать ему тихий приют и довольство на старости лет в отечестве, заставило К. Т. желать и просить возвращения в Россию. 30 ноября 1832 года он отправился из Ситхи на военном шлюпе «Америка» и 13 сентября 1833 года прибыл благополучно в Кронштадт. Его встретили здесь с особенным уважением. Вместо прежнего решения удалиться на родину, К. Т. остался в Петербурге. Ум его, обширная опытность, доказанная честность заставили Компанию предложить ему должность правителя дел, а в 1836 году избран он был в число директоров Компании. «В этой должности оставался он до самой смерти, последовавшей 14 апреля 1838 года. Во время пребывания своего в Америке в 1824 году Хлебников переписывался с декабристом Д. И. Завалишиным (см. указание на письма последнего к Хлебникову в архиве Н. Ф. Дубровина в Архиве Академии Наук СССР «Памяти декабристов», сборник материалов, т. III, Л. 1926, стр. 230). После ареста Д. И. Завалишина по декабрьскому делу в бумагах его была найдена копия с письма его к Хлебникову 14 июля 1824 г. из Охотска в Ситху. Это послужило основанием для занесения К. Т. Хлебникова в «Алфавит декабристов», в котором значится: «Оно (т. е. письмо Завалишина) написано в духе предсказания о приближающемся времени величия и славы его, Завалишина, когда все с гордостью говорить станут, что знали его, будут угадывать и объяснять тайные мысли и непонятность дотоле его поведения... При допросе в Комиссии Завалишин отвечал, что ответа от Хлебникова не имел и что писал сие будто по поводу намерения учредить Орден восстановления, на что испрашивал позволения покойного государя». В отношении Хлебникова «Комиссия оставила сие без внимания» («Алфавит декабристов» под ред. и с примеч. С. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Л. 1925, стр. 199). «Несмотря на всегдашнюю скромность и тихую уединенную жизнь»—пишет Н. А. Полевой («Сын Отечества» 1838, ч. 4, отд. 6, стр. 4—5) «просвещенные и образованные люди, моряки, литераторы, ученые, знатные особы, русские и иностранные купцы и негоцианты составляли всегдашнее об-

щество почтенного К. Т., любили его, любили беседу с ним и простое, радушное его гостеприимство. Забывая труды свои, безпрерывные занятия, жестокие ревматические припадки—следствие отдаленных и опасных путешествий—К. Т. был истинно-русским хлебосолом, и любезным, просвещенным собеседником. Досуг посвящал он чтению, науке и литературным занятиям... Обширное чтение, наблюдение и вкус делали К. Т. умным, приятным писателем, хотя он не получил в юности никакого образования, и никогда не готовился к литературным занятиям... Но скромность К. Т. была такова, что он уступал только самой неотступной просьбе других, и сам никогда не хотел ничего печатать». Первым, нам известным, трудом его были «Записки о Калифорнии, составленные К. Хлебниковым»; они были напечатаны в «Сыне Отечества» 1829 года, ч. II, стр. 208—227, 276—288, 336—347, 400—410 и ч. III, стр. 25—35; эта работа была посвящена историко-географическому описанию Калифорнии по наблюдениям самого автора в связи с действиями Российско-Американской Компании; действия последней живо интересовали Хлебникова и он в следующие годы дал ряд работ, посвященных как самой компании в ее прошлом и настоящем, так и отдельным деятелям ее. Так в 1835 году он напечатал «Жизнеописание А. А. Баранова» (СПб. 1835 г.), одного из больших деятелей компании; краткая биография Баранова была написана им и для «Энциклопедического Лексикона», издававшегося А. А. Плюшаром с 1835 года (т. IV, стр. 302—304), деятельным сотрудником коей Хлебников был до своей смерти и в которой напечатал много статей (напр. «Байдара», «Байдарка», т. IV, стр. 101—102; «Берингово море», «Берингов залив», «Берингов остров», т. V, стр. 383—384 и мн. др. под инициалами К. Х. и К. Т. Х.). В «Сыне Отечества» (1836 г. ч. 175, стр. 299—324, 345—373 и 413—428) напечатаны воспоминания его под заглавием «Взгляд на полвека моей жизни (Из записок К. Т. Х. (лебникова)», отражающие путешествия, приключения и работу автора и много географических, зоологических и проч. сведений о местностях им виденных. В 1838 г. в «Северной Пчеле» напечатаны «Отрывки из записок русского путе-

шественника (К. Х.) в Бразилии, в 1833 году», (№ 56, стр. 223—224 и № 57, стр. 227—228), а в «Сыне Отечества» 1838 г. (т. 2, отд. 3, стр. 66—83) напечатана им биография одного из ранних деятелей Российско-Американской Компании Г. И. Шелехова под заглавием «Григорий Иванович Шелехов». Исторические труды Хлебникова были оценены Академией Наук, которая в заседаниях своих 15 декабря (§ 679) и 22 декабря (§ 709) избрала его в свои члены-корреспонденты на основании представления о нем академиков Ф. Ф. Брандта и Э. Х. Ленца 15 декабря 1837 года. В Архиве Академии Наук СССР хранится несколько писем его к акад. Ф. Ф. Брандту, через которого Хлебников пересылал Академии в дар рукописи и предметы по этнографии и зоологии; например, им присланы в Академию: кусок шкуры кита и две китайские рукописи, 2 парадных одежды (habits) тунгусов с берегов Охотского моря, множество парадных костюмов с Алеутских островов, шкуру белой выдры с берегов Сев.-Западн. Америки и множество раковин, полный монгольский костюм и проч. (Архив Ак. Наук СССР протоколы 24 марта 1837 § 197, 2 июня 1837, § 354, 26 января 1838 § 44; 13 апреля 1838, § 185; 20 апреля 1833, § 214 и протокольные бумаги, 2 июня 1837, § 354, 13 апреля 1838, § 186). В своем представлении акад. Ф. Ф. Брандт и Э. Х. Ленц писали (перевод с немецкого): «Кроме того, что наши музеи должны быть благодарны г. Хлебникову за разнообразные обогащения и что конференция при распределении последних, вероятно, часто будет прибегать к его помощи,—он известен также на литературном поприще своими трудами, относящимися к положению русских колоний, где он провел 15 лет своей жизни. Упоминаем, между прочим, составленное им жизнеописание Баранова, основателя этих колоний и его многочисленные статьи в «Сыне Отечества» и в «Энциклопедическом Лексиконе», где все относящееся к колониям, появляющееся вновь или становящееся известным по другим источникам, обычно исходит от него, хотя и не всегда упоминается его имя» (архив А. Н. Протокольные бумаги 1837 г. § 697). Необходимо отметить также роль Хлебникова в насаждении просвещения

в родном его городе Кунгуре Пермской губ. К. Т. Хлебников оставил после смерти завещание, в котором писал: «Русские и иностранные книги по каталогу, как наличные так и подписные по билетам, карты, картины, трубу зрительную, микроскопы, прошу переслать (как удобнее) к Кунгурскому градскому голове для основания Публичной Библиотеки на правах, как обыкновенно оные учреждаются. О чем однакоже прошу предварительно испросить соизволения Г. Министра Народного Просвещения, предоставя ему полный список с каталога и, если ему будет угодно какие-нибудь исключить и непересылать—таковые предоставить его распоряжению». («Пермские губернские ведомости, часть неофициальная 1863 г., № 19, стр. 85—86, перепечатано в газете «Наше Время» 25 мая 1863 г. № 98, стр. 384—385). Неизвестный корреспондент «Пермских Губернских Ведомостей» сообщил, что «Градское общество, получив уведомление от Главной Конторы Российско-Американской Компании о распоряжении покойного, испросило через Губернатора разрешение министра на открытие библиотеки. Библиотека состояла из 439 названий и в них 1267 томов сочинений русских и 115 иностранных, на сумму приблизительно 1993 руб. 97¼ коп. сер.». В 1840 г., 16 апреля в помещении здания Городской Думы библиотека была торжественно открыта, но, как констатирует тот-же корреспондент, к 1863 году, она пришла уже в упадок, книги разрознены, публика совсем ее не посещала и она стояла в запыленных шкафах, никем не охраняемая, подвергаясь всяким случайностям. Так пришло в упадок одно из культурных начинаний К. Т. Хлебникова (ibid., стр. 85—86). «Мы невполне изобразили бы человека, столь любимого и сожалеемого нами», пишет Н. А. Полевой в своем некрологе К. Т. Хлебникова в «Сыне Отечества»,—«если бы к описанию ума, его образования, его любезного характера не присовокупили нескольких слов о нравственных свойствах души его. Строгая честность всегда руководствовала его поступками. Никогда не изменял он другому, раз полюбивши человека; не терпел злоречия—молчал, если сказать было нечего, и всегда извинял проступок и слабость других,

строгий только к самому себе. Веселый и разговорчивый в дружеской беседе, он был застенчив и молчалив в большом обществе, особливо между незнакомыми, но поучительны бывали разговоры и рассказы его, когда заходила речь о любимых его предметах—морских путешествиях, Америке, Мексике, Перу, Чили, бывалой жизни и трудностях ее в Сибири, Камчатке, Америке и на морях. К. Т. помнил добро, сделанное ему другими, сам не жалел ничего на добро, и только после смерти открылись его благодеяния и пособия многим. Бедный и скорбящий находили в нем друга и утешителя. Потеря К. Т. едва-ли может замениться кем-либо в настоящее время для нашей Американской Компании. Так незаменима потеря его и для друзей. Странная судьба человека: родиться в Сибири, десять лет жить в Камчатке, шестнадцать в Америке, два раза обойти кругом света, быть среди стольких бурь и бедствий на земле и на суше и—умереть тихо и безболезненно, одиноким и безродным, но в объятиях дружбы, с приветом всех добрых людей, кто только знал его, но в то время, когда жизнь его могла бы наиболее быть полезна отечеству, вместе с тем вознаграждая спокойствием и наслаждением за прошедшие скорби и тяжкие опыты... («Сын Отечества» 1838, ч. 4, отд. VI, стр. 6—7). К. А. Полевой в своих записках так говорит об отношениях К. Т. Хлебникова и своего брата Н. А. Полевого: «Он говорил мне с большим горем о смерти К. Т. Хлебникова, незадолго умершего в звании директора российско-американской компании, и оказывавшего горячее расположение к моему брату. Я не знал Хлебникова, некогда бывшего приказчиком при моем отце по делам Сибири и в Америке. Желаю верить, что этот умный и при том одинокий человек был столько благодарен, что помнил нашего отца и полюбил искренно Николая Алексеевича». («Исторический Вестник» 1887 г. № 9, стр. 539). Как ни странно, но в труде Н. Тихменева «Историческое обозрение Российско-Американской Компании и действий ее до настоящего времени», ч. I, СПб. 1861 и ч. II, СПб. 1863, К. Т. Хлебникову совсем не отведено места, он лишь случайно упоминается в 1 части на стр. 133, 243, 245 и, может быть, во II части, на

стр. 246 и след.) (фамилия скрыта под буквой Х.). Краткие сообщения о смерти К. Т. Хлебникова появились в «Сыне Отечества» 1838 г. т. 3, отд. 5, стр. 51 и в «Журнале Министерства Народного Просвещения» 1838 г. № 9, сентябрь, стр. 740. Выдержки из некролога Н. А. Полевого появились еще в «Северной Пчеле» 1833 г. № 174, стр. 695—696 и позже в издании Д. Смышляева: «Источники и пособия для изучения пермского края», Пермь, 1876 г., стр. 92—99 и в «Календаре Пермской губернии» на 1893 г., стр. 13—23, изданном под ред. Д. Смышляева. Биографии К. Т. Хлебникова, основанные также на этом некрологе, напечатаны: в статье А. А. Дмитриева: «Материалы для биографий памятных деятелей из Пермских уроженцев» («Труды Пермской ученой Архивной Комиссии, в. V, II, 1902, стр. 71—74); А. И. Ловягина—в «Русском Биографическом Словаре» том Фабер-Цявловский, СПб. 1901, стр. 343: в «Справочном Энциклопедическом Словаре» К. Края, СПб. 1848, т. XI, стр. 515—516 и в «Алфавите декабристов» под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Л. 1925, стр. 415. Упоминания о нем см. в «Записках К. А. Полевого» («Исторический Вестник» 1887 г. № 9, стр. 510), у Б. Л. Модзалевского «Список членов императорской Академии Наук», СПб. 1908, стр. 194 и в «Остафьевском Архиве князей Вяземских», под ред. В. И. Саитова, т. III, стр.694.

Статья К. Т. Хлебникова «Введение в историческое обозрение Российских владений в Америке», предложенная им к напечатанию в «Современнике», в нем не появлялась (см. «указатель содержания «Современника» за десятилетие с 1835-го по 1845-й год». СПб. 1846). Так как письмо Хлебникова к Пушкину написано за три недели до смерти последнего, вряд-ли Пушкин успел что-либо сделать. В некрологе Хлебникова, написанном Н. А. Полевым («Сын Отечества» 1838 г. ч. 4, отд. VI, стр. 5) отмечено, что «вероятно, в бумагах его найдется много любопытного и неизвестного. Мы видели у него богатые запасы сведений по истории Русской Америки и Русских путешествий, которых не находил он времени привести в порядок. Записки о своих собственных путешествиях составляли у К. Т. большие портфели». Сре-

ди вышеперечисленных бумаг, вероятно, была и интересующая нас рукопись, присланная после смерти Пушкина, ему обратно. Сочинения Хлебникова под заглавием «Введение в историческое обозрение Российских владений в Америке» в печати нам не встретились. Полагаем, что речь идет о «Записках» его, которые, по словам Ф. Ф. Веселого, рецензента книги П. Тихменева «Образование Российско-Американской Компании и действий ее до настоящего времени ч. I, СПб. 1861»,—«находились в главном управлении компании, оттуда перешли к наследникам Прокофьева, бывшего директора компании, и от них к букинисту на толкучий рынок, где и были куплены за безделицу известным нашим писателем по морской истории А. П. Соколовым. По смерти его эти записки хранились с его бумагами и теперь изданы, но, как нам кажется, еще не вполне» («31 присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград 25 мая 1862 г., СПб. 1862, стр. 86). Изданы эти записки под заглавием «Записки К. Хлебникова о Америке» только в 1861 году А. П. Соколовым в «Материалах для истории русских заселений по берегам восточного океана» в. 3, СПб. 1861, прил. к «Морскому Сборнику» № 3, 1861 г., стр. 1—174 со следующим примечанием А. Соколова: «Рукопись найдена у букиниста, которому досталось от наследников бывшего директора Американской компании, Прокофьева». (ibid., стр. 1).

БИБЛІОГРАФІЯ

А. В. Гуревич.

ПУШКИНСКИЕ ЮБИЛЕЙНЫЕ ДНИ В ЦАРСКОЙ СИБИРИ (1899 г.)

(Библиография составлена по сибирским газетам)

СТИХИ

1. Боженко К. „Памяти А. С. Пушкина". „Вост. Обозрен.", № 110, стр. 2.
2. Боженко К. „Памяти А. С. Пушкина". „Енисей", № 61, стр. 2.
3. Б . . . Н, В. Л. „26 мая 1899 года". „Амур. Газ"., № 21, стр. 797.
4. Васильева М. „26 мая 1899 года". „Вост. Обозрен.", № 110, стр. 1.
5. Ершов. „Памяти Пушкина". „Амур. Газ.", № 22, стр. 830—831.
6. Коренев С. „Памяти Пушкина". (Прочитано на лит. утре 27 мая 1899 г.) „Сиб. Жизнь", № 113, стр. 3.
7. Котюхов. „Пушкину". „Сиб Листок", № 42, стр. 1.
8. Ключаров Петр. „А. С. Пушкин". „Вост. Обозрен.", № 110, стр. 2.
9. Панов В. „Утешение". (Посвящается „Восточному Вестнику"). (По поводу пушкинского автографа, помещенного в газ. „Восточный Вестник") „Дальний Восток", № 59 (прибавление к „Дальнему Востоку"), стр. 4.
10. Случевский К. К. Стихотворение К. К. Случевского, прочитанное им в Петербурге, написанное к юбилею А. С. Пушкина. „Енисей", № 48, стр. 1.

СТАТЬИ, ОЧЕРКИ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

А

11. А-в В. „Из дневника захолустного литератора". „Сиб. Жизнь", № 130, стр. 3.
12. Амурский Старожил В. „К памяти А. С. Пушкина". „Вост. Вестник", № 42, стр. 1.

13. . . . „Англичанин о Пушкине". „Восточное обозрение" № 110 стр. 4.

Б

14. —. . .—„Белинский и Гоголь о Пушкине". „Енисей", № 56, стр. 1—3.

В

Г

15 —. . .—Генеалогия Пушкина. „Вост. Обозрение", № 110, стр. 4.
16.—. . .—„Голос печати". (О необходимости пересмотра узаконений, распоряжений о печати в связи с юбилеем Пушкина). „Амурская газ.", № 23, стр. 855—857.
17.—. . .—Гонорар Пушкина. „Восточное Обозрение" № 110, стр. 4.

Д

18.—. . .—„27 мая 1899 г." (передовая, посвященная Пушкину) „Сиб. Листок", № 41, стр. 1.

Е

Ж

19. Жариков А. „Малое слово о великом". „Владивосток", № 22, стр. 2—5.
20. Ж. А.—„Борис Годунов" трагедия Пушкина (критический очерк). „Владивосток" № 22, стр. 5—7.
21. Житель—Картины нашей жизни. (О значении Пушкина; о праздновании пушкинских дней в России; о чествовании Пушкина в Омске). „Степной край", № 64, стр. 2.

З

22. Зонин П. „Пушкинские празднества". (Пушкинские дни в Иркутске). „Восточное Обозрение", № 3.
23. З-н М. „Когда в Иркутске познакомились с Пушкиным". (Из юношеских воспоминаний) „Восточное обозрение", № 110, стр. 2.

И

24.—. . .—Из русской жизни. (Об отношении народных масс к Пушкину) „Амурская газета", № 25, стр. 917—921.
25.—. . .—Из русской старины. („О связях учителя Плетнева с литератором Пушкиным, материалы из июньской кн. „Русская старина"). „Степной край", № 72, стр. 4.
26.—. . .—„Иркутск, 26 мая 1899 г." (Передовая о Пушкине), „Восточное обозрение", № 110, стр. 2.

К

27. К-р А.—„О значении пушкинских торжеств". „Амурская газета", № 29, стр. 1063—1066.
28. К-р А.—„Чем велик Пушкин". „Амурская газ.", № 29, стр. 1083—1089.
29. —. . .—„Как хоронили Пушкина". „Вост. обозрение", № 110, стр. 2.
30. К. А.—„А. С. Пушкин". „Амурская газета", № 21, стр. 787—791.
31. Ко-в А. А.—А. С. Пушкин (продолжение) „Амурская газета", № 22. стр. 814—818.
32. Ко-в А.—А. С. Пушкин (окончание). „Амурская газета", № 26. стр. 943—954.

Л

33. Л—Б.—„Два великих современника. Пушкин и Гейне". „Вост. обозрение", № 110, стр. 2—3.
34. Л. С.—„Две годовщины". (Пушкин и Белинский). „Вост. обозрение". № 110, стр. 2.

М

35. Малиновский П.—„А. С. Пушкин и русская жизнь". „Сиб. Жизнь", № 40.
36. Малиновский П.—„А. С. Пушкин и русская жизнь" (продолжение) „Сиб. Жизнь", № 42.
37. Малиновский П.—„А. С. Пушкин и русская жизнь" (продолжение) „Сиб. Жизнь", № 43.
38. Малиновский П.—„А. С. Пушкин и русская жизнь" (окончание). Сиб. Жизнь", № 110.
39. М.—„А. С. Пушкин и Сибирь". „Сиб. жизнь", № 126, стр. 2—3.

Н

40. Новедимка „Чем мы живы". Сиб. Вестник", № 120, стр. 2.
41.—. . .—Ненапечатанный автограф Александра Сергеевича Пушкина (от редакции: автограф начинается словами: „Иной бессмертия желает" . . . „Вост. Вестник", № 42, стр. 1.

О

42.—. . .—„Освобождение Пушкина". Восточное обозрение", № 110. стр. 4.
43.—. . .—Очерки Никольской жизни. (О пушкинских днях в Ник-Уссурийске) „Вост. Вестник", № 34, стр. 2.

П

44.—. . .—Пушкинский день (передовая) „Вост. Вестник", № 42, стр. 1.
45.—. . .—„Александр Сергеевич Пушкин". (Передовая) „Владивосток", № 2, стр. 1—2.
46.—. . .—„А. С. Пушкин" (биографический очерк). Сиб. Жизнь", № 110, стр. 1.

47. Правдин К.—„Пушкин и русское общество“ (к столетию со дня рождения Пушкина) „Вост. обозрение“, № 116.

48.—. . .—„Предписание о похоронах“. „Восточное обозрение“, № 110, стр. 4.

49. Попов И. И.—А. С. Пушкин и его значение (речь). „Вост. обозрение“, № 112.

50. П. И.—„Пушкин и народ“. „Восточное обозрение“, № 110, стр. 1.

Р

51. Речь проф. И. А. Малиновского „Сиб. жизнь“, № 112, стр. 2.

52. Речь проф. В. В. Сапожникова. (В сокращенном виде). „Сиб. Жизнь“, № 112, стр. 2—3.

53. —. . .—Русская жизнь. (Выдержки из ст. Мицкевича о Пушкине в майской кн. „Мир божий“). „Енисей“, № 57, стр. 1.

54. —. . .—Русская печать. (Воспоминания 75 летн. старика крестьянина деревни Гойки (близ с. Михайловского) Афанасия Васильева, извлечено из „СПб Ведомостей“). „Енисей“, № 62, стр. 2.

55. Р. Г.—„Пушкин и Мицкевич“. „Вост. обозрение“, № 110, стр. 2—3.

С

56. —. . .—Сибирские очерки. (Полемика с „Епархиальными Ведомостями“, о понимании Пушкина). „Восточное обозрение“, № 115.

57.—. . .—„Сибирские очерки“ (пушкинские) „Вост. обозрение“, № 110, стр. 2.

58. С-ов Н.—Очерки русской жизни. (О предстоящих празднествах пушкинских дней. „Енисей“, № 55, стр. 3.

59. С-н А.—„Чита, 1899 г.“. „Заб. Обл. Ведомости“. № 58, стр. 3.

Т

60. —. . .—Театр и Пушкин. (Оперы и балет на темы Пушкина). „Вост. обозрение“, № 110, стр. 4.

61. Туганов Г.—Культурно-историческое значение Пушкина. „Амурская газ.“, № 21, стр. 785—787.

У

Ч

62.— . . .—Чествования А. С. Пушкина и полемика в печати. „Амурская газета“, № 21, стр. 793—795.

63.—. . .—Что такое литературный классицизм. (На юбилей великого русского классика). „Сиб. Вестник“, № 111, стр. 2.

Я

64. Я.—Журнальное обозрение. (Обзор литературы о Пушкине и пушкинском юбилее). Сиб. Жизнь“, № 144, стр. 2.

ОТЧЕТЫ, ПРОГРАММЫ, КОРРЕСПОНДЕНЦИИ, ХРОНИКА

А

1. Адрианов А.—По поводу пушкинских торжеств. Томск, 27 мая 1899 г. „Сиб. Жизнь", № 114, стр. 2.

Б

2. — . . . — Багат—Кузнецкого округа (Корреспонденция о праздновании пушкинских дней). „Сиб. Вестник", № 120, стр. 3.

3. Беликов Дм. и др.— Письмо в редакцию. „Сиб. Жизнь", № 112, стр. 3.

В

Г

4. Горемычный В. И.—Письмо в редакцию. (О музыкально-драматическом вечере, посвященном памяти Пушкина). „Дальний Восток", № 59, стр. 4.

5.— . . . — Г. Бийск. (Празднование пушкинских дней) „Сиб. Вестник", № 119, стр. 3.

6. — . . — Городская хроника (пушкинские торжества в Тобольске). „Сиб. Листок", № 42, стр. 1.

7.— . . . —„Гражданин" о Пушкине. „Сиб. Листок", № 45, стр. 3.

Д

8.— . . . —„23 мая, в 11 ч. дня, в Николаевском Городском трехклассном училище, состоялся годичный акт". (О чествовании Пушкина). „Приамурские ведомости", № 283, стр. 4.

9. Дол-ков. Всев.—Театр и музыка. (Рецензия о литературно-музыкальном вечере, устроенном в театре Королевы) „Сиб. Вестник", № 112, стр. 3.

Е

10.— . . . — Еще о пушкинских днях в Ишиме. „Сиб. Листок", № 48, стр. 2.

Ж

11. Жариков А.—Письма в редакцию. (По поводу рецензии Росснянина) „Вост. Вестник", № 28, стр. 4.

З

12.— . . . — Змеиногорск. (Пушкинский юбилей). „Сиб. Жизнь", № 136, стр. 3.

И

13. „Из Думской залы". Заседание Владивостокской Городской думы 7 апр. по вопросу „О чествовании памяти А. С. Пушкина во Владивостоке" „Вост. Вестник", № 29, стр. 3.

14. „Из Думской залы". Заседание Владивостокской Городской Думы 7 апр. по вопросу „О чествовании памяти А. С. Пушкина во Владивостоке" (продолжение). „Вост. Вестник", № 30, стр. 3.

15.— . —Из сибирской жизни. (О праздновании пушкинских дней в Иркутске). „Амурская газета", № 25, стр. 924.

16.— . . . —Иркутск, 17 января (о провинциальной печати и Пушкине) „Вост. обозрение", № 13.

17.— . . . —Иркутская хроника о пушкинских торжествах. „Восточное обозрение", № 110, стр. 2.

18.— . —Ишимская хроника (о праздновании пушкинских дней в г. Ишиме) „Сиб. Листок", № 44, стр. 2.

К

19.— . . . — К празднованию юбилея Пушкина 26, 27 и 28 мая (подробная программа на все пушкинские дни в Красноярске) „Енисей", № 60, стр. 3.

20. — . . — „К празднеству юбилея Пушкина 26 мая" (о программе пушкинских дней в Красноярске) „Енисей", № 56, стр 2.

21.— . — К чествованию памяти А. С. Пушкина. (Извлечение из журналов о предстоящем чествовании Пушкина). „Владивосток", № 6, стр. 9.

22. Консерватор. Корреспонденция о пушкинских днях, в Барнауле. „Сибирский Листок", № 48, стр. 2.

23.— . . — Красноярск, 11 июня. (О пушкинских днях). „Енисей" № 68, стр. 1—2.

24. Кремянский Е. „К празднованию столетней годовщины со дня рождения А. С. Пушкина". Омск, 1899 г., 15 мая. „Сиб. Вестник", № 110, стр. 2—3.

25.— . . — Культурное торжество. „Сиб. Вестник", № 111, стр. 2.

Л

26.— . . . — Литературно-музыкальный вечер 25 мая. „Сиб. Жизнь", № 111 стр. 3.

27.— . . — Литературно-музыкальный вечер в память Пушкина. (Рецензия). „Сиб. Вестник", № 112, стр. 3.

М

28.— . . . — Маленький фельетон—в г. Песочном. „Сиб. Жизнь", № 111, стр. 3.

29. Митрич В. Д.— В Омской Думе. О библиотеке-читальне имени А. С. Пушкина. „Сиб. Жизнь", № 146, стр. 2.

30. Митрич В. Д.— Обыватель в приподнятом настроении. „Сиб. жизнь" № 130, стр. 2.

31.— . — Местная хроника. (Описание пушкинских торжеств в Омске). „Амурская газета", № 22, стр. 828—831.

32.— . — Местная хроника. (О предстоящих пушкинских торжествах) „Сиб. Вестник", № 110, стр. 3.

Н

33. Надеждин Н.— По поводу пушкинских дней в Москве. „Вост. обозрение", № 122, 127.

34. Неведомов И. В.—Письмо в редакцию. (В ответ на рецензию Россиянина) „Дальний Восток, № 41, стр. 3.

35.— . . . — Неразрешенное чествование памяти поэта. „Сибирская жизнь", № 135, стр. 3.

О

36 — . . — Обзор общественной жизни Сибири. (О праздновании юбилея Пушкина в Иркутске, учительской семинарии 9 мая). „Енисей", № 58, стр. 3.

37.— . . — Обозрение русской жизни. (По поводу пушкинского юбилея).

38.— . — Общественная жизнь. (О проведении торжеств в Петербурге и др. городах России). „Тобольский Листок", № 42, стр. 2 –3.

39. Обыватель—Раздумье местного обывателя (подражание Пушкину). „Вост. Вестник", № 37, стр 2.

40. О. Е. П. Два дня пушкинских торжеств. „Сиб. Вестник", № 117, стр. 3.

41. О. Е. П. Маленький фельтон. „Сиб. Вестник", № 114, стр. 3.

42.— . — О значении чествования памяти Пушкина. „Заб. Обл. Ведомости", № 55, стр. 3.

43.— . — О кукольном пушкинском театре. „Степной край", № 67, стр. 2.

44.— . . . — О литературно-музыкальном вечере, посвященном Пушкину. „Енисей", № 65, стр. 2.

45.— . . . — Омск, 26 мая. (О праздновании пушкинских дней). „Степной край", № 61, стр. 1.

46.— . — О народном гулянии. „Сиб. Вестник", № 111, стр. 3.

47.— . — О праздновании пушкинских дней в с. Змеиногорске. „Сиб. Вестник", № 126, стр. 3.

48.— . . . — О праздновании пушкинских дней в Усть-Каменогорске. „Сиб. Вестник", № 128, стр. 3.

49.— . . — О праздновании различными красноярскими обществами и школами пушкинских дней. „Енисей", № 61, стр. 2.

50.— . . — О проведении пушкинских дней в Гуревском заводе Кузнецкого округа. „Сиб. Вестник", № 124, стр. 3.

51— . — О рассылке редакцией портретов Пушкина своим подписчикам „Заб. Обл. Ведомости", № 53–55.

52— . — От комиссии, избранной советом университета для организации чествования А. С. Пушкина. „Сибирская жизнь", № 110, стр. 4.

53.— . . —„Отчет спектакля устроенного в г. Хабаровске, чествование А. С. Пушкина 25 мая, с. г.". „Приамурские ведомости", № 284, стр. 18.

54.— . . . — От специального корреспондента о праздновании пушкинских дней в Москве. „Енисей", № 68, стр. 2.

55.— . . — О чествовании Пушкина в д. Невлево. „Сиб. Листок" № 45, стр. 1—2.

56.— . . . —1 июня—о Петербургских торжествах. „Тобольский Листок", № 43, стр. 6.

57.— . . — Печальное исключение. „Сиб. Жизнь", № 140, стр. 3.

58.— . — По России. (О предстоящих пушкинских празднествах в Пензе). „Енисей", № 63, стр. 3.

59. . . . — Празднование в Томске столетия со дня рождения А. С. Пушкина. „Сиб. Жизнь" № 112, стр. 2.

60.— . . — Празднование юбилея Пушкина в Красноярской женской гимназии. „Енисей", № 64, стр. 2.

61.— . . . — Программа литературно-вокально-музыкального утра, устраиваемого Хабаровской женской гимназией в память столетия со дня рождения А. С. Пушкина. „Приамурские ведомости", № 275, стр, 13.

62.— . — Программа музыкально-драматического вечера, посвященного А. С. Пушкину. „Вост. Вестник" № 43, стр. 4.

63.— . . —Программа музыкально-драматического вечера, посвященного Пушкину. „Вост. Вестник", № 43, стр. 4.

64.— . . . — Программа чествования памяти А. С. Пушкина советом Приамурского отдела ИТГО, совместно с представителями музыкально-драматического кружка, учебных заведений, городской думы. „Приамурские ведомости", № 281, стр. 8.

65.— . . — Программа чествования столетнего юбилея А. С. Пушкина. „Амурская газета", № 21, стр 779—780.

66.— . . . — Программа чествования столетнего юбилея А. С. Пушкина. „Амурская газета".—(приложение) 21 мая № , стр. 1—2.

67. Пудовиков— О праздновании пушкинских дней в Тюкалинске. „Степной край", № 64, стр. 3.

68.— . . —Пушкинские дни в ст. Вознесенской. „Степной край", № 66, стр. 4.

69. — . . . —Пушкинские дни в г. Песочном. „Сиб. жизнь", № 111, стр. 3.

70.— . . . —Пушкинские дни в ст. Сандыкатовская. „Степной край", № 69, стр. 3.

71.— . . —Пушкинский праздник и выпускной акт в Иркутской духовной семинарии. „Прибавления к Иркутской епархиальным ведомостям" № 13, стр. 400.

72 — . . —Пушкинский праздник. (Программа предстоящих празднеств во Владивостоке). „Владивосток", № 21, стр. 3.

73.— . . —Пушкинский поселок, Тобольской губернии. (Сбор пожертвований на церковь и школу). „Сиб. жизнь", № 130, стр. 2.

74.— . . . — Пушкинские торжества в Красноярске. „Енисей"; № 63, стр. 1—2.

75. П. М.—Беклемешево. (Корреспонденция о пушкинских днях в Беклемешево). „Заб. Обл. Ведомости", № 61, стр. 2—3.

76. П. А.— Саратов 1 июня. (О праздновании там пушкинских дней). „Енисей", № 71, стр. 3.

Р

77. Речь преподавателя духовной семинарии Василенко о Пушкине. „Прибавления к Иркутским Епархиальным ведомостям", № 14, стр. 406—408.

78. Россиянин. Несколько слов о наших литературных вечерах и концертах. (Рецензия на пушкинский вечер) „Дальний Восток", № 40 (приложение), стр. 2.

79.— —Русская жизнь. („Обед литераторов") „Сиб. жизнь", № 124, стр. 3.

80.— . —Русская жизнь. Мнение Пермского преосвященного о Пушкине. „Сиб. жизнь", № 121, стр. 3.

С

81. Старожил—„Барнаул 28 мая, 1899 г." (О праздновании пушкинских дней в Барнауле). „Сиб. Вестник", № 120, стр. 3.

82.— . —Сибирские известия. (О праздновании пушкинских дней в Тюмени) „Сиб. Листок", № 45, стр. 3.

83. Сильницкий А.—„Чествования столетия со дня рождения А. С. Пушкина в Хабаровске, происходившее 25, 26 и 27 мая с. г.", „Приамурские ведомости", № 283, стр. 7—11.

84.— . —Смесь. (Шутки, остроты, связанные с Пушкиным и его произведениями) „Енисей", № 71, стр. 3.

85. С-П А.— „Святогорский успенский монастырь" (О Пушкине и его могиле). „Заб. Обл. Ведомости", № 38 стр. 3.

Т

86.— . —Театр и музыка. Бесплатный пушкинский вечер. „Сиб. жизнь", № 114, стр. 3

87.— . —Телеграммы Российского телеграфного агентства. (Пушкинские дни в Кронштадте, Казани, Новороссийске, с. Петербурге). „Сиб. жизнь", № 113, стр. 2.

88. Телеграммы Российского телеграфного агентства, 24 мая. (О праздновании столетнего юбилея Пушкина в Петербурге). „Сиб. жизнь", № 111, стр. 2.

89.— . —31 мая—телеграммы о чествовании Пушкина из Славянских земель. „Сиб. Листок", № 43, стр. 5—6.

90. Томская хроника. „Сиб. жизнь", № 111, стр. 2.

91.— —Томск.—Чествование памяти великого поэта А. С. Пушкина. „Енисей", № 67, стр. 3.

92. Туринец—Туринск. (Пушкинские дни и голодающие). „Сиб. Вестник" № 123, стр. 2—3.

У

Ф

93. Фон-тоде—из дневника Хроникера. „Сиб Жизнь", № 119, стр. 2.

94. Ф. В.—Маленький фельетон. (После пушкинских торжеств). „Сиб. Жизнь", № 113, стр. 3.

Х

95. Х.—«О народном доме» им. Пушкина. «Вост. Вестник» № 42, стр. 2.

96.— . —Хроника—о праздновании пушкинского юбилея школами Омска. «Степной край», № 63, стр. 1.

97.— . .—Хроника. (О проведенных пушкинских торжествах во Владивостоке) «Владивосток», № 22, стр. 7.

98.— . . .—Хроника. (О провед. честв. А. С. Пушкина во Владивостоке) «Вост. Вестник», № 43, стр. 1—2.

99.— . . .—Хроника (О программе пушкинских торжеств в Ник.-Уссурийске) «Владивосток», № 22, стр. 8—9.

Ц

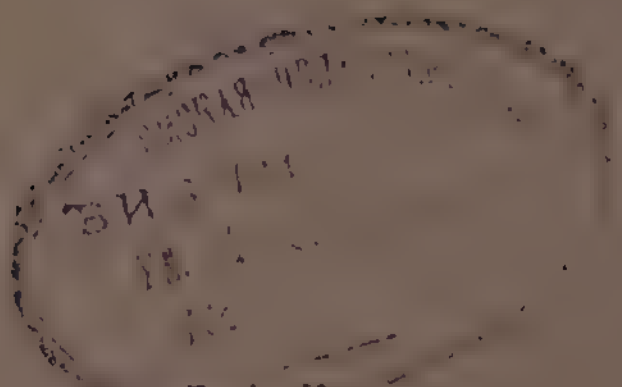
Ч

Ш

Щ

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Ф. Кунгуров.—Великий поэт великого народа 3
А. В. Гуревич.—Декабристы в сибирской ссылке и Пушкин . . . 27
А. В. Гуревич —Старая Сибирь о Пушкине 44
Н. В. Цейтц.—Sibirica в библиотеке Пушкина 74
А. В. Зигур.—Пушкин и Калашников 101
М. П. Алексеев.—Пушкин и Китай 108
В. И. Селинов —Прошлое Камчатки в круге исторических интересов Пушкина 146
Л. Б. Модзалевский.—Пушкин и К. Т. Хлебников 155
А. В. Гуревич.—Пушкинские юбилейные дни в царской Сибири (1899 г.) 166



Отв. редактор *Г. Ф. Кунгуров.* Тех. редактор *М. Ф. Клинской.*
Корректоры *А. И. Воеводина и Н. С. Юрин.*

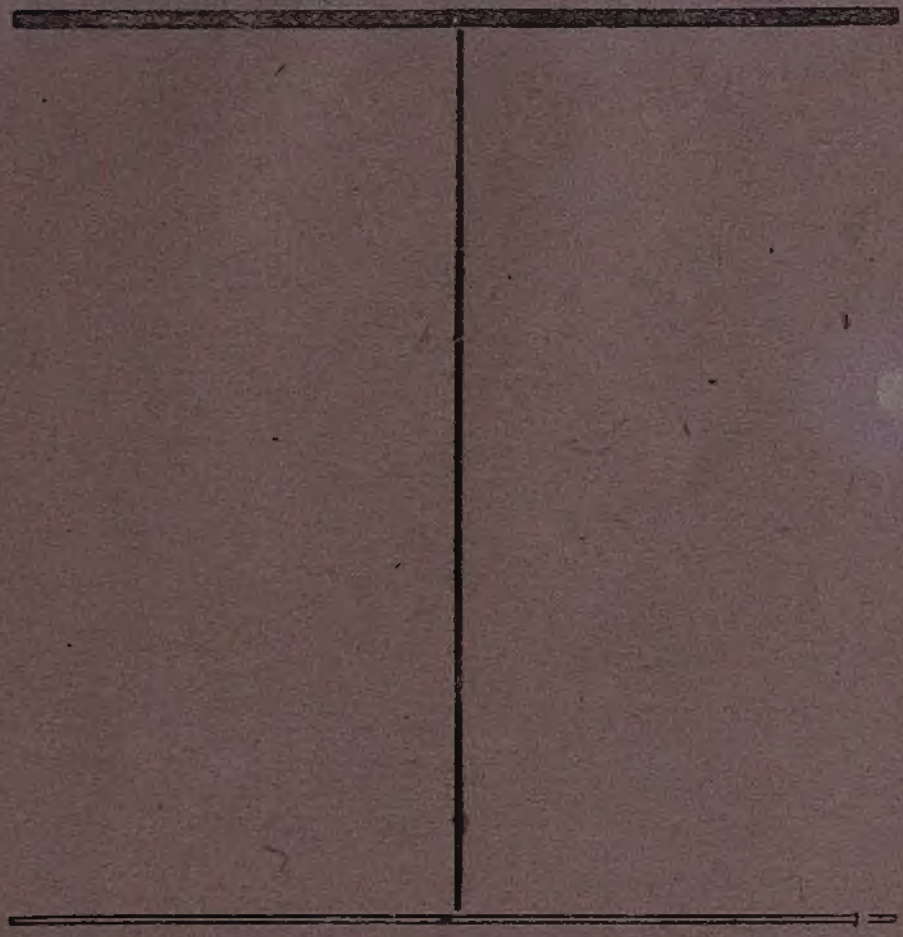
Сдано в набор 4/III-1937 г. Подписано к печати 15/IV-1937 г. Огиз 891. Уполн. В.-Сиб. Обллита 608. Бумага 62×94/20. Бум. листов 5,5. Печат. листов 11. Учетно-авторских листов 8,26. Тираж 10000. Индекс X—4в. Заказ 674.
Цена 2 р. 45 к. Переплет 95 к.

г. Иркутск, тип. Огиза треста „Полиграфкнига"

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строчка сверху	Строчка снизу	Напечатано	Следует читать
11	10	—	степной	степей
14	—	9	сердцами	сердцами
15	—	13	[illegible]	его
28	в сноске		Цевловского	Цявловского
28	18	—	Маркса	Марса
„	в сноске		С. Я. Штрайна	С. Я. Штрайха
29	—	6	Дельвиг	Дельвигу
39	—	10	Токочут	Рокочут
45	—	12	И. Д. Якушин	И. Д. Якушкин
59	5	—	один	одно
59	7	—	списком	список
78	—	7	Сиб.	СПб.
85	8	—	могучестве	могуществе
91	6	—	Кампании	Компании
92	18	—	описанно	описанное
„	—	7	„уродивой“	„уродливой“
97	в сноске		ч. VIVI	ч. VII
118	—	14	домиков,	домиков
128	7	—	были	был
172	15	—	фельтон	фельетон
173	—	12	Иркутской	Иркутским
174	15	—	происходившее	происходившие

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока.



Колич. предыд. выдач. _____

Тип. „Пролетарская мысль", М. Сухаревский 9. Зак. 1355

8 р. 40 к.